

Исламоведение. 1. Аравия, колыбель ислама

Николай Петрович Остроумов

Введение

Введение

Двадцатое столетие может быть названо «столетием пробуждения ислама». По крайней мере, в первое десятилетие этого столетия очень рельефно обнаружилось повсеместное сознательное движение мусульман к общечеловеческому просвещению и к формам жизни, согласованным с современными понятиями о культуре и прогрессе. Неожиданные перемены в образе правления Турции и Персии, развитие мусульманской печати даже среди российских мусульман, стремление к школьному образованию на автономных началах и не всегда скрываемое недовольство существующими порядками управления, в связи с несомненным падением русского престижа в глазах инородцев России, – все это должно побуждать русских людей к более серьезному знакомству с миром ислама, насчитывающим на всем земном шаре более 200 миллионов последователей.

Численность мусульман увеличивается и притом не за счет только низших рас и низших религий, а наши познания в этой области мало подвигаются вперед: мы мало знакомы и с древним исламом, а потому и на современное пробуждение мусульман мало обращаем внимания. Между тем, указанные обстоятельства побуждают нас безотлагательно приняться за ознакомление с этим колоссальным мировым фактором, с каковой целью учреждены особые курсы востоковедения в Ташкенте.

Приняв приглашение знакомить слушателей этих курсов с исламоведением, я на первых же порах встретился с большим затруднением – отсутствием руководства по названному курсу, что и побудило меня к переизданию печатаемой книги¹. При этом автор, без всякого самовосхваления, полагает, что печатаемый труд его может на первых порах пополнить сознаваемый недостаток в руководстве по исламоведению для г.г. военных офицеров, готовящихся к занятию административных должностей в Туркестанском крае, коренное население которого исповедует мусульманскую религию и в своей домашней и общественной жизни следует предписаниям шариата. В тоже время печатаемая книга может служить для справок каждому интересующемуся историей ислама и специально не изучавшему этот отдел всемирной истории, и пособием для преподавателей средневекового периода

всемирной истории в наших средних учебных заведениях, избавив их от труда подбирать из разных книг необходимый для уроков материал.

В виду высказанных соображений, автор намерен издать последовательно несколько выпусков своего труда, в числе которых печатаемая книга составляет первый выпуск. Затем будут следовать: очерк жизни Мухаммеда – основателя ислама; история текста Корана – главной законодательной книги мусульман, с изложением основных верований и нравственных обязанностей мусульман; очерк развития мусульманского законовещения с кратким изложением разных отделов его, по школе Абу-Ханифы. План автора в этом деле таков: Аравия, Мухаммед и Коран – три имени, соединенные между собой тесной внутренней связью: без Аравии не было бы Мухаммеда и Корана, а без Мухаммеда и Корана Аравия не имела бы такой мировой известности, какой она до сих пор пользуется, и того значения, какое она имеет в религиозной и политической жизни мусульман.

Высказанными соображениями объясняется заглавие печатаемого выпуска, в котором автор намерен показать зависимость учения Корана от географических, исторических и этнографических особенностей Аравии и объяснить, каким образом это малоизвестное, не везде оригинальное и притом не идеальное в своем существе учение первоначально распространилось среди арабов, почему затем оно находило себе прозелитов преимущественно в Азии и Африке и какое влияние оказывает на них. Автор предполагает распределить содержание печатаемой книги по следующим главам: 1) географическое описание Аравии; 2) исторические сведения о древней Аравии; 3) древние обитатели Аравии; 4) домашний и общественный быт древних арабов; 5) характер и нравы древних арабов; 6) религиозные верования древних арабов; 7) арабский язык – язык Корана; 8) Кааба и обряды хаджа у древних арабов; 9) арабы и христианство; 10) современное положение Аравии в связи с распространением ислама.

Средства для издания печатаемой книги, с разрешения Туркестанского Генерал-Губернатора, генерал-лейтенанта Александра Васильевича Самсонова, даны автору Статистическим Комитетом Сыр-Дарьинской области.

Приношу Статистическому Комитету и его превосходительству искреннюю благодарность за внимание к моему посильному труду на пользу Туркестанского края, а также Владимиру Андреевичу Мустафину², содействовавшему разрешению издания печатаемой книги на указанные средства.

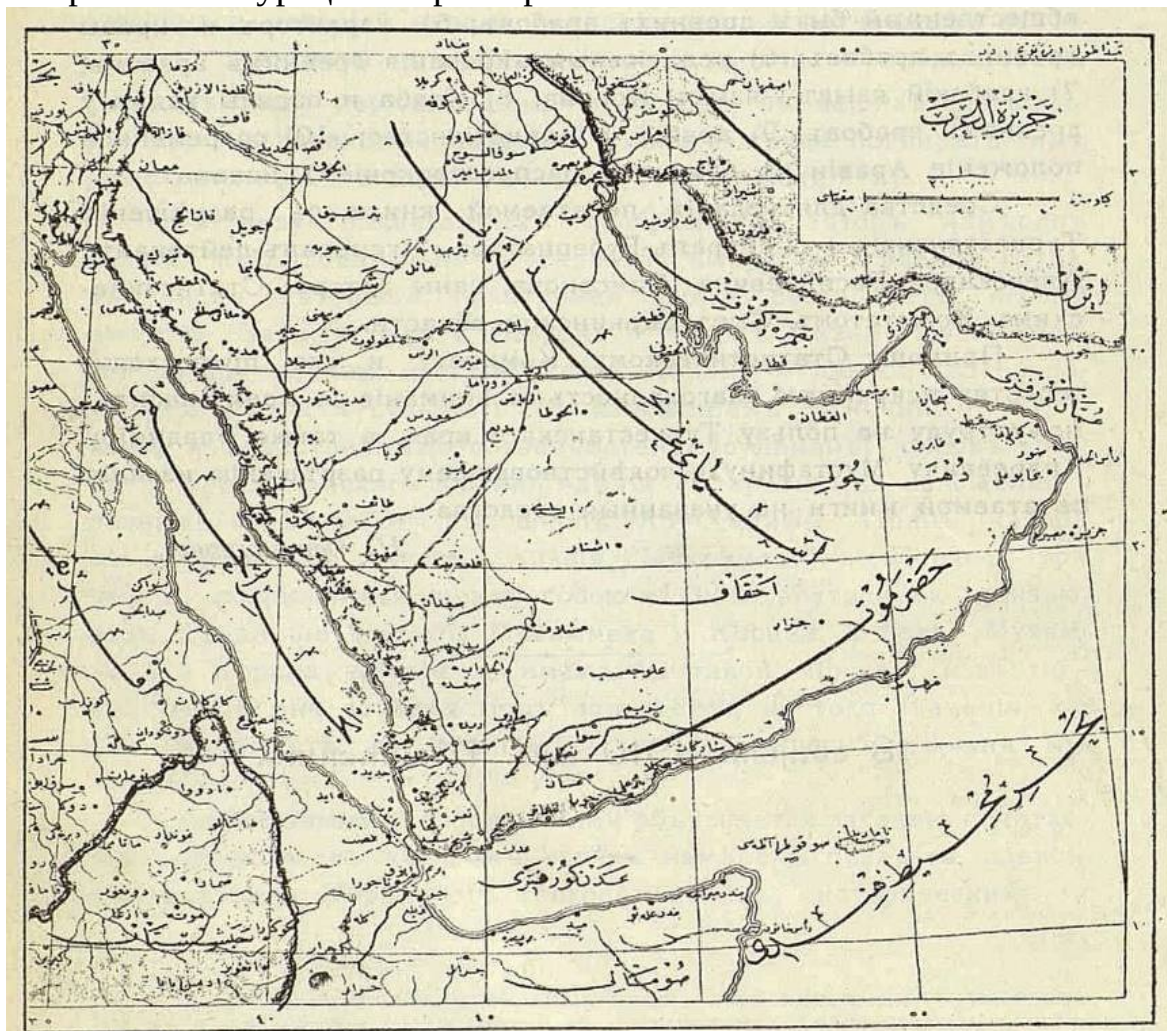
Н. Остроумов

18 августа 1910 года. Ташкент.

Географическое описание Аравии

(جزيرة العرب)

Современная Турецкая карта Аравии

Изображенная на прилагаемой турецкой карте Аравия занимает юго-западный полуостров Азии, так называемый Аравийский полуостров, находящийся между 12° и 30° с. ш. и между 35° и 60° в. д. от Гринвича³, или между 50° и 76° от Ферро. Соединяясь на севере с европейско-азиатским материком, Аравийский полуостров находился в непосредственной близости к Сирии, Палестине, Финикии и Ассиро-Вавилонии; с восточной стороны Персидский залив доставлял Аравии удобное сообщение с древним Мидо-Персидским государством и в то же время, соединяя ее с Индийским океаном, открывал путь в богатую Индию; на за-

паде, при посредстве Аравийского залива, Аравия примыкала к древнему Египту и Эфиопии. Узкий перешеек соединял Аравию с берегами Средиземного моря, вокруг которого развивалась древняя цивилизация.

Более точные границы Аравии указывает известный мусульманский ученый конца 13 и начала 14 в., Абульфеда: «Человек который бы хотел проследовать по границам Аравии и который отправился бы от Айлы (Акаба) на юг, по берегу моря, имел бы море на правой руке и проехал бы последовательно через города: Мадриан, Янбо, Альбараэ, Джидду. Затем, вступив в Емен, он проехал бы через города Зебид и Аден. Далее он ехал бы по Емену, имея впереди восток, а справа – море, как прежде, и проехал бы по берегу Дафару (Зафару) и по берегу Махры. Затем, направляясь к северу и продолжая иметь справа море, он оставил бы берег Махры, проехал бы через Оман, поравнялся бы с островом Аваном и посетил бы Алькатиф, Кадеме и Басору (Бостра). Потом он сделал бы поворот и, удаляясь от моря, направился бы к востоку: Ефрат находился бы у него на правой руке, и он последовательно миновал бы города: Альсиб, Куфу, Ану, Рахабу и Балес; он путешествовал бы по границам Алепской провинции, затем проехал бы через Саламию и Бельку и прибыл бы в город Айлу, из которого отправился»⁴.

Древние европейские географы, со времен Птолемея (ум. в 161 г. по Р. Хр.), разделяли Аравию на три части; Каменистую Аравию, Занимавшую северо-западную часть Аравии, лежащую на юг от Палестины и обнимавшую так называемый Синайский полуостров; Пустынную Аравию, лежащую к северо-востоку от Каменистой, с городом Пальмирой; Счастливую Аравию, составлявшую южную и юго-западную части Аравийского полуострова, с городами: Меккой, Мединой, Аденом и др.⁵ Но такое деление Аравии, удержанное средневековыми географами, не отвечает действительному положению полуострова и объясняется недостаточным знакомством этих географов со страной, которую они описывали с чужих слов⁶.

Со времени арабских завоеваний Аравия сделалась более известна, и мусульманские ученые, имевшие особый интерес изучать Аравийский полуостров, известный у них под именем «Джезирату-ль-араб» т. е. Полуостров арабов, принимали другое деление Аравии. Так, Альмадаини (ум. в первой половине 9 века по Р. Хр.) делит Аравию на следующие пять частей: Тегама, Неджед, Хиджаз, Аруз и Емен. По объяснению этого автора, Тегама⁷ находится на юге Хиджаза, а Неджед⁸ лежит между Хиджазом и Ираком. Что касается Хиджаза, то это – гористая страна, простирающаяся от Емена до Сирии. В ней находятся Медина и Оман⁹.

Аруз¹⁰ есть тоже, что Ямама – страна, доходящая до Бахрайна. Альмадаини объясняет название Хиджаз тем, что он служит разделом между Надждом и Тегамой и добавляет, что Хиджаз расположен от Медины до Табука и от Медины до Куфинской дороги. Страна, лежащая дальше на восток, до территории Бассоры, принадлежит к Наджду. К Хиджазу, напротив, относится страна между Мединой и Меккой до отлогости Арджа (махбатуль-ардж). Страна, лежащая дальше в направлении к Мекке и к Джидде, составляет часть Тегамы.

Известный багдадский ученый путешественник (943–968 гг. по Р. Хр.) Ибн-Хаукал принял другое деление Аравии, именно: 1) Хиджаз, в котором заключается Мекка, Медина и Ямама; 2) Наджд (или возвышенную часть) Хиджаза, простирающийся от Хиджаза до Бахрайна; 3) открытые равнины (бадия¹¹) Ирака, Джебзир и Сирии; 4) Емен, в котором заключается Тегама, Наджд, Ямама, Оман, Махра, Хадрамаут, территории Санаа и Адена и большое число других округов. Сообразно этому, Емен заключает местности, расположенные от Альсеррайна (на Красном море) через территорию Елемлем до вершины горы Тайфа, равно как Наджд от Емена до Персидского залива, с восточной стороны «Иемен, прибавляет Ибн-Хаукал, занимает почти 2/3 всего полуострова». Хиджаз занимает местность, находящуюся между Альсеррайном на берегу Красного моря до Мадяна, затем заходит к востоку через Альхиджр до горы Тай, на плоскогории Емамы. К Наджду принадлежит страна, находящаяся между Егамой в окрестностях Медины, до территории Бассоры и до Бахрайна. Равнины Ирака (бадияту-ль-Ирак) содержат страны от Аббадана до Хайбара, вдоль Наджда и Хиджаза. Под именем равнин Джебзира (бадияту-ль-Джебзира) нужно понимать страну, простирающуюся от Хайбара до Балеса, Таймы и Вади ль-кора (долины деревень). Наконец, равнины Сирии (бадияту-ль-Шам) заключают страну от города Балеса до Айлы, против Хиджаза и возле территории Табука. Ибн-Хаукал говорит также, что, по мнению некоторых ученых, знакомых с предметом, Медина входит в Наджд, а Мекка – в Тегаму Емена¹².

Береговая линия Аравийского полуострова, по словам Реклю, почти прямая и придает ему почти правильную геометрическую фигуру продолговатого прямоугольника¹³; общий рельеф полуострова отличается такой же почти правильностью, как и очертания береговой линии. Горные цепи, выдвигающиеся вдоль береговой линии, замыкают на востоке юге и западе правильным валом (высотой в некоторых местах до 2000 метров) находящуюся внутри них возвышенность, центром которой служит Наджд (высокая страна), по обе стороны от 25° с. ш.

При неопределенности северной границы Аравийского полуострова, площадь его определялась и до сих пор определяется различно. Ибн-Хаукал вычисляет собственно окружность Аравии таким образом; от Аббадана до Бахрайна месяц, до Омана месяц, от Омана до Махры месяц, от Махры до Адена месяц, от Адена до Джидды месяц, от Джидды до гавани Альджохфа три перехода, от Альджохфы до Альджара также три перехода и от Альджара до Айлы 20 переходов. Абульфера прибавляет, что от Айлы до горы Шарата (Ашшарат)¹⁴ считается около трех переходов, от Шарата до Белькаа около трех переходов, от Белькаа до машариков¹⁵ Хаурана почти шесть переходов, от машариков Хаурана до территории Дамаска около трех переходов, от машариков Дамаска до Саламиа около четырех переходов, оттуда до Балеса около семи переходов, от Балеса до Куфы около 20 переходов, от Куфы до Бассоры около 12 переходов и от Бассоры до Аббадана почти два перехода¹⁶.

Площадь Аравийского полуострова Гельвальд определяет в 2 750 000 кв. км., Реклю в 3 100 000 кв. км., считая в том числе и Синайский полуостров¹⁷; в Энциклопедическом словаре проф. Березина поверхность Аравии определяется около 48.000 кв. миль¹⁸, а в словаре проф. Андриевского – в 3 156 000 кв. км.¹⁹. В «Живописном путешествии по Азии» (перев. Е. Корша) длина Аравии определяется в 600 миль, ширина – в 500 миль, вся поверхность до 80 000 кв. миль с 12 мил. жителей. Более двух третей всей поверхности Аравии занимают степи (С.-Петербург 1840 г. Т. 6, стр. 261).

По своему географическому положению вообще, по устройству поверхности, по климату, флоре и фауне, Аравийский полуостров принадлежит в одно и тоже время, как говорит Реклю, к Азии и Африке, как переходная ступень между этими двумя частями света; по контурам, по направлению гор, по климатическим условиям, – это преимущественно Африканская земля; по скату же своих потоков, по смежности с бассейном Ефрата, на протяжении с лишком 1000 километров, это, напротив, одна из стран Азии²⁰. Крайнее сходство природы обоих берегов Красного моря дает ученым основание предполагать, что на месте этого моря и Аденского залива произошел некогда разрыв поверхности материка от вулканических причин, на действие которых ясно указывают с одной стороны вулканические острова Красного моря, а также – вулканический пояс, идущий от Хаурана до окрестностей Мекки (Гельвальд). В указанной родственности природы Аравии с Азией и Африкой нужно видеть одну из причин, давшую исламу, возникшему на Аравийском полуострове, возможность успешного и широкого распространения на обоих названных

материках старого света, как об этом красноречиво говорит современное распространение этой религии.

В Коране очень мало сведений о населенных пунктах Аравии: во всей этой книге названы всего четыре города – Мекка, Медина, Саба и Табук. При полной запретности священной области для иноверцев и при физической затруднительности путешествий по Аравии, только немногие европейцы, с огромными лишениями и большим риском, решались проникать в некоторые области ее и оставили описания своих путешествий, описаний виденных ими местностей и вообще наблюдений и пережитых впечатлений. Замечательнейшие из них: Нибур К. (1733–1815 г.), путешествовавший по Емену в 1763 г., Бурхгарт (1784–1817 г.), Пальгрэв (1826–1388 г.), Хургронье, живший в самой Мекке в 1884–5 г.г. и немногие другие. На основании этих путешествий и других авторов, можно составить довольно ясное представление о населенных пунктах Аравийского полуострова.

В Каменистой Аравии встречаются развалины древних городов с христианскими памятниками. Это – древняя Петрея, получившая свое название от главного города Петры, славившегося своей торговлей и богатством, потому что он находился на большом караванном пути из Емена в Сирию и др. страны. Это – позднейший Хиджр, упомянутый в Коране. Исторические сведения об этой части Аравии сообщаются во 2 главе настоящего издания. В этой же области находились Айла (Эла, Села, позднейшая Акаба) и Бостра (позд. Бассора).

Пустынная Аравия (Нажд), тянущаяся к востоку от Хиджаза, возвышенна, гориста и малодоступна. Страна эта была известна при царе Соломоне по городу Тадмору (Пальмира). Особую известность приобрела эта область в 18-м столетии, когда Абдул-Ваггаб основал секту Ваггабитов, угрожавшую правоверному исламу²¹ и до сих пор озабочивающую турецкое правительство.

По берегам, омываемым Персидским заливом, расположены торговые города: Кувейт, Рас-аль-Кейма, Кятиф и Маскат. Близ Кятифа устроена бухта и производится добыча жемчуга. Маскат, главный город Омана, окружен садами и финиковыми деревьями и славится своей пристанью. Он ведет большую торговлю со всеми другими городами Персидского залива и с Индией. К северу от Маската находится приморский город Сахар с хорошей пристанью.

Вдоль южного берега Аравии располагается область Гадремаута, составляющая вместе с Оманом и Еменом древнюю «Счастливую Аравию». Вдоль этого берега находится несколько хороших пристаней, а

внутри полуострова тянутся известные в Коране (46:20) пески Ахкаф, среди которых жили древние Адяне (см. гл. 3). В древнее время в южной Аравии были известны города: Наджран, Магриб (Саба, Сабот, Зафар, Шаджар, Хаджар и Санаа, главный город плодоносного округа.

Юго-Западную часть полуострова, на запад от Гадремаута, занимает Емен, описанный Нибуrom, после его путешествия по этой области в 1763 году. Город Аден считается главной пристанью на южном берегу Аравии.

По берегу Красного моря с юга к северу расположены Саид и Моха (Мокка), считающийся главным складочным местом кофе, произрастающим в окрестностях города. К западу от Мокки лежит город Таас, изобилующий пшеницей и плодами. К северу от Мокки расположена хорошая пристань Ходейда, торгующая кофе, а далее к северу же находится пристань Джидда, ведущая в святую область Хиджаза. В этой пристани ежегодно высаживаются на аравийский берег многочисленные мусульманские богомольцы (хаджи), следующие в Мекку (др. Макораба) морским путем. Недалеко от Мекки находится известный в жизни Мухаммеда Таиф. Другой более северной пристанью для богомольцев служит пристань Янбуг (Янбо), из которой они направляются в другой священный город мусульман Медину, древний Ятсриб (Ятриппа греч. географов). Недалеко от Медины находились еврейские поселения: Хайбар, Фадак, Тайма (Вадиль кора).

Оба священные города мусульман (Мекка и Медина) находятся внутри полуострова, расположены в низменностях, окруженных горами и трудно доступных с моря и суши. Только в прошлом году до Медины была проведена железная дорога от Дамаска.

Севернее Янбуга, на том же берегу находится пристань Ваджи с укрепленным замком (Аль-ваджи каласы), славящаяся хорошей питьевой водой и запасом съестных припасов. К северо-западу от этого укрепления, в пустыне находится Табук известный в истории Мухаммеда²², и залив Акаба с городом того же имени (древ. Айла, Эла, Села), в котором стекаются богомольцы, следующие в Аравию из Сирии и Египта. Из этого пункта еврейский царь Соломон отправлял свои торговые суда в Офир, на юго-западе полуострова²³.

Колыбелью ислама была собственно Хиджазская область с двумя большими ее городами: Меккой – родиной Мухаммеда и Мединой – городом смерти его, в котором он был похоронен и где до сих пор находится его могила. Название «Хиджаз» означает собственно «страну раздела» или потому, как говорит Риттер, что Хиджазские горы отделяют приморскую область от внутренних плоскогорий, или потому, что эта

область отделяет Сирию от Емена, или наконец потому, что поверхность Хиджаза разрезана горными цепями на несколько отдельных долин. Горные вершины этой страны не высоки (до 2000 метр.); гранитные формации и горные породы вторичного происхождения, прерываются потоками лавы. Особенного внимания заслуживают встречающиеся здесь поющие и издающие звуки горки. Это – так называемая музыка песков, известная и в других местностях Аравийской пустыни. Основатель ислама, как известно из его биографии, неоднократно слышал голоса, которым придавал сверхъестественное происхождение. Скаты хиджазского плоскогорья в некоторых местах очень пологи, и поверхность в общем рельефе не представляется гористой. Хребет «Джебель-кора», проходящий на востоке от Мекки, в предгорьях своих, со стороны моря возвышается от 500 до 1000 метров; перевал этого хребта, через который, по узкой тропинке, нужно подняться, чтобы попасть в ближайший к Мекке и хорошо известный в первоначальной истории ислама город Таиф, стоит на высоте около 1600 метров, а гора Бени-Суфьян на юго-востоке полуострова возвышается не менее, как на 2000 метров. К самой Мекке, лежащей на покатости, в равнине, спускающейся на запад к городу Джидда, подъем весьма незначительный. С гор по дну оврага, между глыбами гранита, пробиваются ручейки, которые от осенних дождей так иногда увеличиваются, что заливают улицы Мекки и внутренность двора Каабы, а по дороге к Джидде образуют селевые потоки, в которых тонут хаджи и вьючные животные. Земледелия и садоводства в Мекке и окрестностях нет. Пищевые продукты здесь привозные. Так рассказывали автору Ташкентские хаджи, возвратившиеся из Мекки.

Емен почти сплошь состоит из гористого плоскогорья, по которому, параллельно Красному морю, тянутся горные цепи, составляющие продолжение Хиджазских гор. Город Сана лежит на высоте 2130 метров. В долинах склоны гор обработаны террасами и покрыты красивой зеленью. В продуктах земледелия и садоводства оседлые жители этой страны всегда находили главный источник своего благосостояния, но для кочевой жизни здесь нет больших удобств.

К характеристике всего западного побережья Аравийского полуострова нужно добавить и то еще, что горные хребты его состоят из пород вулканического происхождения и что неправильности в береговой линии, во многих местах круто поднимающейся от морского берега, обязаны разрыву почвы, под влиянием вулканических причин.

Южный берег Аравийского полуострова, имеющий протяжение почти в тысячу миль, большей частью довольно низменный, усеян

вулканическими горками и постепенно поднимается во внутрь страны террасами, имеющими не более 1000 метров высоты. По другую сторону этой горной цепи поверхность снова понижается по направлению к большой внутренней равнине. Находящиеся в центре Аравийского полуострова горы Наджда тянутся до горных цепей, расположенных по берегам Красного моря; в них встречаются кратеры и застывшие потоки лавы. Здесь в области «Харра»²⁴ находится пустыня и каменистая часть полуострова. К востоку от Маданской земли находится другая вулканическая местность (Харра), из которой арабы добывают базальтовые ступки и жернова. На северо-востоке от Медины, близ города Хайбара, находится так называемая «Огненная Харра», вулканическая деятельность которой проявлялась еще во времена исторического периода Аравии, именно – по преданию – за шесть столетий до Мухаммеда, а также – в правление второго халифа Омара. Известная в истории жизни Мухаммеда гора Оход²⁵ принадлежит также к вулканическим. Буркхарт в своем путешествии из Мекки в Медину имел случай заметить несколько местностей, казавшихся ему вулканическими. Что касается до Харры Мединской, то она расположена приблизительно в 8 верстах к востоку от этого города Буркхарт приводит следующий рассказ об извержении, предшествуемом землетрясением, в 654 г. от Гиджры (1256 по Р. Х.): «Мухаммед сказал, что час, то есть конец мира, ознаменуется огнем, который от Хиджаза будет виден до Сирии и который обольет шею бассорских верблюдов светом». Вскоре после смерти Мухаммеда, в халифатство Омара, было, как говорит, извержение. Что касается извержения 1256 года, то огонь, по некоторым рассказам, показывался в продолжение трех месяцев. Мединские женщины пряли по вечерам при свете этого огня. Огонь выходил с северной стороны, двигаясь подобно муравью. Он пожирал камни и все, что ему попадалось на пути: только дерево противостояло ему. Два человека, приблизившиеся к огню, не чувствовали большого жара; но, когда один из них погрузил стрелу в землю, железо расплавилось; когда он погрузил стрелу другим концом, перья ее сгорали, но дерево осталось невредимым. Все думали, что свету – конец, и все умы обратились к Богу. Начальник Медины, в надежде умиловить гнев неба, поспешно отменил несколько обременительных податей и освободил своих рабов. Верно то, что через некоторое время мединская мечеть стала жертвой страшного пожара и что татары взяли Багдад и ниспровергли халифат. Оба эти события были сочтены мусульманами за предостережение неба. – Огонь расплавил горы, находившиеся на его пути. Долина Шаза была завалена лавой. Вода, не

имея более стока, стала прибывать и образовала озеро, берега которого терялись из виду; казалось, что это – Нил во время разлива. Впоследствии долина еще раз была завалена лавой и опять очистилась от нее²⁶.

В промежутке горных кряжей Заиорданской страны, Идумеи и различных Харр на западе, горы Шаммар на юге и равнин Ефрата на востоке заключается огромное пространство в полмиллиона с лишком кв. километров, называемое «Аравийской пустыней» (Бадиату-ль-араб) Большая часть этого пространства представляет собой степь, на которой кочующие бедуины находят в изобилии траву для своих стад; но, за исключением таких пространств остальная поверхность представляет собой отчасти каменистую, отчасти песчаную пустыню, по которой знаменитый предводитель армии Мухаммеда Халид (в 634 г.) совершил небывалый ни ранее, ни после поход в Тадморский оазис, где и разбил византийские войска.

На три стороны (за исключением западной) от горы Шаммара и Наджда простираются пустынные песчаные пространства (Нафуд), составляющие продолжение большой Аравийской пустыни, простирающейся на юго-восток между Надждом, Хадрамаутом и Оманом и занимающей почти четверть всего полуострова. Северная окраина этой пустыни камениста и напоминает покинутый водами берег, а остальная часть песчаная, покрытая крупным песком красного, почти малинового цвета, придающего ей вид кровавого или огненного моря, на поверхности которого от действия ветра поднимаются «пламенные волны», приводящие в содрогание путешественника²⁷. Под влиянием ветров, дующих с севера на юг, а равно под влиянием вращательного движения земли, пески, отставая от земного вращения, перемещаются здесь от востока к западу и образуют волнообразные возвышения, достигающие в некоторых местах до ста метров в высоту. Вот что говорит позднейший английский путешественник по Аравии, Дж. Пальгрэв об этой местности; «Мы шли по громадному океану сыпучего красноватого песка, казавшемуся безграничным и покрытому громадными песчаными кряжами, которые тянулись от севера к югу, параллельно один другому, волна за волной. Каждый холм имел двести или триста футов средней высоты, отлогие берега и круглую вершину, изборожденную во всех направлениях причудливыми ветрами пустыни. В глубине ущелья среди этих холмов, путешественник чувствует себя как бы заключенным в душную песчаную яму, обставленную горячими стенами со всех сторон. Взбираясь на склон их, он видит внизу обширное море, вздымающееся под напором муссона и раздробляемое поперечным дуновением на мелкие краснознойные волны.

Нет ни убежища, ни отдыха для глаз или членов среди этих потоков света и зноя, льющихся с высоты и отражаемых внизу с таким же нестерпимым блеском.

«Прибавьте к этому утомительность пути в длинные летние дни. Мы подвигались с трудом или лучше – перебирались в брод по жидкой и жгучей почве на спотыкавшихся и полуодурелых верблюдах, засыпая ночью только на несколько прерываемых часов и не имея днем никакого отдыха, по совершенному отсутствию пристанища. У нас было мало запасов пищи, а еще менее питья, и при том теплая и утратившая свой цвет вода в бурдюках быстро убавлялась не столько от употребления, сколько от испарения. Вертикально падавшее солнце жгло до того, что одежда, багаж, попоны, – все принимало горелый запах и едва допускало прикосновение. Шумная веселость бедуинов скоро истощилась; рассеянные в беспорядке, кто впереди, кто сзади, они продолжали свой путь в молчании, прерываемом только гневным ворчанием верблюдов при частом понукании своих погонщиков»²⁸.

Кроме этих песчаных бугров, в Аравийской пустыне встречаются еще глубокие воронкообразные пропасти (фульджи), глубину которых новейшие путешественники по Аравии определяют от 70–80 до 240 метров глубины. На севере Хадрамаута до сих пор сохранилось еще название песчаной пустыни Аль-ахкаф, упомянутой выше.

Песчаная пустыня Аравии в северной своей части, при всей своей безжизненности, не совершенно лишена растительности: весной среди песков в ней, кроме кустарника гота и дикого виноградника, в достаточном количестве растут сочные травы, и кочевники по целым неделям кормят ими свои стада, но зато сами могут довольствоваться только верблюжьим молоком, как на больших песчаных пространствах Средней Азии (кара-кумы, и кызыл-кумы), кочующие со своими стадами киргизы и туркмены проводят весну, находя среди песков достаточно корма для своего скота. Как ни странно, представлять себе, чтобы такие безжизненные пространства могли производить возвышенное впечатление на человеческий дух, однако несомненно, что арабы, по отзывам европейских путешественников, страстно любят жить в пустыне, где они чувствуют себя вполне довольными, как и наши среднеазиатские кочевники на просторе почти голой степи чувствуют себя гораздо свободнее и бодрее, чем вблизи культурных местностей.

В отношении орошения Аравийский полуостров почти исключительно зависит от юго-западных муссонов, которые приносят иногда на его поверхность дожди; но эта влажность значительно

растрачивается на своем пути от экваториальных морей через обширный африканский материк, так что на долю собственно Аравии остается немного ливней, чтобы поддерживать в ней растительность. В Аравии совсем нет рек в нашем смысле; там реки заменяются горными потоками. В горах значительное количество воды удерживается из облаков доле и изливается оттуда или в виде постоянных источников и ручьев, жадно поглощаемых накаленной почвой; по мере удаления от гор эти благодетельные струи живительной влаги быстро уменьшаются и теряются наконец в равнинах в виде небольших струек. В конце марта и в начале апреля арабский земледелец получает несколько ливней, которые и поддерживают его земледелие и садоводство. Не без причины на эти ливни обращено внимание в Коране: «Пусть обратит человек взор свой на то, чем питается он. Мы (т. е. Бог) проливаем воду ливнями, потом заставляем землю растрескиваться трещинами, выращиваем на ней хлеб, виноград, овощи, маслины, пальмы, сады, обильные деревьями, плоды и злаки, в продовольствие вам и скоту вашему» (гл. 80, ст. 24–30). И в другом месте: «Мы (т. е. Бог) ниспосылаем с небес благословенную воду: ею Мы возвращаем сады, хлеб на нивах, высокие пальмы для пропитания людям; ею оживляем омертвевшую страну (гл. 50, ст. 9–11). Ливни выпадают обыкновенно в сильную жару, наступающую в разных местах полуострова в разное время года, соответственно различным географическим условиям этих местностей: в Хиджазе, например, дожди преимущественно выпадают в декабре; в Емене – в конце июня и июле, в Омане – в декабре и январе. Но вообще получаемой из атмосферы влажности в Аравии далеко недостаточно для всех нужд ее жителей: «Часто, читаем у Реклю, населения ждут по целым неделям и даже месяцам живительной воды; то и дело смотрят на небо, вопрошают ветер и все явления атмосферы; обычные дела прерываются; даже война приостанавливается между племенами. Все жители деревни, от мала до велика, собираются где-нибудь на открытом месте, чтобы внимательно следить за облаком, образующимся на горизонте, и когда оно разрешится дождем, когда вода заструится в оврагах и песчаное ложе наполнится быстрым потоком, собравшаяся толпа приветствует это событие песнями и радостными криками. Народ бежит в перегонку с наводнением, образуя кортеж, сопровождающий давно желанный поток, точно какое-нибудь божество.

«Но при выходе из гор земледельцы располагают лишь частью выпавшей с неба воды. Где начинаются пески и каменистые пространства пустыни, там потоки исчезают. Некоторые из них снова выходят на поверхность в низинах или лощинах и образуют оазисы, когда вода не

насытилась солью в недрах земли; есть и такие, который скопляются в озера, постоянные или временные, в глинистых впадинах. Когда вода в этих бассейнах испарится, одни из них являются белыми от покрывающего их соляного налета; другие, которые были наполнены пресной водой, представляют лишь бурю поверхность опорожненного водовместилища, изборожденную правильными трещинами; но с небольшого расстояния виден еще свет, отражающийся как бы от жидкой площади: нигде мираж воды не является чаще и не производит более полной иллюзии, как в тех местах, где естественно нужно было рассчитывать найти воду, то есть в бассейнах высохших гор; можно сказать, что, испаряясь, озерная поверхность оставляет по крайней мере свой образ»²⁹.

Аравия – одна из знойных стран земного шара, в которой часто от солнечного зноя даже камни трескаются и распадаются. Солнечное лучеиспускание в пустыне настолько велико, что бедуины, дорожащие своей обувью, вынуждены бывают надевать после полудня обувь, так как прикосновение босых ног к песку чрезвычайно болезненно, – до такой степени он накаляется солнечными лучами, – а более темные камни бывает невозможно взять в руки даже в перчатках. Вследствие сильного нагревания, частицы камней расширяются и несколько удаляются одна от другой; ночью эти частицы охлаждаются и снова сближаются, чтобы днем, под солнечными лучами, разъединиться вновь. Но так как нагревание в пустыне гораздо сильнее охлаждения, то с течением времени в каменной массе образуются щели, которые облегчают работу дождевым ливням. После этого совершенно понятно, почему Мухаммед, описывая перед своими слушателями райское блаженство, так часто и увлекательно говорил, что в райских садах будут протекать ручьи свежей, чистой воды и под. В такой жгучей атмосфере даже туземцы страдают всякого рода недугами, в числе которых слепота особенно часто поражает прибрежных жителей полуострова; только население Наджда, благодаря значительной высоте его поверхности, более счастлива и пользуется здоровым климатом. К числу тяжелых климатических условий Аравии относятся сильные и разрушительные ветры, как например, иссушающий, смертоносный самум³⁰. Европейские путешественники описывают ужасающие картины, какими сопровождаются движения ветров в Аравийской пустыне. Так у С. Ворисгофера мы находим следующие строки:

«После полудня первые завывания бури потрясли воздух. Песок поднялся, как серый колеблемый ветром парус, столбом взвился к небу и посыпался на людей и животных, вызывая невыносимый зуд в коже; за

первым порывом ветра последовал второй; верблюды потупили головы и остановились. Начальник каравана подал знак передовым всадникам, и весь поезд остановился; бедуины закутали лица, обвязали животным головы и стали снимать с них выюки. Все шептали молитву...

«Присматривайтесь хорошенько к туземцам, – шепнул сэр Аустин своим, – и подражайте им во всем. Они в точности исполнили его совет. Каждый из бедуинов лег ничком на песок рядом со своим верблюдом; завывание бури смешивалось с голосами, бормотавшими молитвы, а по временам раздавались крики ужаса, когда массы песку грозили засыпать и задавить кого-нибудь из несчастных. Никто не видал друг друга, никто не решался поднять голову. В каждую скважину проникала раскаленная пыль, возбуждая невыносимую жажду, головокружение и обморок. В воздухе раздавался грохот и вой ветра, но среди живых существ наступила гробовая тишина, не прерываемая ни криком верблюдов, ни воем собак; люди цепенели от ужаса при сознании своей безусловной беззащитности. Иоганн впал в полусознательное состояние; ему грезился родительский дом, и он не знал, что так невыносимо жгло его глаза – слезы ли, горячей волной подступавшие к горлу, или раскаленная пыль? Какой жалкий, ужасный конец! Он припоминал, что в древности целая римская армия была засыпана самумом; ведь и теперь могло повториться тоже самое. Через него беспрестанно проносились горячие волны. Сколько времени продолжалась эта пытка? Он потерял сознание времени и ему показалось, что прошла целая вечность. Мысли путались, как в горячке, все смешивались в один смутный хаос. Дыхание становилось все тяжелее, воспаление рта и горла все усиливалось, и Иоганну казалось, что приближается смерть. Другие испытывали то же самое. Доктор лежал, как мертвец, с посиневшим лицом, и не мог пошевелинуться. Бедуины выдерживали с гораздо большим успехом. Али-Сиаб (?) поднял голову и огляделся. Не убежать ли ему теперь? Он тихонько выпрямился во весь рост; буря все еще бушевала, но порывы ветра стали реже и слабее. Бедуин стряхнул с себя песок, окликнул своего верблюда и уже хотел вскочить на него, но несколько товарищей тоже встали; он увидел перед собой несколько озлобленных лиц и услышал жестокие слова. Несчастный уныло опустил руки и покорился своей судьбе. Наконец, люди стали постепенно подниматься из песка, но доктора и Иоганна пришлось с трудом приводить в чувство»³¹.

Другой путешественник рассказывает, как в июне 1862 года они были застигнуты в пустыне самумом:

«Мы постепенно подвигались вперед, как однажды случилось

приключение, которое чуть не положило конца и путешествию, и путешественникам. Это был самум. Было около полудня, – полудня летнего солнцестояния на безоблачном небе Аравии, раскинувшемся над опаленной пустыней, когда внезапные и жгучие порывы ветра начали дуть с юга; в то же время удушливость воздуха усиливалась с каждым мгновением, так что я и мой товарищ спрашивали друг друга: что бы это значило и что может из этого выйти? Мы повернулись, чтобы спросить проводника, но тот уже укутал свое лицо плащом и, припав к шее своего верблюда, не отвечал ни слова. Его товарищи, двое шераратских бедуинов, сделали тоже и также молчали. Наконец, после неоднократных вопросов, проводник, вместо того, чтобы отвечать на них прямо, указал на маленькую черную палатку, находившуюся, к счастью, в не дальнем расстоянии впереди нас, говоря: «позаботьтесь, чтобы ваши верблюды не остановились и не легли». Затем, дав своему собственному верблюду несколько сильных ударов, он вновь погрузился в молчание.

«Мы с беспокойством смотрели по направлению к палатке: она была еще во ста, или более шагах от нас. Между тем порывы ветра становились все жарче и сильнее, и нам стоило большого труда заставить своих верблюдов идти вперед. Горизонт быстро потемнел до фиолетового цвета и, казалось, охватывал нас, подобно занавесу, со всех сторон, тогда как в то же время, удушающее дуновение точно из какой-то огромной печи, обращенной своим жерлом как раз на нашу дорогу, непрерывно обдавало нас зноем среди этого сумрака. Наши верблюды, несмотря на все наши понукания, начали беспокойно вертеться и склонять колени, чтобы лечь. Самум сильно действовал на них.

«Разумеется, мы последовали примеру своих арабов, укутав свои лица, и ударами и пинками заставляли шатавшихся верблюдов идти вперед, к единственному близкому пристанищу. Атмосфера была так сильна, зной был до того жгуч, что казалось, сам ад поднялся из земли и хлынул на нас сверху. Но мы еще имели время, и в тот момент, когда ядовитый ветер достиг наибольшей силы и сосредоточенности, мы уже все лежали, растянувшись внутри шатра, укутав головы; мы почти задохнулись, но находились в безопасности. Наши верблюды лежали точно мертвые, вытянув свои длинные шеи на песке.

«При нашем прибытии мы нашли в шатре одинокую бедуинку, муж которой, со своими верблюдами, находился в отсутствии. Не говоря ни слова, проводник растянулся на полу. Все молча последовали его примеру.

«В таком положении мы оставались около пяти минут, во время которых чувствовали только сильный жар, точно раскаленное докрасна

железо медленно двигалось над нами. Затем стены палатки начали трепетать от возвратившихся порывов ветра, и это было признаком, что самая худшая сторона самума миновала. Полумертвые от истощения, мы встали и открыли свои лица. Мои товарищи были похожи более на трупы, чем на живых людей; таков же, вероятно, был и я. Однако, несмотря на предостережение, я не удержался от того, чтобы не выйти из шатра – посмотреть на верблюдов; они все еще лежали пластом, точно убитые. Воздух все еще был сумрачен, но скоро просветлел до своей обычной ослепительной ясности. Во все продолжение действия самума атмосфера была совершенно свободна от песка и пыли, так что я не в состоянии объяснить ее странной темноты в это время»³².

Обилие влаги в атмосфере является, по словам Реклю, первым преимуществом климата Емена, а затем более умеренная, вследствие влажности, температура. Население более высоких местностей пользуется постоянно умеренным климатом, тогда как в низовьях раскаленный песок жжет ноги путников. Естественные продукты этих более высоких областей также сильно отличаются от производства степей и соответствуют иному образу жизни обитателей: до некоторой высоты над уровнем моря проникают еще кочевники-пастухи со своими стадами, но выше (некоторые террасы поднимаются на 2000 и более метров, а хребты на 3000 метр.), на склонах обитают уже земледельцы, живущие исключительно от плодов земных. Для правильного земледелия им приходилось задерживать воду на склонах, устраивать резервуары и подземные акведуки. Такой тяжелый и упорный труд поддерживал и содействовал развитию умственных сил населения. Труд оседлых жителей хорошо вознаграждался: произведения земли, даже дикие растения служили дорогими предметами торговли с дальними странами, и это содействовало благосостоянию населения и повышало уровень цивилизации. Эта область Аравии с давних пор славилась растениями, выделяющими ароматические вещества и ценные смолы, а также лекарственными растениями. С самых древних времен из юго-западной Аравии вывозили в другие страны: александрийский лист, кассию, мирру, ладан³³, камедь и *Celastrus edulis*, употребляемый в качестве кофе и опьяняющий, как гашиш, но в более слабой степени. Кроме того, там же разводились разные пряности и красильные вещества³⁴.

Из хлебных растений на плоскогорьях Аравии успешно возделываются: пшеница, кукуруза, рис, просо, чечевица, а из садовых растений: виноград и разные плодовые деревья и кустарники, как например: гранаты, померанцы. Хлопчатник и сахарный тростник также

известны Аравии. Но в Хиджазе самым ценным и распространенным деревом была и остается финиковая пальма, имеющая в этой области более ста разновидностей. Она, вместе с виноградом, доставляет жителям любимую приятную пищу. По преданию, основатель ислама, уроженец Хиджаза сказал: «финиковое дерево – ваша мать». В одном месте Корана основатель ислама, рисуя картину домашнего довольства, рассказал следующую притчу о двух человеках: одному из них Бог возрастил два сада из виноградных лоз и обсадил их кругом пальмами, а между ними засеял нивы. Оба сада приносили плоды, в которых не было никакой порчи. Внутри садов Бог повелел протекать реке... И сказал хозяин этих садов своему другу, разговаривавшему с ним: «Я богаче тебя имуществом и счастливее семейством» (гл. 18, ст. 31–32).

Финиковая пальма много раз упоминается в Коране «Из плодов пальм» – говорится в этой книге – «вы достаете себе упоительную влагу и прекрасную пищу: в этом знамение для людей рассудительных». (Гл. 16, ст. 69). Чтобы представить все выгоды, доставляемые пальмой жителям пустыни, нужно иметь в виду, что каждое финиковое дерево дает в среднем 600–800 фунтов плодов. Цветение его начинается обыкновенно в конце декабря, а созревание плодов продолжается с июля до ноября. Из 100 частей плода 10 частей приходится на косточку, 5 – на кожицу и 85 на плодовое мясо. В 100 частях финиковой мякоти заключается: 30 частей воды, 36 сахара, 23 белковых веществ, 1 часть клетчатки, 0,75 лимонной кислоты и других минеральных веществ и особенно так называемого кумарина, которому финики обязаны своим превосходным вкусом.

«Арабы готовят себе из фиников весьма разнообразные блюда: плоды употребляются ими как в свежем виде, так и в сушеном, вяленом и вареном. Финики остаются свежими в течение трех месяцев, и так как их период созревания весьма различен для разных сортов, которых здесь насчитывается более шестидесяти, то и блюда бывают весьма разнообразны. Все европейские путешественники, посетившие оазисы, как Фогель, Барт, и др. единогласно подтверждают, что опытные хозяйки-аравитянки готовят из фиников в течение месяца ежедневно разные блюда, так что ни одно блюдо ни разу не повторяются в течение сказанного времени.

«По словам известного исследователя центральной Африки – Рольфа, самым любимым блюдом арабов-пустынножителей являются свежие финики, которые они обмакивают в растопленное сливочное масло: но подобная роскошь доступна только наиболее самостоятельным; лица же среднего достатка заменяют сливочное масло сывороткой из-под

сбитого масла (пахтаньем), которой они запивают съдаемые плоды: самые бедные запивают водой для утоления возбуждаемой финиками жажды. Пока семья араба обедает, собаки поодаль дожидаются, когда им кинут порченные или недозревшие плоды, которые они с жадностью съедают; для овец и коз готовится лакомый корм, состоящий из толченых финиковых косточек. Этим же кормом питаются в Сахаре лошади, ослы и верблюды.

Часть плодов в вяленном виде, предварительно освободив от косточек, укладывают в корзины, плотно сжимают и, таким образом, получается «финиковый хлеб» – чрезвычайно вкусные лепешки, легко сохраняющиеся в течение многих лет. Продающаяся в Каире арабами, так называемая, «финиковая колбаса» есть не что иное, как финиковый хлеб, к которому жители пустыни примешивают известную часть сладкого и горького миндаля. Наконец, высушенные до твердого состояния финики арабы превращают в муку, которую едят просто, сварив на воде или же с прибавлением ячменной муки и масла. Из этой муки и оливкового масла арабы пекут оладьи, соусом к которым служит сироп или, вернее, сгущенный сок из свежесваренных фиников.

«Верхушечные почки и цветочные чашечки также идут в пищу: изрубленными, – с приправой оливкового масла, их едят под названием «пальмовой капусты», а сваренными со сгущенным финиковым соком они являются любимым блюдом, которое арабы называют «пальмовым сыром».

Наконец, молодые побеги на самой вершине короны весьма вкусны, напоминают орехи. Если к этому прибавить, что сушеные и размолотые ядра финика дают весьма вкусный кофе, то обзор пищевого значения этой пальмы будет исчерпан, но не будет закончен обзор прочих полезных применений, какие находит себе это удивительное растение.

«Окруженный безбрежной и безжизненной пустыней, по которой вечно несутся песчаные волны, движимые ветром, и где кроме неба и песка, ничего нет, араб-пустынножитель естественно явился бы вполне беспомощным, если бы не существовали эти пальмы. Не только пищу себе и корм для животных добывает человек с одного и того же дерева, но и всю обстановку. Из огромных и крепких листьев он изготавливает себе всю домашнюю утварь, ковры, циновки и попоны; из стебельных волокон и тоненьких стеблей вяжут веревки, вяжут мешки и сумки, готовят прочную ткань холст и нитки. Из сшитых листьев образуется навес и крыша над домами, которые строят из пальмового же дерева. Из древесных волокон готовят мочалу, которую здесь, в этой страшной по

температуре стране, приходится беспрестанно применять при купании; из них изготавливаются также невода для рыбной ловли, плетутся сандалии и туфли, а подошвы для них выделываются из пальмовой коры. Отсюда ясно, что арабы не даром называют это дерево «Божьим благословением»³⁵.

Кроме пальм в Аравии встречаются: гада, таль, исбая, акация, лиственница, чема, а также мярх, гафар, маслина, смоковница, тамаринд, бананы, виноград и гранаты³⁶. Описывая прелести райской жизни, Мухаммед говорил: «Тем, которые боятся Господа своего будут иметь два сада, обильные деревьями... Но кроме тех двух есть еще два сада – темно-зеленые и в обоих два многоводные источника... В обоих плоды, пальмы, гранаты». (Гл. 55, ст. 46–68). – Наконец, зерна кофейного дерева, растущего в окрестностях Мокки, составляют также предмет торговли; и современные арабы охотно разводят это дерево, но арабам эпохи Мухаммеда кофе не был известен³⁷.

Бедность флоры Аравийского полуострова отражается и на бедности его фауны. Диким зверям нет достаточной пищи в Аравии и убежища в обширных открытых пространствах полуострова; тем не менее в Аравии были известны: из хищных зверей – львы, леопарды, гиены и лисицы, а из диких травоядных – каменный баран, козерог, антилопы, газели и дикие ослы; из домашних животных в Аравии с давних времен разводились: овцы и козы, составляющие целые стада кочевников, а также коровы; но особенно славились: верблюды и ослы, а позднее – лошади³⁸. В Омане водятся самые быстрые дромадеры, а в горах Гадремаута верблюды, отличающиеся особенной смышленостью. Порода верблюдов в Аравии имеет очень много разновидностей, но все они одинаково любимы местными жителями, потому что они удовлетворяют всем потребностям жителей, не только как вьючное, но и как верховое животное. На верблюдах оседлые арабы выезжали даже на войну, Реклю приводит арабскую легенду, по которой «верблюд и финиковая пальма были сотворены Богом из той же земли, как и Адам; они были в земном раю вместе с первым человеком, они будут сопровождать его также и в будущий мир, как это символизировал древний обычай, требовавший, чтобы верблюда оставляли умирать с голоду подле могилы его умершего хозяина. Этот жестокий обычай не соблюдается более со времен Мухаммеда; но если араб теперь уже не приобщает верблюда к своей смерти, то он заставляет его делить с ним существование, допускает его к своим празднествам и даже к религиозным обрядам; когда толпа пилигримов собирается у подошвы горы Арафат, с высоты верблюда раздаются поучения проповедника. Первая мечеть была построена на том месте, где легла на ночлег

верблюдица пророка во время бегства его из Мекки в Медину – события, от которого мусульмане ведут свое летосчисление (хиджра). Новорожденного верблюжонка араб носит на руках: «у нас родился ребенок!» радостно кричат члены семьи, как будто дело идет о появлении на свет нового сочлена, человеческого младенца: за ним также заботливо ухаживают, как за родным сыном или дочерью; ему навешивают на шею амулет, чтобы отвратить от него дурной глаз. Никогда араб не ударит своего верблюда; на ходу он подбадривает его только голосом и пением; он говорит с ним, как с товарищем, и рассказывает ему длинные истории и сказки; он никогда не позволит оскорбить его и смотрит как на личную обиду, на всякое бранное слово, сказанное его любимому животному. Как брат в семье, верное животное может сделаться причиной родовой мести: кровь верблюда требует крови человека. Шестьсот имен и эпитетов по Бурхарту, тысяча по Шардену, – обозначают и прославляют верблюда. Араб пустыни платит свой долг признательности животному, без которого он не мог бы бежать в пустынные пространства и сохранить свою гордую независимость. Если бы у него не было верблюда, он тоже подпал бы под иго завоевателей; без верблюда и араб был бы принижен до уровня тех презренных феллахов, которые пахут землю на берегах Нила или Оронта»³⁹.

Наряду с верблюдом в Аравии, как вьючное животное, считается осел, а как верховое – лошадь. С арабским ослом, по физическим качествам и по смысленности, не может идти в сравнение наш туркестанский осел, а «арабская лошадь» известна всему миру⁴⁰. По словам гр. Врангеля, чистокровные лошади не имеют более благородного представителя, чем чистая арабская лошадь; она стоит на границе между естественными и культурными расами и, в качестве благороднейшего животного в мире, одинаково приводит в восхищение и естествоиспытателя, и знатока лошадей, и поэта... В глазах арабов лошадь самое благородное из всех животных и потому она пользуется почти таким же уважением, как знатный человек, и большим, чем обыкновенный смертный... Она необходима арабу в жизни, для существования; с помощью ее он кочует, путешествует; верхом на ней пасет свои стада; благодаря ей блистает в битвах, на празднествах, общественных собраниях; араб живет, любит и умирает на своем коне. Любовь к лошади – чувство, врожденное арабу, особенно бедуину; он всасывает с молоком матери уважение к этому животному. Это благородное создание – самый надежный товарищ воина, самый верный слуга властелина, любимец всего семейства. Вот поэтому араб и наблюдает за лошадыю с тревожной заботливостью, изучает ее

нрав, потребности, воспевают ее в стихах, прославляют в песнях, находят в ней самый приятный предмет блюда. «Когда Творец пожелал создать коня – поучают арабы – Он сказал ветру: Я хочу, чтобы от тебя родились существа, назначенные для того, чтобы носить Моих поклонников. Это существо должно быть любимо и почитаемо Моими рабами. Оно должно внушать страх всем тем, которые не слушаются моих заповедей». И Бог создал лошадь и воззвал к ней: «Я создал тебя совершенной. Все сокровища земли лежат перед твоими глазами. Ты будешь повергать под свои копыта Моих врагов и носить на спине Моих друзей. Ты будешь седалищем, с которого будут возносить ко Мне молитвы. По всей земле ты должна быть счастлива и почитаема больше всех остальных созданий, так как тебе будет принадлежать любовь господина земли. Ты должна летать без крыльев и побеждать без меча» ... Хорошо воспитанная породистая арабская лошадь неутомима.

Блент, хорошо знакомый с качествами арабской лошади, говорит:

«Арабская лошадь – смелый скакун, может быть, самый смелый во всем свете» ... Вот какие похвалы арабы расточают своей лошади: «Не говори, что это животное – моя лошадь; скажи, что это – мой сын. Она бежит быстрее бурного ветра, быстрее, чем взгляд скользит по равнине; она чиста как золото; ее взор ясен и зрение так остро, что она видит волосок в темноте; она догоняет на бегу газель; орлу она говорит: «я мчусь по воздуху так же, как ты». Когда она слышит пение девушек, то ржет от радости, а свист пуль подымает ее дух; из рук женщин она выпрашивает себе подачку, а врага бьет копытами в лицо. Когда она может бежать по желанию сердца, то проливает из глаз слезы радости. Для нее все равно – чисто ли небо, или бурный ветер пылью застигает солнце, так как благородный конь презирает ярость бури. На этом свете нет лошади, ей равной. Она несется с быстротой ласточки; она так легка, что могла бы танцевать на груди твоей возлюбленной, а та не ощутила бы ее тяжести. Поступь ее так спокойна, что на полном скаку ты можешь выпить на ее спине полную чашку кофе, не пролив ни капли. Она понимает все, как сын Адама: ей не достает лишь языка»⁴¹.

За такие выдающиеся качества арабские лошади считаются друзьями своих хозяев и никогда не видят от них ничего, кроме ласки и доброго слова; за то и конь никогда не лягнет своего хозяина и не сбросит его, а в минуту опасности не щадит себя. В древней арабской поэзии конь занимает если не первое, то одно из самых видных мест. И это понятно; древний арабский рыцарь (Фарис) без коня немыслим, и все его подвиги безусловно обязаны превосходным качествам этого благородного

животного.

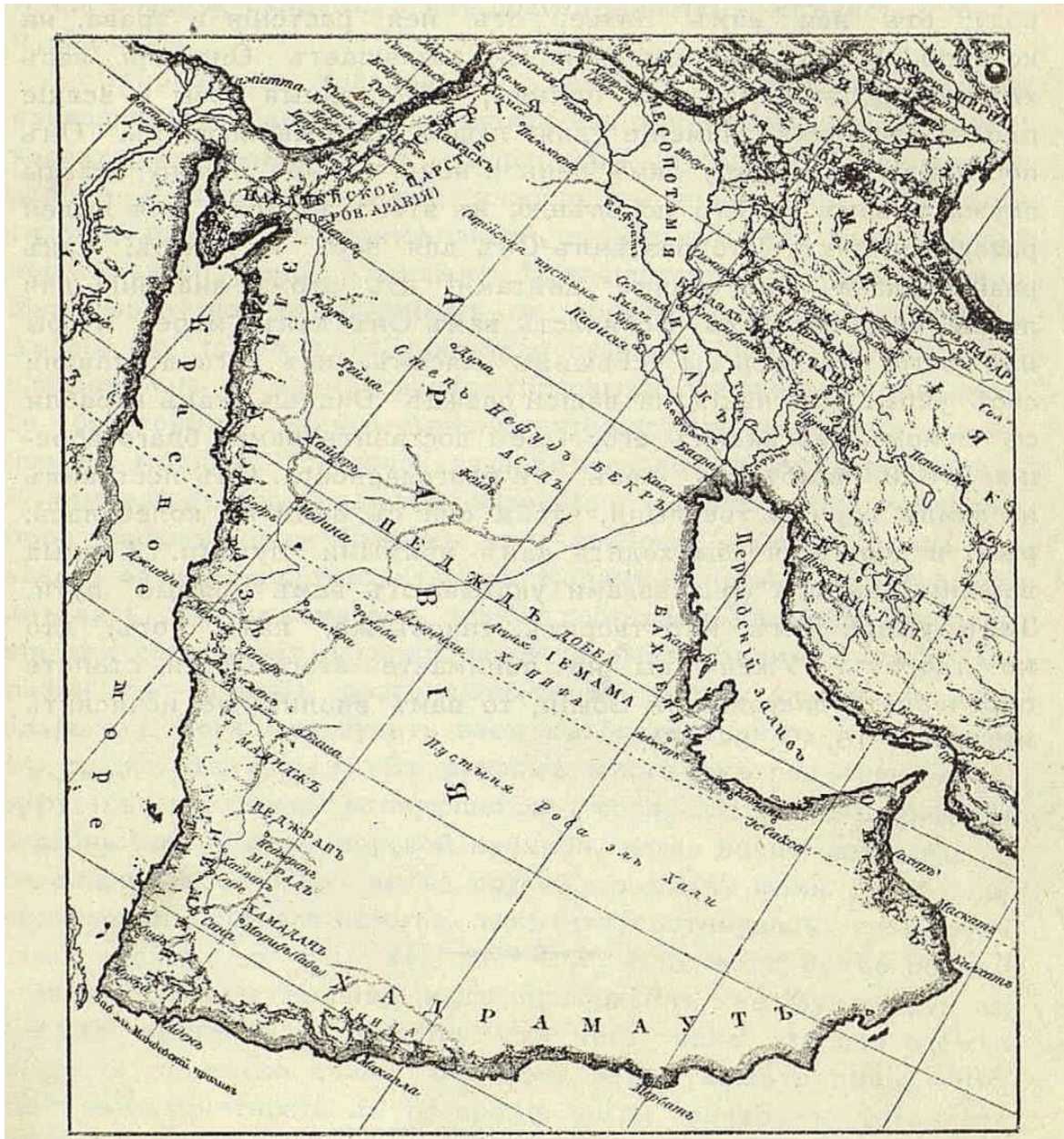
Из птиц в Аравии известны: орлы, соколы, коршуны, вороны, удоны, а также – горлицы, куры и фазаны; но самое видное место принадлежит страусу, этому верблюду в царстве птиц. Перья страуса составляют ценный предмет торговли. Из пресмыкающихся и насекомых в Аравии водятся также: змеи, ящерицы, скорпионы, пауки и саранча. Последнюю бедуины охотно употребляют в пищу (ср. Еванг. рассказ о пище св. Иоанна Предтечи).

Из металлов в Аравии добывались золото⁴², железо, медь, позднее свинец, а из драгоценностей – жемчуг, яхонты и кораллы.

Отправление товаров к разным торговым пунктам производилось караванным способом при помощи верблюдов, характерно называемых «кораблями пустыни». Основатель ислама и сам принимал участие в караванной торговле, сначала вместе со своим дядей, а потом, как доверенный первой своей жены Хадиджи. Путешествия эти познакомили Мухаммеда с религиозным и политическим состоянием Аравии, а также и с природой страны. Родясь внутри полуострова, он во время своих торговых путешествий доходил до береговых границ Аравии; путешествия дали ему много новых мыслей. Пользуясь во время своей жизни верблюдом, Мухаммед отдавал должное значение и водяному пути, считал море благодеянием Божиим для арабов: «Бог отдал во власть вам море, говорится в Коране, чтобы из него вы питались свежим мясом, чтобы доставали из него украшения для себя, какие есть на вашей одежде. Видим, как корабли с шумом рассекают море, чтобы доставить вам блага от Бога и побудить вас к благодарению» (гл. 16, ст. 14; ср. гл. 34, ст. 13). В другом месте он поучает неверующих картиной волнующегося моря: «Дела неверующих подобны мраку над морской пучиной, когда волны покрывают ее, поднимаясь одна над другой, а над ними туча; слои мрака один другого темнее, так что протянувший свою руку едва видит ее (гл. 24, ст. 40). Или, вот более полная картина природы Аравии, как изобразил ее Мухаммед в Коране: «Бог творит скот: от него вам теплая одежда и другие полезные вещи; от него вам также и пища; от него вам приятность в то время, когда вечером загоняете его в стойла, и в то время, когда утром выпускаете его на пастбища. Вам переносит он тяжести в те страны, в которые вы могли бы достигать только с усилием для себя. Господь ваш истинно благ, милосерд. Он творит коней, мулов, ослов, чтобы вам ездить на них и щеголять ими. Он творит и то, чего вы не знаете... Он посылает с неба воду: от нее вам питье, от нее растения и трава, на которой вы пасете стада свои. Ей возвращает Он для вас хлебные посевы, маслины, пальмы,

виноградные лозы и всякие плоды; в этом знамение для людей размышляющих. Он поставил на службу вам день и ночь, солнце и луну; звезды служат вам по Его повелению: в этом знамения для людей рассуждающих. Что рассеял Он для вас на земле! Как разнообразна она своими цветами! В этом знамение для людей понимающих. Во власть вам Он дал море чтобы из него питались вы свежим мясом, из него доставали себе украшения, какие на вашей одежде. Видишь, как корабли с шумом пересекают его, чтобы доставить вам благотворения Его и возбудить вас к благодарности. Он поставил на земле горные твердыни, чтобы она с вами не колебалась; реки и дороги, чтобы ходить вам прямыми путями. Горные вершины вместе со звездами указывают вам прямые пути. Так, ужели Тот, Кто творит, таков же, как тот, кто не творит? Ужели вы не понимаете этого? Если станете перечислять благодеяния Божии, то вам вполне не исчислить их» (гл. 16, ст. 5–18).

Современная Мухаммеду Карта Аравии

Заимствована из соч. «История человечества» Винклера, Нибура и Шурца (т. 3). Перев. Под редакцией В. Вл. Бартольда и В. А. Тураева.

Исторические сведения о древней Аравии

Аравийский полуостров, по своему географическому положению, находится на древнем торговом пути передней Азии с богатой Индией; поэтому торговые сношения Аравии, особенно южной части полуострова, с Индией восходят к самым древним временам истории⁴³. Предметами этой торговли служили не только вывозимые из Индии и добываемые на африканском берегу драгоценности, но и произведения южной Аравии: фимиам, мирра, ладан, оникс, агат и некоторые металлы: золото, железо, медь, свинец. Долгое время торговля передней Азии с Индией производилась сухим путем, при помощи караванов, так как плавание по Красному морю, особенно при несовершенной конструкции древних судов, было крайне затруднительно и весьма опасно. Еменские караваны, направляясь к северу, обыкновенно следовали вдоль берегов Красного моря и доходили до древней Макарабы (поздн. Мекка), отсюда до Янбо и Гавары, проходили Ятриб (поздн. Медина) и достигали Селы⁴⁴, откуда уже развозились в Сирию, Палестину, Финикию и другие страны⁴⁵. Из Хадрамаута и Омана торговые караваны проходили через пустыню Дан и по высокому плоскогорью Наджда доходили до Хиджаза и затем продолжали путь по дороге еменских караванов⁴⁶.

Не удивительно поэтому, что Аравия, по пределам которой проходили эти торговые караваны, была известна древним народам Азии – вавилонянам, ассириянам, египтянам, евреям, финикиянам, персам и отчасти абиссинцам, а позднее народам Европы – грекам, римлянам и византийцам. Почти все эти народы стремились, если не овладеть богатыми странами Аравии, то подчинить своему влиянию преимущественно южную Аравию. Торговые интересы были при этом на первом плане. Только евреи и финикияне не домогались иметь политического обладания Аравией. Северные и южные области Аравии обращали на себя особое внимание персов и византийцев, по соображениям чисто политическим, а потому об этих областях находим более известий у древних писателей. Внутренние же области Аравии известны в истории гораздо менее, так как принимали незначительное участие в древней индийской торговле и, по своему географическому положению, были менее доступны для иноземных завоевателей. Не славились эти страны Аравии богатством и потому на них меньше обращали внимание соседние с Аравией народы. Северные области Аравии почти непосредственно примыкали к Палестине и более живо

сохранили в памяти общие с евреями генеалогические предания, сходящиеся в лице Ноя и сынов его (Быт. гл. 10) и особенно в лице Авраама и сына его Измаила, которым в Коране приписывается построение главного святилища арабов – Каабы (гл. 2, ст. 118–125). Общие генеалогические предания и исторические обстоятельства сближали древних арабов с евреями, и в Библии находятся частые упоминания о жителях не только северной, но и южной Аравии. Впоследствии евреи имели даже свои поселения в Аравии, с которыми Мухаммед должен был вести упорную борьбу, окончившуюся торжеством ислама⁴⁷.

Исторические сведения о древней Аравии начнем с библейских сказаний, которыми пополняются сказания других народов⁴⁸. При этом необходимо заметить, что свести разные исторические сведения о древних арабах к одной общей хронологии довольно трудно, так как некоторые писатели имели обыкновение ставить свои отличительные хронологические даты, иные на хронологию не указывали, а у других писателей встречаются хронологические неопределенности и неточности. В виду таких затруднений настоящая глава является опытом группировки исторических сведений об Аравии и ее жителях, – сведений, встречающихся у разных древних народов, находившихся в соприкосновении с арабами разных областей Аравии и в разные исторические эпохи.

В св. книгах ветхого завета Аравия упоминается, как «Земля Восточная» или просто – «Восток». Так, об Аврааме (за 2000 лет до Р. Хр., в книге Бытия говорится: «А сынам наложниц, которые были у Авраама, дал Авраам подарки и отослал их от Исаака, сына своего, еще при жизни своей, на Восток, в Землю Восточную (гл. 25, ст. 6). По объяснению ученых, здесь под «Землей Восточной» разумеется Аравия, жители которой известны были под именем «Сынов Востока» (Бени-Кедем⁴⁹). Измаил, сын Авраама⁵⁰, жил в северной Аравии и был, по общепринятому мнению, родоначальником некоторых арабских племен. Моисей⁵¹ жил в земле Мадямской, на северо-западе Аравийского полуострова, и путешествовал с евреями после исхода из Египта по пустыне в Каменистой Аравии. Во времена еврейского царя Соломона, начало царствования которого относится за 1020 лет до Р. Хр., в Библии, кроме царицы Савской, упоминаются цари аравийские, которые приносили Соломону золото и серебро (2 Парал. Гл. 9, ст. 14) Царица Савская⁵², известная в арабских преданиях под именем Балкисы или (Билкисы), услышав о славе Соломона, прибыла в Иерусалим, чтобы испытать загадками мудрость царя евреев. Прибыла она в Иерусалим с весьма

большим богатством: с верблюдами навьюченными благовониями, великим множеством золота и драгоценными камнями. И подарила она царю Соломону сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценные камни. И никогда не было у Соломона таких благовоний, какие подарила ему царица Савская⁵³. Соломон заключил договор с Тирским царем Хирамом II (3Цар. 5:26) и даже женился на дочери Хирама⁵⁴. По заключении союза Соломон и Хирам установили прямое морское сообщение с Индией (через Офир), но и при этом торговля их не обходилась без посредства Южной Аравии, так как суда их выгружались в Емене и товары следовали далее по Аравии караванным путем. По смерти Соломона, морской путь по Красному морю был совсем закрыт для финикийцев усилившимися на берегах этого моря египтянами. Несмотря на это, сухопутная торговля с Аравией продолжалась еще целые столетия, как об этом можно судить из слов пр. Иезекииля (за 600 лет до Р. Хр.), определенно говорившего о торговле Аравии с Тиром, гл. гор. Финикии: «Аравия и все князья Кедара производили торговлю с тобой... Купцы из Сабы и Раемы⁵⁵ торговали с тобой... (гл. 27, ст. 21 и 22)».

Иудейскому царю Иосафату (921 г. до Р. Хр.) аравитяне привозили в дар мелкий скот: оводов семь тысяч семьсот и козлов семь тысяч семьсот (2 Пар., 27:11). В царствование сына его Иорама (900 л. до Р. Хр.) аравитяне напали на Иудею и захватили все имущество царя, жен его и сыновей его, кроме младшего Охозии (2 Паралип. 21, 16–17; 22, 1). Иудейский царь Озия (за 809 л. до Р. Хр.) имел столкновение с аравитянами, жившими на Гур-Ваале, и одержал над ними верх (2 Паралип. 27, 7).

В книге пророка Неемии упоминается, что аравитяне вместе с другими народами сговорились идти войной на Иерусалим, чтобы воспрепятствовать восстановлению стен его. «Услышав это, Санаваллат, Хиронит и Товия (Аммонитский раб) и Гешем аравитянин смеялись над евреями и сговорились вместе все пойти войной на Иерусалим и разрушить его (гл. 2, ст. 19; гл. 4, ст. 7, 8). Это было в царствование Артаксеркса I, в 445 г. до Р. Хр. Во время Маккавеев, аравитяне упоминаются в Библии несколько раз. Так, об Иуде Маккавее, говорится, что он поразил 5500 арабов сирийских и по их просьбе заключил с ними мир (1Мак. 12:10–12); брат Иуды, Ионафан разбил также сирийских арабов и взял с них добычу (2 Мак. гл. 12, ст. 31). Эти два случая относятся к 165 и след. годам до Р. Хр. В конце жизни сирийского царя Антиоха Елифана, современника Маккавеев, упоминается в Библии аравийский князь Арефа (по-араб. произн. Харис), у которого Антиох был в заключении 2 Мак. гл. 5, ст. 8). Иосиф Флавий передает, что Антиох погиб

в сражении с аравитянами и что после смерти его в Дамаске, укрепился Арефа, который ходил войной на Иудею и победил Александра Гиркана у крепости Аддиды Александр, оправившись от этого поражения, снова воевал с Арефой и отнял у него 12 городов. Но сын Александра, Гиркан 2-й, споривший с братом своим Аристовулом 2-м из-за власти, должен был обратиться за помощью к тому же Арефе, и возратить ему города, отнятые отцом его Александром. Аристовул разбил войско Арефы и Гиркана, что было уже во времена Помпея⁵⁶. Ирод, сын Антипатра (37 г. до Р. Хр.), имел друга в лице аравийского князя Малха, которому делал много одолжений и между прочим давал денег займы. Но Малх был другом во время нужды, а когда пришло время отблагодарить Ирода своей помощью, он отказал в помощи и не пустил даже Ирода в свои пределы, чтобы не возвращать ему и долга своего⁵⁷. Ирод Антиппа (1–43 г. по Р. Хр.), также был в близких отношениях с сирийскими арабами: он был женат на дочери аравийского князя Арефы⁵⁸, который владел Дамаском во дни апостола Павла (2 Коринф. 11:32). Когда же Ирод вступил в незаконную связь с Иродиадой, женой брата своего, тогда тесть его Арефа выступил против него с войском, нанес ему жестокое поражение и тем отомстил развратному зятю за оскорбление своей дочери, отвергнутой Иродом после вступления в связь с Иродиадой⁵⁹.

Замечательны таким образом постоянные, не прерывающиеся почти сношения Аравии с Палестиной со времен Авраама, общего родоначальника евреев и арабов-измаилитов, что, конечно, должно было отражаться и на верованиях арабов, следы которых так ясны в Коране.

Из древнейших народов, имевших завоевательные стремления в отношении Аравии, прежде всего упоминаются египтяне. В правление Гатасу, дочери фараона Тутмеса I (иначе Тутмосис), был завоеван Емен, который в надписях на храме в Фивах упоминается под именем страны Пун. Обладание Еменом оставалось за Египтом во все царствование Тутмеса III⁶⁰ одного из могущественнейших фараонов 18 династии⁶¹. Власть Тутмеса III простиралась на Абиссинию, Судан, Нубию, Сирию, Месопотамию, Ирак-арабский, Емен, Курдистан и Армению. В надписи, открытой Мариеттом в Карнаке, находится следующее изречение Амона, бога Фив: «Я пришел, я позволил тебе разбить народы Востока; ты шел по землям Аравии; я показал им твое величие, подобное солнцу, во время солнцестояния, бросающему теплоту своих лучей и распространяющему росу». Во время мятежей, происходивших при преемниках Тутмеса, Емен возвратил свою независимость; но при Рамзесе II⁶², египетский флот снова утвердил власть фараонов над Еменом, богатым драгоценностями. По

предположению Ленормана, эта страна освободилась из-под египетской власти в правление слабых фараонов 20 династии⁶³.

С усилением политического и торгового могущества Ассирии, Аравия неизбежно сделалась целью завоевательных стремлений ассирийских царей. На колонне Салманассара IV, хранящейся в Британском музее, упоминаются сто верблюдов араба Джандиба, участвовавших в битве при Каркаре. Теглатфалассар, царь ассирийский, называл своими данницами двух цариц арабской области Думы – Зибиби и Шамсию. В 732 г. до Р. Хр. этот царь, чтобы наказать восставших арабов Думы, взял их город, перебил много жителей и получил большую дань волами, овцами и верблюдами. Царица Шамсия, убежавшая в пустыню, просила амана (помилование) у ассирийского царя и получила. В 715 г. та же царица отправила торжественное посольство к другому ассирийскому царю Сариукину или Саргону, слава которого распространилась по всей Аравии⁶⁴. Тогда же и царь сабейский Ятаамер или Исамар посылал послов с подарками к ниневийскому царю Саргону, как об этом упоминается в одной ассирийской клинообразной надписи, относимой к 715 г. до Рожд. Хр.: «Я получил подать от Исамара⁶⁵ – сабейца, – золото, травы востока, рабов, лошадей и верблюдов»⁶⁶. Это было время самого большого развития караванной торговли Емена с Сирией, давшей пророку Исаии повод и образ сказать о будущем величии Иерусалима, что «все жители Сабы придут и принесут тебе золото и ладан и возгласят хвалебные песни Господу; все овцы кидарские будут собраны к тебе; овны набатейские послужат для твоих жертв» (гл. 60, ст. 6–7). Вскоре после 711 г. вавилонский царь Меродахбаладан напал на арабские племена, занимавшие восточную часть полуострова и подчинил своей власти Бахраин. К этому событию историки относят пророчество Исаии⁶⁷ об Аравии, высказанное пророком в гл. 21, ст. 13–17): «Жители страны Фемоновой выносят воду навстречу жаждущему, с хлебом встречают бегущего, потому что бегут от мечей, от изощренного меча, и от натянутого лука, и от тягости войны, потому что Господь сказал мне так: через год, равный году наемническому, вся слава Кидара исчезнет и остаток от числа храбрых стрелков Кидарских уменьшится». – Сеннахериб (705–681 г. до Р. Хр.), в конце своего царствования, завоевал город Думу и часть жителей ее увел в плен. Сын Сеннахериба Ассаргаддон, между 681 и 688 или 672 гг. до Р. Хр. прошел с войском до самого центра Аравии и оттуда двинул свои войска в южные страны полуострова. Так он сам писал об этом походе своем: «Город Ад – Думу, город могущества арабов, взятый раньше Сеннахерибом, царем ассирийским, отцом, родившим меня, я

снова осадил, и я увел оттуда пленных жителей в Ассирию. Посол арабской царицы со множеством подарков явился в Ниневию и склонился передо мной. Он умолял меня вернуть ему богов его. Я исполнил его просьбу и восстановил образы этих богов которые были повреждены. Я приказал писать на этих изображениях хвалу богу Ассур и славу своего имени. Потом я приказал принести их и отдал их ему. Я назвал царицей арабов женщину, по имени Табу, взятую из моего гарема. Как цену за богов, отданных мной этой стране, я увеличил подать, платившуюся моему отцу 60-ю верблюдами».

По поводу этой надписи Ленорман замечает, что в ней сохранилось последнее упоминание о царстве Думы в Аравии, которое, очевидно, прекратило свое существование при последовавших затем смутах в Аравии.

Из дальнейших событий, происходивших в Аравии, укажем на то, что, одновременно с завоеванием царства Думы, Ассаргаддон подчинил своей власти царство Хиджазское, возвел на престол Яна, сына Хасана, престарелого правителя Хиджаза, и потом проник во внутренние страны Хадрамаута убил восемь царей и унес в Ассирию их богов, их жатвы, их сокровища и их подданных». Завоеванные области некоторое время терпеливо сносили чужеземное иго и даже помогали Ассурбанипалу во время его похода на Египет, но затем воспользовались смутами на Ефрате и отложились. Ассурбанипал сначала усмирил ближайших бунтовщиков, взяв Сузу, а потом двинулся против возмущившихся арабов Хиджаза, где в то время был царем Ивете, сын Нурая. Ассурбанипал сделал три похода против арабов. Во время похода, предпринятого в 659 г. до Р. Хр. он, перейдя Ефрат, завоевал сем городов: Азран, Удум, Ябруд, Бейт-нени, Мукат, Карджея и Ссутак. Все эти города, по предположению Ленормана, находились недалеко от Ефрата, и один из них может быть отождествлен с известным позднее городом Гирой⁶⁸.

Упрочив занятые эти города операционный базис на арабской территории Ассурбанипал в следующем (658) году двинулся до границ Ямамы. Овладев городами: Нарам-Истарам, Гадатмай (Гадиссай⁶⁹) на Ефрате и Сурибам (на границе аравийской пустыни по направлению к Гире), завоеватель, сопровождаемый многочисленными верблюдами, навьюченными кожаными мехами с водой, направился далее в пустыню по тому пути, по которому и до сих пор следуют персидские богомольцы в Мекку, т. е. по направлению из Мешхед-Али в Наджд. Переход «областей жажды» (выражение клинообразной надписи) был долг и труден, пока наконец ассирийское войско в Куриране «пило воду источника». Отсюда

ассирийский царь направился на город Ярену, взял его приступом и затем, следуя в юго-восточном направлении, прибыл в страну Бар и овладел столицей ее – Азаллагом. Пройдя пустыню Наджд, Ассурбанипал подчинил своей власти город Яшаммет (с. з. часть Наджда) и, пройдя другую пустыню, он достиг округа и города Кирассида (Эль-Кара, на границе Наджда и Тегамы) и подчинил своей власти все пройденное пространство.

В третий поход (в 657 г.) ассирийское войско в короткое время прошло от Карассидда до города Джидды, расположенного на морском берегу. Овладев этим городом, Ассурбанипал двинулся далее в северном направлении и последовательно завоевал другие два города Хиджаза – Янбо и Ятриб и тем окончил свой завоевательный поход против возмущившегося хиджазского царя Ивете, которого он помиловал, но увеличил платимую им дань. Казнив двух шейхов, руководивших защитой своей страны (с них живых была содрана кожа и отправлена в Ниневию) и восстановив свою власть в Аравии, Ассурбанипал возвратился в Ниневию через страну Набатеев, которые не имели силы воспрепятствовать победоносному шествию его⁷⁰.

В 626 г до Р. Хр., после падения Ниневии, арабы получили независимость и продолжали свою торговлю с Финикией, пока их не постигло еще большее бедствие от вавилонского царя Навуходоносора⁷¹, как об этом предсказал еврейский пророк Иеремия: «На Кидар и царства Асорские, которые поразил Навуходоносор, царь вавилонский, так сказал Господь: вставайте, выступайте против Кидара и разорите Сынов Востока. Шатры их и стада их будут взяты; занавесы, и всю домашнюю утварь их, и верблюдов их заберут себе, и будут кричать им: «ужас отовсюду!». Бегите, спешите, как можно скорее, скройтесь в норах, жители Асора, говорит Господь; ибо Навуходоносор, царь вавилонский, держит совет на вас и составил умысел на них. Вставайте, выходите против народа беспечного, живущего беззаботно, говорит Господь; ни дверей, ни запоров нет у них; они живут уединенно. И верблюды их отданы будут на расхищение и множество скота в добычу; и по всем ветрам рассею их, стригущих волосы на висках, и со всех сторон наведу на них бедствие, изрек Господь»⁷². Арабы не подавали повода к нападению вавилонского царя, но он не мог не видеть выгод в обладании Аравией, по примеру своих предшественников, из-за ее торговли. Покорив Тир в 573 году, Навуходоносор с большим войском напал на Хиджас и распространил по стране разорение и смерть. В окрестностях Мекки потомок Измаила, Аднан собрал защитников родной страны и решился

защищать Каабу; но в кровавой борьбе арабские воины потерпели поражение, были рассеяны и спаслись бегством в соседние равнины и горы. Большую часть захваченных жителей Хиджаза Навуходоносор отвел пленниками в Вавилон. Этот опустошительный поход не имел, однако, продолжительного влияния на политическую свободу Аравии, которая со смертью Навуходоносора опять получила независимость.

Кир, царь персидский, не пытался утверждать свою власть над Аравией, хотя подчинил себе все соседние с Аравией владения Вавилона. И преемники Кира не задавались мыслью подчинять себе арабов, всегда отличавшихся духом независимости, поддерживаемым в них географическими условиями занимаемой ими страны⁷³.

Греческий историк Геродот (495–425 гг. до Рожд. Христ.) упоминает об Аравии и арабах несколько раз⁷⁴. Говоря о походе Камбиза в Египет, Геродот описывает обряд заключения послами Камбиза договора с арабским царем, с целью предоставления персидскому войску безопасного прохода через аравийскую пустыню. Договор был заключен, и арабский царь наполнил водой мехи из верблюжьей кожи, навьючил ими всех своих верблюдов и затем выступил в пустыню, где дожидался прихода Камбизова войска⁷⁵.

Страбон, (живший в эпоху Помпея, Цицерона, Ю. Цезаря, Августа и Тиверия), на основании рассказов Аристобула, говорит, что Александр Македонский провел канал на северной границе Аравии и сделал это между прочим с той целью, чтобы Аравия не оказалась совершенно недоступной через болота и озера, окружавшие ее, как остров. Он помышлял о завоевании этой богатой страны, для чего приготовил было уже флот и назначил пункты для его отправления; он заказал корабли в Финикии, в отдельных частях или сколоченными вместе (которые были доставлены семидневным путем в Фапсак, а оттуда по реке перевезены к Вавилону, частью же в Вавилонии, где они были сооружены из кипарисовых деревьев рощи богов и увеселительных садов. По рассказу Аристобула, Александр объявлял поводом к войне то обстоятельство, что из всех народов одни арабы не посылали к нему послов; на самом же деле ему хотелось владычествовать над ними⁷⁶. Когда он узнал, что арабы чтят только двух богов, – Зевса и Диониса, то возымел надежду, что арабы, в случае, победы его над ними, станут считать его третьим божеством за то, что он дозволил им пользоваться давней самостоятельностью. Но намерения Александра Македонского не осуществились по причине внезапной его смерти⁷⁷.

По смерти Александра, арабам не угрожала опасность от иноземных

завоевателей в течение трех веков, и арабские кочевники имели возможность заходить во время своих кочевок, особенно в зимнее время, в пределы плодородного Ирака (персид. провинции), который от того получил название арабского Ирака (Ирак-араби), и образовали особое царство с главным городом Хира (или Гира). Но с наступлением всемирного владычества римлян, Кесарь Август возымел решительное намерение или покорить арабов, или сделать их своими друзьями, так как южные арабы (в Емене) с давних пор считались богатым народом, выменивавшим золото и серебро на свои благовония и драгоценные камни. Август надеялся таким образом или приобрести в Еменских арабах богатых друзей, или покорить богатых врагов, как говорит Страбон. С этой целью в Южную Аравию был снаряжен поход под начальством Элия Галла⁷⁸. Элий соорудил сто тридцать грузовых судов, на которых и переправился с десятью тысячами римской пехоты, находившейся в Египте, и союзников. В числе последних было пятисот иудеев и тысяча набатеев⁷⁹, под командой набатейца Силлая. Претерпев много бед, Галл только на пятнадцатый день прибыл в деревню Белую, большое торжище набатеев. Он потерял множество кораблей и несколько из них вместе с экипажем, вследствие несчастного плаванья, а не от нападения врагов. Причиной этих бедствий было недоброжелательство Силлая, утверждавшего, что войско не может быть проведено сухим путем в деревню Белую, между тем как купцы совершают здесь путь безопасно и удобно с таким количеством людей и верблюдов, что караваны их не отличаются от армии. «Случилось это так потому, что царь Обода не обращал большого внимания на общественные дела и в особенности на военное дело, – общая слабость арабских царей. Он предоставил все произволу своего наместника Силлая, а этот последний вел все дела с коварством и старался исследовать страну и покорить вместе с римлянами некоторые города и племена арабов, а потом, по истреблении римлян голодом, болезнями, трудами и другими бедами, приготовленными для римлян с помощью хитрости, сделаться самому всеобщим повелителем. Итак, Галл дошел до деревни Белой, когда войско его заболело уже цингой и слабостью ног, – две местные болезни; у одних солдат был паралич рта, у других паралич ног, вследствие особенных свойств воды и трав. Все это заставило Галла провести в той деревне лето и зиму для поправления здоровья солдат... Выступив с войском из деревни Белой, Галл проходил, следуя указаниям вероломных проводников, по таким местностям, что даже вода была везена на верблюдах. Много дней спустя после этого, Галл прибыл в землю Ареты, царя Набатеев, который (см. ниже, гл. 3), был

сыном царя Ободы. Хотя Арета принял его дружелюбно и одарил подарками, но измена Силлая затруднила римскому войску переход через эту страну. В течение тридцати дней шел Галл по местностям без дорог и доставлявшим только полбу, немного фиников и масло из оливы. Ближайшая страна, в которую он пришел, населена была кочевниками, а большей частью совершенно пустынна: называлась она Арареной, а царь ее Сабом. На переход и через эту землю, также не имевшую путей сообщения, потребовалось пятьдесят дней, пока он не прибыл в город Неграны, в мирную и плодородную область⁸⁰. Царь бежал, и город был взят при первом приближении к нему. На шестой день после этого, войско достигло реки. Вступившие здесь в сражение варвары, в числе тысяч десяти, потерпели поражение от римлян, которых было две тысячи: варвары, народ совершенно не воинственный, не умели пользоваться оружием, именно луками, копьями, мечами и пращами; большая часть их была вооружена обоюдоострыми топорами. Вскоре после того завоеван был также покинутый царем город Аска. Отсюда Галл перешел к городу Афруле, который был взят без боя и снабжен гарнизоном. Запасшись хлебом, финиками и другими предметами, он прибыл к городу Мариабе⁸¹, принадлежавшему народу рамманитов, подчиненному царю Иласару⁸². После шестидневной осады, Галл вынужден был по недостатку воды отступить. Здесь он находился, как говорили пленные, на расстоянии двух дней от земли, доставлявшей благовония. По вине проводников, Галл прошел этот путь только в шесть месяцев. Об обмане проводников он узнал поздно, только на возвратном пути, который он совершил по другому направлению. На девятый день Галл пришел в Неграны⁸³, где произошло сражение; оттуда, одиннадцать дней спустя, он прибыл к семи источникам в местность, названную так по количеству источников. Отсюда, через мирную область, Галл перешел к деревне Хаалле, а потом к другой, лежащей на реке Малофе. Дальнейший путь шел через скудно орошенную пустыню до деревни Егры, которая лежит у моря в земле Ободы. Весь обратный путь он совершил в шестьдесят дней, употребив в начале на тот же путь шесть месяцев. От Егры войско прибыло в Мышиную гавань через одиннадцать дней; оттуда Галл перешел в Копт и наконец спустился в Александрию со всеми способными к военной службе людьми; остальные солдаты его погибли не от врагов, но от болезней, трудов, от голода и дурного состояния дорог, от войны погибло только семь человек. По этим причинам поход мало принес пользы для исследования этих земель, хотя все-таки некоторая польза была»⁸⁴.

При императоре Траяне (98–117 по Р. Хр.) у римлян была снова

попытка овладеть Аравией, но и на этот раз полководец Авл Корнелий мог покорить только Каменистую Аравию в 107 году, но внутрь полуострова проникнуть не решился. По другим, Корнелий Авл в 105 г. взял главный город Набатеев – Петру и тем положил конец царству их, которое было присоединено к Сирийской провинции. Подчинение Каменистой Аравии власти римлян сдерживало набеги соседних арабских племен и обеспечивало свободу торговых путей из Сирии к Ефрату. И вообще торговые предприятия Востока не могли уже избежать, как говорит А. Миллер⁸⁵, подавляющего влияния всемирной империи римлян. Направление древнего торгового пути изменилось: складочные пункты внутри Аравии были оставлены, а корабли направлялись от берега ладана в египетскую гавань Миос-Гомрос⁸⁶. Вследствие этого дворцы Сабы обезлюдели и искусственное орошение, превращавшее пески в плодоносные поля, постепенно приходило в упадок. Знаменитая Магрэбская плотина (в столице Сабы), обуславливавшая плодородие всего Емена, по арабскому сказанию, вдруг прорвалась, и сдерживаемые ею воды затопили город Магрэб (древ. Мариаба) и его окрестности. Катастрофа эта, относимая историками к середине второго века по Р. Хр., произвела такое опустошение в стране, что значительная часть еменского населения выселилась на север Аравийского полуострова и далее к Сирии, где на берегах реки Хасана (или Гасана, уже существовало особое царство Хасанидское или Гассанидское, находившееся под влиянием римлян. Один ли только порыв Магрэбской плотины повлек за собой обезлюдение древнего южно-арабского царства Сабы, современного Соломону, или же это зависело от нового направления индийской торговли по морскому пути вместо, прежнего караванного – неизвестно; но уже в первом столетии по Р. Хр., рядом с сабейцами, упоминаются химьяриты арабы южного побережья полуострова, и столицей этого нового государства был ближайший к морю город Зафар. Позднее имя Сабы уже не встречается, а прежде владения этого богатого царства считаются принадлежащими химьяритам. Но химьяритское царство никогда не достигало такого богатства и славы как древняя Саба. Зафар был только промежуточной станцией для индийской торговли, и торговля стала теперь более доступна иноземному влиянию. Торговля еменским золотом уменьшалась, а торговля кожей (начиная с 6 в. по Р. Хр.) не могла дать стране первенствующего значения. Тем не менее меновая торговля еменскими товарами с Сирией продолжалась и по старинному караванному пути через Мекку, до времени появления ислама, что имело влияние на развитие Мухаммеда.

Переселение южно-арабских племен на север Аравии ослабило могущество химьяритов, и мало по малу они подпадали под власть Византии и Персии. Начиная со второго века по Р Хр., на южную Аравию нападали абиссинцы-христиане, которые в четвертом веке появились уже в столице химьяритов – в Наджране⁸⁷, и в Адене также устраивали христианские церкви. В начале шестого века византийские императоры Юстин I и Юстиниан I (518–527 гг.) в видах противодействия персам, поддерживали абиссинского вассала Аксума в Емене. Между тем туземные химьяритские князья (Тобба) старались противодействовать христианскому влиянию абиссинцев и со своей стороны поддерживали иудейство в Емене, а Тобба Зу-Навас⁸⁸ возбудил даже кровавое преследование против христиан города Наджрана. Известный христианский агиограф св. Симеон Метафраст повествует, что когда в греческой земле царствовал Иустин⁸⁹, а в Эфиопии (Абиссинии) Елезвой, цари православные в то время⁹⁰ в омиритской (химьяритской) земле восстал беззаконный царь, по имени Дунаан (Зу-Навас), жидовин, неверный хульник имени Иисуса Христа и великий гонитель христиан. У него все советники, слуги и войска были набраны из иудеев и язычников. Он старался изгнать из своей области всех христиан и истребить в химьяритской стране самую память имени Христова и потому жестоко преследовал – мучил и убивал христиан, не покорявшихся его велению и не хотевших с ним жидовствовать. Когда услышал об этом эфиопский царь Елезвой, то очень опечалился и, собрав свои войска, пошел войной на Зу-Наваса. Одержав победу над Зу-Навасом, Елезвой сделал его своим данником и возвратился в свою страну. Но Зу-Навас в скором времени⁹¹ снова восстал против Елезвоя. Собрав войско, он перебил всех Елезвеевых воинов, которые оставлены были охранять города (гарнизоны), и еще с большей силой восстал против христиан, объявив повсюду, что христиане или должны принять иудейскую веру, или же без милосердия будут избиваемы. После этого повеления в царстве Зу-Наваса не было никого, кто бы осмелился исповедовать христианство; только в одном городе Наджране имя Иисуса Христа прославлялось.

Когда Зу-Навас услышал, что жители Наджрана не повинуются повелению его, то пошел против них со всей своей силой и рассчитывал уничтожить христиан в своей области и тем досадить Елезвою, царю эфиопскому. Подойдя к городу, Зу-Навас обложил его со всех сторон и окопал рвом и хвалился скоро взять его, а жителей всех избить. Он говорил жителям Наджрана: «если хотите получить от меня милость и остаться в живых, то свергните изображения креста с ваших церквей и отрекитесь от

имени распятого на нем Христа». Воины его ходили вокруг города и кричали: «покоритесь царю, если хотите оставаться живыми и дары получить от него; если же нет, то погибнете от огня и меча». Сам Зу-Навас продолжал злобствовать и хулить имя Христово. Но осажденные христиане отвечали ему: «ты хвалишься отворотить нас от Христа, или всех нас погубить; поистине, ты скорее погубишь всех нас, но не отворишь от Христа Спаса нашего, за Которого все мы готовы умереть» ... От такого ответа Зу-Навас пришел еще в большую ярость и, налегая на город, думал, что если не возьмет его силой, то изморит жителей голодом. В то же время он находил в окрестностях города (в селениях и пустынях) христиан и частью убивал их, частью употреблял на работы.

Долго осаждал Зу-Навас Наджран и не мог взять, его силой. Наконец, он решился на хитрость: с клятвой обещал он осажденным, что не хочет причинять им зла и отвращать их от христианской веры, а только желает получить от них обычную дань, и потому просит отворить город. Христиане поверили клятвенному обещанию врага, отворили городские ворота и впустили в город осаждающих. Зу-Навас вошел в город с войском и занял своими воинами стены и ворота. Осмотрев затем город и, видя его благоустройство, похвалил граждан. Затаив в сердце своем злую месть, он отдохнул в городе и вышел в лагерь, пригласив к себе всех почетных мужей и властителей городских. Тогда все старейшины и власти городские, почетные и богатые горожане отправились в лагерь Зу-Наваса, вместе со своим шейхом Арефой. Это был благочестивый старец, имевший 95 лет от рождения и считавшийся самым главным лицом в Наджране⁹². Ему вверено было управление городом; его советами руководились горожане, храбро защищая городские стены от нападения осаждавших. Прибыв к Зу-Навасу, горожане воздали ему должное почтение и благодарение за то, что он, согласно своей клятвы, не причинил им бед. Но злобствовавший враг не сдержал далее своей клятвы: приказал всех пришедших к нему христиан схватить, заковать и держать под стражей. Он надругался над похороненным два года назад прахом епископа Павла (тело его сожгли и пепел развеяли) и умертвил 427 христиан (священников, иноков, инокинь и девиц, приказав бросить их в огонь. После того, его глашатаи ходили по городу и кричали, чтобы все отреклось от Христа и принимали жидовство, как и царь. Приведены были перед царя препод. Арефа с прочими узниками и после долгих увещаний отречься от Христа они были обезглавлены в числе 340 человек.

Прекратив, по совету своих бояр и князей, избиение христиан Наджрана, Зу-Навас собрал много тысяч младенцев и девиц из этого

города и всего округа Наджранского и часть их оставил при дворе своем для работ, а часть раздал своим вельможам и воинам и возвратился в свою столицу. Отсюда он послал послов к персидскому царю Кободу⁹³ с предложением избить всех христиан, находящихся в Персии, и к северно-арабскому князю Аламундару⁹⁴, которому обещал много золота за избивание христиан, живших в его стране». В письме к нему, Зу-Навас похвалялся своей жестокостью, проявленной в отношении христиан, живших в Зафаре и Наджране.

Греческий император Иустин, когда узнал об этом, умолял эфиопского царя Елезвоя идти войной на Зу-Наваса, так как пределы их владений были близки. Елезвой и сам уже знал о зверствах Зу-Наваса, который избил в химьяритских владениях эфиопские гарнизоны. Поэтому он собрал 120 тысяч войска и 130 кораблей, кроме исправленных старых, и выступил в поход. Часть войска он отправил сухим путем, а сам с остальным войском двинулся морем к пределам владений Зу-Наваса, которого он рассчитывал окружить с моря и суши. Зу-Навас, услышав об этом, также собрал войско и выступил на встречу к кораблям Елезвоя. Часть войска Елезвоя высадилась на берег выше стоянки Зу-Наваса, напала на его столицу – Фаре⁹⁵ и захватила в плен царицу и сокровища, а затем и главные силы Зу-Наваса были разбиты, причем Зу-Навас пал от меча Елезвоя в 529 г. по Р. Хр.⁹⁶. В городе Наджране было восстановлено христианство. Сына мучен. Арефы Елезвой назначил правителем города, а царем химьяритским абиссинца Авраамия, человека благочестивого и доброго, и затем отплыл в Эфиопию⁹⁷. Новопоставленный наместник Йемена Авраамий известен у мусульманских писателей под именем Абрахи. Он имел попытку ввести христианство в самой Мекке и с этой целью предпринял поход в Мекку, окончившийся неудачей вследствие появления в его войске оспы. Год этого похода известен у арабов год именем «года слона», и соответствует году рождения Мухаммеда, т. е. 570 или 571 г. по Р. Хр. И воины Абрахи с тех пор назывались «людьми слона», так как в его войске были слоны. В Коране (гл. 105) рассказывается об этом случае в следующих выражениях: «Не вспоминал ли ты (т. е. Мухаммед), как поступил Господь твой с людьми слона? Не обратил ли Он умысла их к их гибели? Он послал на них стаи птиц; они бросали в них камни из обожженных глиняных глыб. Так Он сравнял их с потравленной нивой». Арабское предание сохранило следующий рассказ в объяснение неудачного похода Абрахи. Он, как христианин, построил великолепный храм, имея в виду отвлечь Йеменских арабов от посещения Меккской Каабы. Но корейшиты (жители Мекки, заметив уменьшение

числа богомольцев, послали одного араба из племени Кенан осквернить построенный Абрахой храм, что тот и исполнил. Раздраженный этим Абраха поклялся в свою очередь разрушить Каабу и отправился на Мекку с большим войском, при котором были слоны, данные Абрахе эфиопским царем. Жители Мекки, узнав о приближении войска Абрахи, испугались и убежали из города в окрестные горы, но Сам Бог защитил Каабу: когда Абраха подступил к Мекке и намеревался вступить в город, слон, на котором сидел царь, запрямылся и не хотел идти далее; когда же слона понуждали, он становился на колени. В то же время над войском появились (ласточки) птицы абабиль, у которых в клювах и в каждой ноге было по камню, которые птицы и бросали в воинов Абрахи и поражали их⁹⁸. Затем Бог послал наводнение, которое смыло тела убитых воинов, а некоторых живыми снесло в море. Оставшиеся невредимыми бежали от Мекки к Емену, но погибли на пути, так что в столичный город Сану возвратился один Абраха, где скоро умер и похоронен в основанном им монастыре. По смерти Авраамия (Абраха), царствовавшего в Емене около 42 лет, и со смертью архиепископа Григория⁹⁹, химьяритские христиане, не окрепшие в православии, начали отпадать от православной церкви и уклонялись в разные ереси¹⁰⁰, чему способствовали политические смуты страны.

Под управлением персов, в Емене распространилось поклонение огню и солнцу. Персы, желая на будущее время обеспечить свое влияние в Аравии, решили выдворить абиссинцев из Емена. Хосрой Нуширван (531–579) послал, под начальством Вахриза, флот с войском, которое по Персидскому заливу прибыло в Аден. В то время в Емене явился претендент на Еменский престол из потомков химьяритов, – Сейф, приверженец иудейства. Он произвел восстание среди Еменских арабов и был посажен персами на престол. Сделавшись царем Емена, Сейф стал преследовать абиссинцев, но был скоро умерщвлен ими, и Емен снова подпал под власть абиссинцев. Тогда персидский полководец Вахриз вторично явился в Емен с сильным войском, прогнал абиссинцев и стал управлять страной на правах наместника персидского царя, имея местопребывание в главном городе области – Сане. С тех пор Емен оставался под владычеством персов: управление было предоставлено отдельным князьям из рода древних князей Еменских. Страна успокоилась и была довольна, как говорит А. Миллер; но самостоятельной политической роли персидские наместники в Емене не имели¹⁰¹.

У Пококка еменские цари перечисляются в таком порядке¹⁰²: 1 – Кахтан, т. е. Иоктан, сын Евера. Он первый царствовал в Емене и надевал

диадему; 2 – Яараб, сын Кахтана. Он первый говорил по-арабски, и его сыновья впервые стали приветствовать его по-царски; 3 – Яшраб, сын Яараба; 4 – Абду-Шамс, сын Яшраба. Он устроил в стране Магриб знаменитую плотину и самый город Магриб, который после был городом Сабы; 5 – Химьяр, сын Сабы. Он изгнал Тсамудян из Емена в Хиджас. Его считают первым из химьяритских царей, возложившим на свою голову золотой венец; 6 – Ваиль, сын Химьяра; 7 – Ас-Саксак, сын Ваиля; 8 – Яафар, сын Ас-Саксака; 9 – Зу-Риаш; 10 – Ан-Нуман, сын Яафара; 11 – Асмах, сын Нумана; 12 – Шаддад, сын Ада; 13 – Лукман, брат Шаддада; 14 – Зу-Садад, брат Лукмана; 15 – Аль-Харетс, сын Зу-Садада, прозванный Раяшем. Он первый принял царский титул тобба; 16 – Зуль Карнайн Асааб, сын Харетса Раяша; 17 – Зуль-Манар Абраха, сын Зуль-Карнайна; 18 – Африкас, сын Абрахи; 19 – Зуль-Азгар-Амру, брат Африкаса; 20 – Шархабиля, из потомков Саксака; 21 – Аль-Худхад, сын Шархабиля; 22 – Балкис, дочь Худхада. Современница еврейского царя Соломона. Она царствовала 20 лет; 23 – Нашируль-Наам, сын Шархабиля; 24 – Шамар-Ярааш, сын Нашира; 25 – Абду-Малик, сын Шамара; 26 – Имран, сын Амира; 27 – Амру, брат Имрана; 28 – Аль-Акран, сын Абу-Малика; 29 – Зу-Хабшан, сын Акрана. Он изгнал племя Тасм и Джадис из Емена; 30 – Тобба, сын Акрана; 31 – Куляй-карб, сын Тоббы; 32 – Абу-Кариб-Асад. Он прославился за 700 лет до Мухаммеда и первый покрыл Каабу завесой. При нем начало распространяться иудейство в Емене; 33 – Хасан, сын Тоббы; 34 – Амру, сын Тоббы, известный под именем Зуль-Авад; 35 – Абд-Куляль, сын Зуль-Авада; 36 – Тобба-Хасан; 37 – Аль Харетс, сын Амру. Он был предан иудейству; 38 – Марсад, сын Куляля; 39 – Вакия, сын Мурсада; 40 – Абрахэ, сын Ас-Сабаха; 41 – Сабхан; 42 – Зу-Шанатир. Это был нечестивейший человек, занимавшийся педерастией; 43 – Зу-Навас. Он бросал в ров всех тех, которые отказывались исповедовать иудейство; 44 – Зу-Джадан был последним из царей химьяритских, правление которых по Абульфедде продолжалось 2020 лет, а по другим – более 3000 лет. После Зу-Джадана Еменом управляли восемь царей из Эфиопии, Абиссинии и Персии; 45 – Арьяд эфиоплянин; 46 – Абраха-Аль-Ашрам, упоминаемый в гл. 105 Корана; 47 – Яксум, сын Абрахи; 48 – Масрук, сын Абрахи. Он был последним царем Емена из эфиоплян. Власть эфиопских царей над Еменом продолжалась около 72 лет; Арьяд правил Еменом 20 лет, Абраха – около 50 лет, Яксум – 2 года; 49 – Саиф-Ибн Зи-Язан был из химьяритов. Он был современником Ануширвана, царя персидского, при помощи которого и захватил в свои руки власть над Еменом. По смерти его, Еменом правили ставленники персидских царей. Последним правителем

Емена был Базан, современник Мухаммеда, обратившийся в ислам. Сын Базана, Шахр получил власть над частью Емена уже от Мухаммеда (Specimen Historiae arabum, p. 56–67).

На северо-востоке Аравии персидские монархи также должны были постоянно оберегать свои пограничные владения от хищнических набегов арабских кочевников. С этой целью персы содержали вдоль Ефрата особые кордоны, под управлением князей Хиры¹⁰³, известных под именем Лахмидов, т. е. принадлежащих к племени Лахм. Первым князьям Хиры, получившим от персидского царя Шапура I (241–272 по Р. Хр.) права и власть над арабами Ирака, был Амр Ибн Адия. Около 380 г. по Р. Хр. династия Лахмидов прекратилась на время, но около 400 г. снова является правителем страны Нуман I, а около 420 г. сын его Аль-Мунзир, известный у византийцев под именем «короля сарацинов Аламдороса» Нуман III, сын Асвада, со своими лучшими войсками сражался под знаменами Персии с византийцами и умер в 503 году. В 506 г. князем Хиры был Мунзир III, отличавшийся жестокостью и победивший предводителя киндитов Харитса. Мунзир со своими ордами бедуинов постоянно нападал на византийские провинции и немилосердно грабил их, пока не был убит. Сын его Амр управлял Хирой в 554–569 гг. и, по преданию, под влиянием своей матери христианки Хинды, сам принял христианство. Брат его Мунзир IV был также христианином. Сын Мунзира Нуман V был последним князем Хиры. Он управлял в 580–602 гг., отличался любовью к поэзии и оказывал особенное внимание арабскому поэту Набиге. По смерти Наумана, пало и Персидское царство под оружием мусульман¹⁰⁴.

Правители Хиры перечисляются в следующем порядке: 1 – Малек; 2 – Амру, брат Малека; 3 – Дзу-Дайма, сын Малека, прозванный Аль-Абрашем; 4 – Амру, сын Али; 5 – Амруль-Кайс, сын Амру, прозванный Альбада, т. е. первый; 6 – Амру, сын Амруль-Кайса; 7 – Аус, сын Каляма; 8 – Некто эмалекитянин, имя которого неизвестно; 9 – Амруль-Кайс, сын Арму, прозванный Аль-Мухриком; 10 – Аль-Нуман Аль-Агвар, сын Амруль-Кайса; 11 – Аль-Мундар сын Нумана; 12 – Аль-Асвад, сын Аль-Мундара; 13 – Аль-Мундар, брат Аль-Асвада; 14 – Алкама Аль-Замьяли; 15 – Амруль-Кайс, сын Нумана, внук Амруль-Кайса Аль-Мухрика; 16 – Аль-Мундар, сын Амруль-Кайса и Мавии, прозванный за красоту Мау-с Самаи; 17 – Аль-Харетс, сын Амра Киндийца, современник Ануширвана; 18 – Амру, сын Аль-Мундара от Хинды. В восьмой год его правления родился Мухаммед, значит, он сделался князем Хиры в 562 г. по Р. Хр.; 19 – Кабус, брат Амру; 20 – Аль-Мандар, другой брат Амру; 21 – Аль-Нуман, сын Аль-Мундара, названный также Абу-Кабусом, христианин; 22 – Айяс.

В шестой месяц его правления выступил Мухаммед на свою проповедь; 23 – Задавайя, сын Махана; 24 – Аль-Мундар, сын Нумана, внук Мундара, правнук Мундара, праправнук Мау-с Самаи (см. № 16) прозванный Аль-Магруром. Он правил Хирой до завоевания ее Халилом Ибн Валидом (Роскок, Specimen historian arabuin, p. 67–76).

В пограничной с Аравией Сирии управляли арабы Хасаниды или Гассаниды. Самым замечательным из них был Харитс V, правивший сирийскими арабами от 530 до 570 г. по Р. Хр. Император Юстиниан желая поднять власть Харитса в глазах арабов, назвал его, по византийскому обычаю, князем «патрикиосом», но князь Харитс думал не столько об интересах императора, сколько о своих личных выгодах. В арабских преданиях Харитс считается жестоким и низким человеком. Знаменитый арабский поэт Амруль-Кайс, перед отъездом своим в Константинополь, передал еврейскому князьку Самуилу на сохранение свое имущество и в том числе пять драгоценных кольчуг. Самуил торжественно обещал сохранить вверенное ему имущество до возвращения Амруль-Кайса. Во время проезда Амруль-Кайса через владения Харитса, последний узнал, что драгоценные кольчуги арабского героя оставлены на сохранение Самуилу; и когда Амруль-Кайс на возвратном пути из Константинополя умер, то Харитс во время одного из своих набегов потребовал от Самуила выдачи кольчуг¹⁰⁵. Верный слову Самуил отказал Харитсу в его требовании, но Харитс, захвативший Самуилова сына Адию, уже взрослого юношу, когда тот возвращался с охоты, стал грозить отцу насильственной смертью сына его. Самуил и тогда не нарушил своего слова. Жестокий Харитс умертвил Адию, но кольчуг Амруль-Кайса не получил. После побоища Халимы¹⁰⁶ Харитс в 566 г. сам ездил в Константинополь и произвел на тамошний двор сильное впечатление, в роде того, какое мог бы произвести кавказский Шамиль, или Афганский хан Абдурахман на современные европейские дворы. У Харитса был сын Аль-Мунзир, который в 570 г. (год рождения Мухаммеда) разбил Кабуса, князя Хиры. Затем из Гассанидов упоминаются: Амр IV, Нуман VI и Харитс VII, которые хотя и покровительствовали арабским поэтам своего времени, но политического значения, подобного Харитсу V, уже не имели. Последним Гассанидом был Джабал VI, сын Айхама, начальствовавший над сирийскими арабами во время вторжения мусульман в эту страну¹⁰⁷.

У Пококка Гассанидские князья перечисляются в след. порядке: 1 – Джафна, сын Амра; 2 – Амру, сын Джафны; он устроил в Сирии много монастырей; 3 – Тагляба, сын Амру; 4 – Аль-Харетс, сын Таглябы; 5 – Джабала, сын Аль-Харетса; 6 – Аль-Харетс, сын Джабалы; 7 – Аль-Мондар

Аль-Акбар, сын Аль-Харетса, 8 – Аль-Нуман, брат Аль-Мондара; 9 – Джабала, второй брат; 10 – Аль-Айхам, третий брат; 11 – Амру, четвертый брат; 12 – Джафна Аль-Асгар, сын Аль-Мондара Аль-Акбара. Он сжег город Хиру. 13 – Аль-Нуман Аль-Асгар, брат Джафны; 14 – Аль-Нуман, сын Амра, внук Аль-Мондара; 15 – Джабала, сын Аль-Нумана. Он вел войну с правителем Хиры Аль-Мондаром Мау-с Самаи; 16 – Аль Нуман, сын Аль-Айхама; 17 – Аль Харетс, брат его; 18 – Аль-Нуман, сын Аль Харетса; 19 – Аль Мондар, сын Аль-Нумана; 20 – Амру, брат его; 21 – Хаджар, другой брат Аль-Мондара; 22 – Аль Харетс, сын Хаджара; 23 – Джабала, сын Аль-Харетса; 24 – Аль-Харетс, сын Джабалы; 25 – Аль-Нуман, сын Аль-Харетса, называвшийся также Абу-Карибом и Кутамом; 26 – Аль-Айхам, сын Джабалы. Он правил также и Тадмором; 27 – Аль-Мондар, брат Аль-Айхама; 28 – Шарахил, второй брат Аль-Айхама; 29 – Амру, третий брат; 30 – Джабала, сын Харетса, внук Джабалы; 31 – Джабала, сын Аль-Айхама. Он был последним правителем Сирии из Гассанидов и во время Халифа Омара принял ислам, а затем отправился в Константинополь и там объявил себя христианином. Относительно продолжительности всего периода правления Гассанидов в Сирии существует разногласие: одни определяют этот период в 400 лет, а другие в 600 лет. Многие Гассаниды носили имя Ареты (Харитс). Некоторые считают первым сирийским правителем Арету, сына Амра, известного также под именем Ибн-Аби-Шамара. За ним следовали 37 правителей, которые держали власть в своих руках в течение 616 лет до последнего из них Джабалы. При этом предположении, упоминаемый во втором послании ап. Павла к Коринфянам (9:32) сирийский князь Арета и был одним из первых гассанидских правителей Сирии (Specimen Historiae arabum, p. 77–79).

В северной Аравии после Р. Хр. на некоторое время возникла своеобразная федерация из нескольких арабских племен, под главенством сильного племени Киндитов. Союзные племена, в числе которых были Бикриты и Таглебиты, угрожали своими набегами византийским провинциям. В 480 году власть этого союза простиралась до границ Хиры, но после внутренняя связь этого союза то ослабевала, то снова укреплялась. В числе правителей Киндитов известны Аль-Худжр, сын его Амр и особенно сын Амра-Харитс, сделавший в 496 г. набег на Палестину и причинивший много хлопот византийцам, которые в 503 году должны были вступить с ним в переговоры, причем, император Анастасий обязался уплатить Харитсу большую сумму денег, чтобы обезопасить свои сирийские границы, но в тоже время выговорил условие, что Харитс

направит свои воинственные полчища против правителей Хиры, находившихся в вассальных отношениях к Персии. Мунзир III, правивший в Хире, разбил Харитса на голову, а затем, в 529 г., захватил сына Харитсова и казнил его. Сыновья Харитса бесплодно старались восстановить союз Киндитов. Один из них Худжр был умерщвлен арабами-асадитами, и тогда сын его, знаменитый поэт Амруль-Кайс¹⁰⁸ поклялся отомстить за смерть отца. Он переходил от одного племени к другому и возбуждал их на мщение, но успеха не имел. С отрядом всадников-удальцов он нашел было помощь у Химьяритов, но его противникам оказали помощь войска Нуширвана. В стычке с персидской кавалерией Амруль-Кайс потерпел поражение и едва спасся бегством. Снова переходя от племени к племени, он решил наконец отправиться в Константинополь и просить помощи у императора. Здесь он свел будто любовную интригу с замужней дочерью императора Юстина II, бывшей замужем за главным дворцовым интендантом. Находившийся в то время в Константинополе араб из враждебного ему племени Асадитов рассказал об этой интриге, и император-отец послал своему гостю в подарок плащ, пропитанный ядом, от которого знаменитый арабский герой-поэт умер в Анкире (Ангора) и погребен у подошвы горы Асиб¹⁰⁹. По словам А. Миллера, Амруль-Кайс «поэт и король», как назвал его Рюккерт¹¹⁰, переведший на немецкий язык его стихотворения, страстно желал отомстить асадитам за смерть своего отца и восстановить славу своего дома, но, не находя удовлетворения своему честолюбию, не знал покоя и внутреннего мира. При всем этом он не обнаруживал уныния и не преклонялся перед своими несчастиями. Он скоро забывал свои неудачи и несчастья, не упуская случая воспользоваться удовольствиями любви, и снова бросался в водоворот отчаянной борьбы со своими врагами.

Что касается собственно Хиджаза, пограничной области на Аравийском полуострове, прилегающей к Красному морю, то она-то и была центром нового религиозного движения, завершившегося объединением Аравии под эгидой ислама. В Хиджазе именно находятся два города – Мекка и Медина, с именами которых было связано это движение и которые до сих пор считаются у мусульман священными (альхара-меин). С давних пор по этой области, благодаря ее географическому положению и физическому строению, пролегал торговый караванный путь из Сабы, славившейся своими естественными богатствами, через Макорабу (Мекка) и Ятсриб (Медина), и оба эти города служили наиболее удобными пунктами для остановок торговых караванов на их длинном и трудном пути с юго-запада на север полуострова.

Незначительное плоскогорье Хиджаза, изрезанное в разных направлениях невысокими горными кряжами, представляло для движения караванов единственно удобный путь и потому с давних пор главные места остановок караванов постепенно заселялись и значение их среди малонаселенной вообще Аравии постепенно возрастало.

Эл. Реклю, рассуждая о местах древнейших встреч народов, говорит: «С того времени как, человек оставляет первобытное, дикое состояние, в котором каждая группа людей живет исключительно для себя лично, у него пробуждается интерес к другим людям, пробуждается влечение к ним и сознание необходимости взаимной помощи. Вследствие этого, отдельные группы людей стараются устроиться так, чтобы видеться с другими; люди посещают друг друга, преодолевая даже в этом всякие препятствия... Большая часть соседних народов избирает обыкновенно для своих встреч места, удободостижимые, по естественным путям сообщения – по рекам, горным проходам или ущельям. На этих местах справляются празднества, происходят переговоры и ведется меновая торговля предметами, которых нет у одного племени и которые в изобилии имеются у другого. Случается, также, что для меновой торговли и для мирных встреч избираются места, известные тем, что они необитаемы, никому не принадлежат и ни к чему не пригодны. Впрочем, человек руководствуется в своей жизни не одними лишь материальными интересами: страх перед неизвестным, священный ужас перед тайной приковывает иногда также население к местам, соседним с теми, которые связывают эти чувства; человек чувствует как бы некоторое притяжение к тому месту, которого он страшится (например, камень упавший с неба), – все такие места освящаются религией, на них возникают святилища, к которым толпами устремляются верующие, и в том случае, когда такое святое место в других отношениях расположено выгодно, оно может превратиться в Мекку или в Иерусалим»... С другой стороны, во все времена и во всех странах интересы меновой торговли побуждали различные племена, даже враждебные между собой, назначать особые места для торговых встреч (ярмарки) и обставлять их обоюдным обязательством не нападать друг на друга, не мстить и т. д. Так получились у арабов особые священные месяцы, в продолжение которых они могли безопасно посещать ярмарки и места поклонения¹¹¹.

История не сохранила точных и подробных сведений об основании главных двух городов Аравии, но несомненно, что население их, особенно Медины, было смешанное и что пришлые элементы, привлекаемые сюда не одними только торговыми выгодами, постепенно арабизировались и в

свою очередь оказывали влияние на аборигенов страны, как в их образе жизни, так и в самих воззрениях на жизнь и в религиозных идеях. Близкое сходство в этнографических чертах арабов и евреев, как принадлежавших к одному семитическому племени, и неблагоприятные исторические причины побуждали евреев в разное время переселяться в Аравию, как страну малодоступную иноземным завоевателям и обещающую переселенцам спокойствие и довольство в жизни. Особенно после разрушения Иерусалима и в эпоху последовавших затем кровавых преследований иудеев, иудеи массами бежали в Аравию и селились здесь навсегда. Целые племена иудеев поселились близ Хайбара и Ятсриба, а другие пошли далее на юг и основались в Емене. Чтобы обеспечить себя от случайных нападений особенно кочевых арабов, иудейские переселенцы окружали свои жилища глинобитными стенами¹¹², которые и дали европейским ученым повод считать подобные загородни «замками» в роде средневековых рыцарских замков. За стенами таких укреплений, хорошо известных и в средней Азии, арабские евреи могли спокойно предаваться своим занятиям и при этом сохраняли во всей силе предания отцов. Особенно ревниво они оберегали свои верования. Подражая арабам во внешней жизни, евреи не чуждались и языка арабов, охотно сами говорили по-арабски, но отнюдь не поступались своими религиозными идеями, в пользу политеизма арабов, а наоборот старались проводить в среду арабов верования, вынесенные из Палестины. Предприимчивые в практической жизни и стойкие в своих верованиях еврейские переселенцы легко устраивались среди полудикого туземного населения Аравии и скоро приобретали в стране господствующее положение. Только гордая независимость арабского характера спасала арабов от полного поглощения евреями, а своеобразное великодушие и гостеприимство арабов давали возможность пришельцам-евреям устраивать свою жизнь согласно древним традициям и привычкам, сложившимся во времена пророков. Такое положение хорошо напоминает нам поселение татар и сартов в среднеазиатских киргизских степях. Пользуясь сходством в языке и некоторыми общими генеалогическими преданиями, татары и сарты легко вообще и до сих пор устраиваются в степи, среди наивных степняков и постепенно распространяют на них свое влияние. Путем подобного же влияния евреев на древних номадов Аравии, среди последних укоренились древние, общие евреям и арабам, предания, которые значительно помогли потом основателю ислама, при обнародовании им новой веры. К числу таких преданий относятся неоднократные упоминания его об Аврааме, в лице которого и евреи, и арабы одинаково чтят своего родоначальника,

первые через Исаака, а вторые через Измаила. Такими же соображениями нужно объяснять и поклонение древних арабов камню в Мекке, составлявшему и до сих пор составляющему святыню меккского святилища арабов, Каабы. В Коране Бог представляется говорящим Аврааму: «Мы назначили этот дом в сборище и убежище людям: держите для себя место Авраамово мольбищем. Мы заповедали Аврааму и Исмаилу: оба вы внушите, чтобы дом Мой¹¹³ благоговейно чтили совершающие вокруг его обходы, проводящие в нем время в благочестивых думах, преклоняющиеся и поклоняющиеся до земли». И когда Авраам сказал: Господи! Сделай эту страну безопасной, надели плодами жителей ее, тех из них, которые будут веровать в Бога и в последний день, – Он сказал: «и тем, которые будут неверными, дам насладиться немного, а после ввергну их в муку огненную». Как страшно это пристанище! И вот Авраам, вместе с Исмаилом положил основание этому дому. «Господи наш, призри на нас! Ибо ты слышащий, знающий. Господи наш! Сделай и нас покорными Тебе, и наше потомство – народом, покорным Тебе: научи нас священным обрядам и будь жалостлив к нам: ибо Ты жалостлив, милосерд. Господи наш! Воздвигни среди них посланника из них самих, чтобы он читал им знамения Твои, научил их Писанию и мудрости, и сделал их чистыми: ибо Ты силен, мудр»¹¹⁴.

Мусульманские предания пошли далее Корана: в них основание Каабы возводится ко временам Адама, а восстановление ее после всемирного потопа ко временам Ноя¹¹⁵; но это несколько не разъясняет действительной истории Меккского храма. Первоначально это был, как правдоподобно можно предполагать, каменный жертвенник, подобный тому, какой воздвиг в свое

Изображение Меккской мечети с Каабой

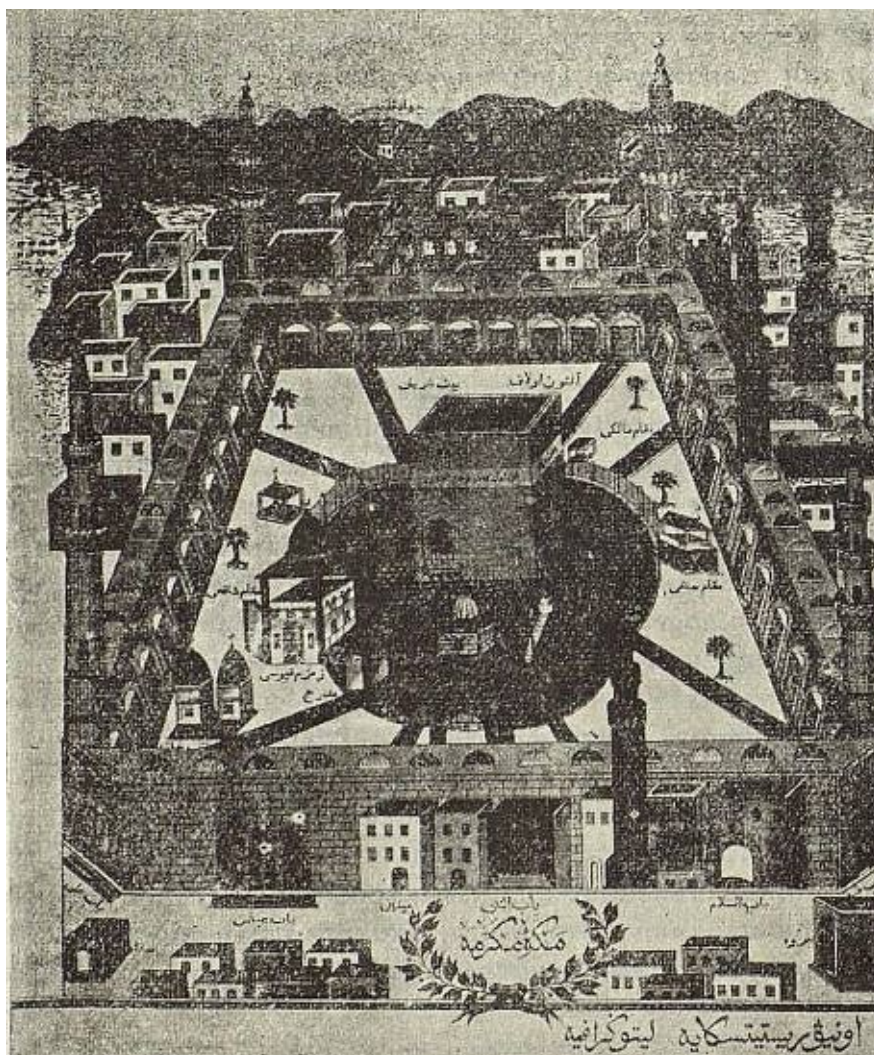

Рисунок изготовлен по татарской гравюре.

время Иаков в Вефиле (Быт. 36). На это указывает и обыкновенное имя Каабы – Байтулла, т. е. дом Божий, что и на еврейском языке означает бетиль (Вефиль), а затем, когда арабы хотели обособиться от соседних иудеев, то стали утверждать (в связи с преданием об Измаиле), что этот жертвенник устроен, по повелению Божию, Авраамом и Измаилом. Замечательно, что у арабов есть и другое предание, близко напоминающее рассказ Библии о том, как Иаков за чечевичную похлебку выпросил себе право первородства у старшего брата своего Исава (Быт. 25:27–34), именно: когда Кааба перешла от корейшитов в руки хузайтов, то корейшит Косай (Зейд сын Килаба) решил возвратить своим одноплеменникам права хранения ключа от Каабы и с этой целью напоил до пьяна Абу-Губшана, у которого хранился ключ, а затем, когда Абу-Губшан, уже пьяный, стал просить еще вина, то хитрый Косай выпросил у него ключ от Каабы за вино и удержал его у себя силой, причем хузайтов выдворил из Мекки,

корейшитов же разместил в городе по отдельным кварталам. Косай считается пятым предком Мухаммада¹¹⁶ и жил около 400 г. по Рожд. Хр., а около половины пятого столетия в Мекке были построены первые дома¹¹⁷.

А. Мюллер, так выясняет постепенное упрочение значения Мекки в глазах северных и центральных арабских племен: «Обезопасить себя от хищнических поползновений сынов пустыни, которые ежеминутно и легко могли спуститься с гор на торговый путь, с целью напасть на тянущиеся к северу караваны, было главной заботой жителей Мекки и ее окрестностей. Все помышления их устремлены были к тому чтобы поставить торговлю под покровительство чуждого вначале для бедуина и страшного, а потому и внушающего глубокое уважение храма. Вот и основало купеческое сословие союз племен Хиджаза, который имел своим религиозным средоточием пункт всеобщего почитания Каабу. Союзу этому удалось постепенно держать неверующих вначале, но суеверных бедуинов в субординации и даровать им вместе с тем возможность вступления в члены союза. Ежегодно праздновался с большим торжеством, внутри и в окрестностях Мекки, праздник весны, как это встречается у большинства семитов. Обычай этот перенесен сюда с севера древнейшими переселенцами. На празднества приглашались и остальные племена. Дабы привлечь их, устраивались вместе с религиозными церемониями большие ярмарки, которые открывались во многих местностях, по соседству Мекки, до и после периода празднеств. Здесь же сыны пустыни обменивали выделанные кожи своих вьючных животных и вообще все то, что в течение года получалась от их пастбищ, загородами обнесенных, на разного рода продукты цивилизации – драгоценные ткани Сирии, разные украшения, выделяемые в большом количестве искусными иудеями северного Хиджаза и многое другое, что считалось между полуварварскими номадами редкостью и предметом вожделений. Поэтому нет ничего удивительного, что даже бедуины поняли, в какой мере подобного рода отношения требуют с обеих сторон миролюбия и прекращения излюбленных ими хищнических набегов хотя бы на время ярмарок. И горожанам Мекки еще за некоторое время до Мухаммада удалось установить, чтобы, в течение 4-х месяцев в году, царствовал мир, не только в области торговой конфедерации Мекки, но и почти повсеместно, по всей Аравии. В это свободное время отдельные племена могли посылать своих делегатов в Мекку, для устройства дел. Возвращались они назад, никем не обижаемые. А при замечательных церемониях торжественного богослужения и жертвоприношений могли присутствовать и посторонние. Иноземцы не могли не замечать, что подобная образцовая набожность

жителей Мекки даровала им благословение свыше, благоденствие и успех. Поэтому многие стали вскоре обдумывать, как бы и себе самим доставить такие же осязательные выгоды. Мало по малу начали участвовать и посторонние в религиозных обрядах, которые своей необычайной торжественностью должны были с первого раза производить сильное впечатление на людей простых. Доселе лишь изредка, когда им уж очень плохо приходилось, обращались они со своим безыскусственным личным молением к какому-нибудь грубому идолу, метеориту или священному дереву. Умные купцы Мекки были готовы сделать все, лишь бы облегчить арабам доступ к установившимся меккским обычаям». Купцы Мекки охотно ставили и внутри и возле Каабы, кроме своих собственных, также и изображения идолов чуждых им племен. Таким образом, мало по малу, мекканцы достигли того, что всякий араб, не слишком далеко живущий от Мекки, признавал в храме Мекки и свою святыню. Божество Каабы хотя бы араб и редко прибегал к нему, становилось в конце концов его собственным, ибо над сонмом идолов, даже в Аравии, все предчувствовали высшего «неведомого бога», всюду царил древний бог семитов Иль или Илях, как звали его арабы севера. Вероятно, благодаря влиянию иудейскому, он был в роде всеотца богов предков, почитаемый не непосредственной молитвой и богослужением, но пребывающий в сознании арабов, как бы невидимо присутствовавший в качестве властителя Каабы. Так началось богопочитание после того, как могущество древних Сабеев оказалось недостаточным для поддержания безопасности караванного пути, идущего на север. Так постепенно, хотя и в весьма ограниченных размерах, зерно гражданских порядков Мекки сделало ее первенствующим городом не только Хиджаза, но и отчасти большинства арабских племен¹¹⁸. Заметим со своей стороны, что такое значение Мекка могла приобрести только в век, предшествовавший эпохе Мухаммада, потому что, кроме предания о походе Еменского царя Абрахи в Мекку, в Коране нет указаний на ее древнее заселение; в противном случае основатель ислама, без сомнения, не преминул бы указать на древность своего отечественного города; напротив, в Коране говорится, что область Мекки не удобна для хлебных посевов (гл. 14, ст. 40) и что продовольствие для ее жителей доставлялось из соседних областей (гл. 28, ст. 57). А это само собой говорит не в пользу древности заселения города. И если область эта была безопасна (гл. 29, ст. 67), то только ради молитвенного места, по договору окрестных жителей¹¹⁹.

Точно также и Медина не может возводить свою историю далее первого века перед Р. Хр. и по Р. Хр. когда в окрестностях этого города и

отчасти в самом городе поселились иудеи. Но рассказы мусульманских писателей о первых заселениях Медины не менее баснословны, чем рассказ Корана о построении Каабы. Вот эти рассказы:

По сотворении Мекки Бог создал Медину, потом Иерусалим, а через 1000 лет всю землю зараз... По рассказу Аль-Кальби, Ной с семейством высадился из ковчега близ Бабиля (Вавилона). Их было 80 душ, поэтому и место их высадки названо «рынком восьмидесяти» (Сюк-ус-саманин). Бабиль имел в длину десять дневных переходов, а в ширину 12 фарсангов¹²⁰. Там они жили до того времени, когда воцарился Нимврод, сын Ханаана, сын Хама. В наказание за их отступничество от истинной веры произошло смешение языков: их язык распался на 72 языка. Внуки Сима от Бога узнали арабский язык. Из их числа Абель поселился в Ятсрибе (Медине). Потомство его, вытесненное оттуда амаликитянами, перешло по направлению к Мекке, где и осело в 6 милях от моря. Это место получило название «пучины» (аль-джухфа), потому что, по прибытии туда, они были настигнуты ливнем, затопившим всю местность.

Первыми жителями Медины, обработавшими поля ее, насадившими пальмы и построившими дома и загородки¹²¹, – Якут называет амаликитян, потомков Амалика, внука Сима. Они, распространяясь, заняли всю страну от Аль-Бахрейна и Омана до Хиджаза, Сирии и Египта. Цари Сирии и фараоны Египта происходили от них. В Медине жили их роды Бяну-Хаф и Бяну Матравиль. Существует предание, что когда Моисей в сопровождении нескольких израильтян совершил пилигримство в Мекку, некоторые из них, на обратном пути, остались в Медине, так как им показалось, что это то самое место, где должен появиться последний из пророков. Израильтяне поселились, вместе с несколькими аравитянами, на том месте, где впоследствии был рынок Бяну-Кайнука.

Однако преобладающее мнение то, что амаликитяне были древнейшими жителями Медины. Два рода их Сан (или Сал) и Фалех подверглись нападению Давида, который отнял у них 100 000 женщин. Все эти женщины померли от эпидемии, а именно от гниения горла. Их могилы находятся в 3 милях от Медины, в равнине, около местности Аль-джухф. Только одна женщина, по имени Зухра, осталась в живых, но и она померла после от той же болезни там же, когда пожелала вернуться на родину.

Ибн-Забала рассказывает со слов Орвы-бен-аз Зубайра: «Амаликитяне распространились; они населяли Мекку, Медину и весь Хиджаз, но стали надменны. Моисей, победив Фараона, покорив Сирию и истребив кананитов, послал войско в Хиджаз с приказанием не оставлять в живых

ни одного амаликитянина достигшего зрелого возраста. Это войско действительно перебило всех, не исключая царя Аль-Аркам-бен-Абул-Аркам; но евреи пощадили одного из сыновей его вследствие его юности и красоты, предполагая предоставить решение его судьбы самому Моисею. Евреи повезли его с собой, но тем временем Моисей умер, а израильтяне, остававшиеся дома, объявили воинам следующее: вы ослушались приказания, данного устами нашего пророка, и мы не пустим вас в нашу страну. Войско отвечало: коли вы нас гоните от себя, то нам нет лучшей земли, чем та, из которой мы только что пришли». – Итак, войско израильтян поселилось в Хиджазе, в котором в то время было много воды и деревьев.

Табари, в противоречие с этим рассказом, говорит, что израильтяне пришли в Хиджаз только тогда, когда Навуходоносор покорил их страну и разрушил Иерусалим.

Ибн-Забала продолжает: «Войско израильтян заняло в Медине столько земли, сколько душе хотелось, в Зухре, – гладкой равнине между Эль-Харра и Ас-Сафила, где последняя граничит с Эль-Каф. Но их главное селение было Ятсриб (Медина), на стечении водных путей, где с ним граничит Загаба. Ятсриб была длинная стоянка, на которой собирался авангард их войска. По вечерам в слободе, относящейся к Ятсрибу, собиралось 70 одних только бурых верблюдов, не считая верблюдов прочих мастей.

К арабам, жившим в Медине, совместно с иудеями, раньше, чем из Емена туда пришли роды Аус и Хазрадж, относились роды: а) Бану-Онейф, который, по другому мнению, состоял из остатков амаликитян, б) Бану Музейд в) Бану-Джадзма и другие. Сила жителей Медины заключалась в их огороженных стенами постройках, воздвигнутых для защиты от неприятелей¹²².

Из этих рассказов видно, что иудеи главным образом делали историю Хиджаза, а это особенно важно при выяснении характера учения Корана. Возводить начало заселения Хиджаза к таким отдаленным временам, на которые указывают мусульманские предания, нет оснований, так как об этих предполагаемых населенных нет известий вполне достоверных. Если во время Соломона были известны жители Сабы на юге аравийского полуострова с их царицей, то каким образом о евреях Хиджаза, которые были ближе к Палестине, не сохранилось известий от того времени?

Приведенные в настоящей главе исторические известия, при всей их немногочисленности, указывают, что Аравия была всегда страной малодоступной для чужеземных народов, а это обстоятельство, без

сомнения, задерживало умственное, нравственное и социальное развитие ее обитателей. Ни древние азиатские завоеватели, ни греки, ни римляне, проникавшие в эту страну, не могли оставлять там следов своей культуры, которая только на юге полуострова, в счастливой Аравии, достигла некоторого развития, но была во всяком случае, непрочно и не обеспечивала дальнейшего прогресса, как это будет видно из следующих глав.

Древние обитатели Аравии

Самыми древними обитателями Аравии были две главные отрасли Ноева потомства – Симиты и Хамиты, иначе называемые Кушитами. Эти две отрасли, происходя от двух родных братьев, – Сима и Хама, – не могли существенно отличаться одна от другой, тем более, что в те отдаленные времена жизнь человека и сама по себе была несложна и близка к природе и не могла еще резко обособиться вследствие одинаковости духовных и физических потребностей. Нельзя поэтому согласиться с Ленорманом, утверждающим, что в отдаленной древности глубокие этнографические и лингвистические особенности разделяли народности, населявшие различные части обширной Аравии, и что несколько различных рас являлись там последовательно одна за другой, чтобы доставить населению полуострова элементы, между которыми смешение произошло очень поздно. Их дух, нравы, цивилизация, вследствие самой противоположности своей, по его словам, показывали будто бы, что эти народы не принадлежали к одной и той же крови¹²³. Скорее было на оборот: в начале заселения Аравии именно сходством крови отличались арабские племена, и в нравах этих племен не было заметно резких противоположностей. С течением времени, конечно, арабские племена обособлялись постепенно, но и тогда единство крови их не уничтожалось совершенно и не забывалось самими народами, как это подтверждается позднейшими арабскими преданиями. Ко времени Авраама и сына его Измаила, древние арабские племена не успели особенно много обособиться; иначе само смешение их, на которое указывают историки, не могло бы состояться и так прочно, органически, окрепнуть. В сущности, в древней Аравии происходили последовательные, но однородные наслоения, упоминаемые в Коране и подтверждаемые Библией, а совсем не столь различные, как говорит об этом Ленорман, основывающийся главным образом на Коссен-де-Персевале. В противном случае основателю ислама было бы невозможно столь быстро (в течение нескольких десятков лет) достигнуть политико-религиозного объединения Аравии, если бы население разных частей ее было несходно до глубоких этнографических и лингвистических отличий. В древние времена, как и в наш век, объединиться могут только однородные племена в обширном смысле слова, а разноплеменные народы или очень трудно поддаются объединению, или же вовсе не соединяются между собой. Примером могут служить наши разноплеменные инородцы. Поэтому-то и позднейшая

формула арабских наслоений: арабы первичные, вторичные и третичные выражается терминами одного корня: ариба, мутаарриба и мустарриба. Под первыми нужно разуметь первоначальных симитов, под вторыми симитов-иоктанидов¹²⁴, смешанных с хамитами, а под третьими измаилитов. В Коране нет и не могло быть такого деления; там обитатели Аравии просто делятся на древние поколения и новые поколения. К древним поколениям в Коране отнесены: Адяне, Тсямудяне, владельцы Расса, Айканцы, Маданитяне, народ Тоббы. Мухаммад обыкновенно заявлял, что все эти и многие другие древние поколения, жившие в Аравии, были истреблены Богом за их нечестие¹²⁵. В числе неупомянутых в Коране древних обитателей Аравии мусульманское предание называет еще два племени Тасм и Джадис, а Страбон¹²⁶ упоминает еще о Набатеях, Минаях, Герраях и др. Рассмотрим эти предания и рассказы.

Адяне¹²⁷ происходили, по преданию, от правнука Симова Ада сына Уца, сына Арама¹²⁸, и жили в песчаной долине «Ахкаф»¹²⁹ в южной Аравии, где имели укрепленное место Ирам (Коран гл. 89, ст. 6). По преданиям, сохранившимся у арабов, Ад имел двух сыновей: Шаддада и Шаддида, которые, по смерти отца своего, царствовали вместе; но, когда Шаддид умер, брат его Шаддад остался единовластным правителем. Услышав о небесном рае, он приказал устроить сад, в подражание райским садам, в пустыне Адена¹³⁰ и назвал его Ирамом по имени прадеда своего Арама. В этой местности адяне построили себе укрепления, подобных которым не было в той стране. На каждой возвышенности они строили затейливые жилища¹³¹ для своего развлечения и имели во всем изобилие – в садах, источниках, скоте и сыновьях – и гордились своим богатством и могуществом, говоря: «Кто превосходит нас силой?». Они не думали, что Бог, который сотворил их, превосходит их силой, и отвергли знамения Божии¹³².

По вере Адяне были многобожниками и поклонялись четырем божествам, которые ниспосылали им дождь и обеспечивали пищу, спасали от болезней и всякого бедствия. Чтобы обратить их на путь истинного богопочитания, Бог воздвиг среди них пророка Гуда¹³³, который говорил им: «Не убойтесь ли вы Бога? Действительно, я к вам верный посланник; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мне. Не прошу с вас за это никакой награды; награда мне только у Господа миров. Посмотрите, на каждой возвышенности вы строите какое-либо затейливое жилище для своей забавы; заводите себе великолепные здания, как-будто вы будете жить вечно; когда властвуете, – властвуете, употребляя насилие. Убойтесь же Бога и повинуйтесь мне. Убойтесь Того, кто вам дал обилие в том, что

знаете вы у себя: дал вам обилие в скоте, сыновьях, садах, источниках. Право, боюсь наказания, какое будет вам в великий день суда. – Они сказали: для нас все равно: увещевал ли бы ты нас, или не был бы увещевателем; это одни только вымыслы прежних людей. Наказаны мы никогда не будем! – Они почли пророка лжецом, и за то Мы погубили их»¹³⁴. В другом месте Корана пророк Гуд представляется говорящим своему народу так: «Народ мой! Поклоняйтесь Богу: кроме Его, у вас нет другого Бога: ужели вы не будете богобоязливы? – Старейшины неверных в народе его сказали: видим, что ты в безрассудстве, и думаем, что ты один из лжецов. – Он сказал: народ мой! Во мне нет безрассудства; но я посланник от Господа миров. Я передаю вам то, с чем послал меня Господь мой: я вам искренний советник. Ужели вам удивительно, что к вам от Господа вашего приходит учение через человека из среды вас, для того, чтобы он учил вас? Вспомните, что Он поставил вас наместниками после народа Ноева, дал вашему росту чрезвычайную величину. Потому, помните благодеяния Божии: может быть, – будете счастливы. – Они сказали: для того ли ты пришел к нам, чтобы мы поклонялись Богу, только Ему одному, и оставили тех, которым поклонялись отцы наши? Так представь же то, чем грозишь нам, если ты из числа правдивых. – Он сказал: скоро поразит вас гроза и казнь Господа вашего; будете ли спорить со мной об именах, какими наименовали их вы и отцы ваши? Бог не ниспослал свыше никакого подтверждения о них. Ждите; вместе с вами и я буду в числе ожидающих. И Мы¹³⁵ по милости нашей спасли Гуда и тех, которые были с ним, и истребили до последнего человека всех тех, которые считали наши знамения ложными и были неверующими»¹³⁶.

По преданию, адяне были наказаны трехлетней засухой и тогда послали избранных людей в Мекку, чтобы умолить божество о ниспослании дождя. Правитель Мекки столь гостеприимно принял пришельцев, что они забыли о главной цели своего путешествия, но, когда вспомнили и просили божество о дожде, перед ними появились три облака: красное, белое и черное. Они выбрали для своего народа черное облако, считая его дождевым, но из этого облака появилось страшная буря, которая всех адян истребила. В гл. 69, ст. 6–7 Корана говорится, что Адяне были уничтожены шумным, бурным ветром, который семь дней и восемь ночей непрерывно дул на них и истребил их: пораженные ураганом адяне лежали как стволы пальм, вырванных с корнем.

Эту – катастрофу Ленорман, основываясь на авторитете Коссен де-Персеваля, относит к концу 17 века до Р. Хр.¹³⁷ и задает вопрос: не следует ли под ураганом, истребившим адитов, подразумевать нашествие

иектанидских племен, которые принуждены были следовать по этому пути, чтобы вступить в Емен, и которые являются там в эпоху постигшей адитов катастрофы? По его соображению, около 18 века до нашей эры, иектаниды вошли в южную Аравию и к тому времени, когда была написана 10-я глава книги Бытия, они успели уже распространиться во всех частях Емена, Хадрамаута и Махры, где поселились среди кушитов, первобытных жителей страны. Без сомнения, их поселения не могло произойти без борьбы. Трудно думать, чтобы сабеяне кушитской крови спокойно позволили нахлынувшей волне чуждых пришельцев разделить с собой плодородные земли, единственными обладателями которых были они до тех пор. Чтобы найти историческую причину разрушения первого царства адитов, в действительности которого сомневаться невозможно, несмотря на баснословный характер обстоятельств, окружающих эти предания, Ф. Ленорман считает напрасным делом подыскивать факт, который мог бы быть применен сюда более подходящим образом, чем это вторжение иектаников, выступающее, кажется, весьма определенно, как эпоха. А нам кажется, что нет никакой надобности давать такое искусственное толкование катастрофе адитов, которая могла последовать от причин физических, и что нашествие иектанидских племен представляло собой факт самостоятельный. И вообще не представляется никакого основания считать адитов, вопреки Библии и Корану, потомками Хама от Куша, а не потомками Сима от Арама. Потомки Куша (Кушиты) могли поселиться в Емене независимо от адитов.

Тсямудяне¹³⁸, т. е. потомки Тсямуда, сына Еверова, сына Арама¹³⁹, сына Сима, сына Ноева, жили в долине Аль-Хиджр, лежащей между Хиджазом и Сирией¹⁴⁰, а у арабских географов известной под именем Ямамы. Это были своего рода троглодиты, которые высекали себе жилища в скалах, имели засеянные поля, пальмовые сады с фонтанами и жили в полнейшей безопасности (Коран, гл. 15, ст. 146–149). Для обращения их к истинному богопочитанию, Бог воздвиг из среды их пророка Салиха, потомка Тсямуда в шестом колене (по Байзави), отождествляемого с сыном Евера – Фалеком¹⁴¹. Салих увещевал Тсямудян оставить идолопоклонство и поклониться Богу единому. Он говорил: «не убоитесь ли вы Бога? Действительно, я к вам верный посланник; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мне. Не прошу у вас за это никакой награды; награда мне только у Господа миров. Смотрите, вы остаетесь здесь безопасными среди того, что тут есть: среди садов, источников, среди нив, пальм с густыми завязями плодов; в горных скалах высекаете себе дома, высказывая затейливость. Убойтесь же Бога и повинуйтесь мне. Не

повинуйтесь требованиям неумеренных, которые распространяют на земле зло и не делают добра. Они сказали: ты из таких, которые подверглись очарованию; ты только человек, как и мы. Представь нам какое-либо знамение, если ты правдив. Он сказал: им будет верблюдица: в известный день – ей пить, и в известный день – вам пить. Никакого вреда не делайте ей, чтобы вас за то не постигло наказание в великий день»¹⁴². Для подкрепления своей проповеди Салих вывел из каменной скалы верблюдицу, которая и напомнила Тсямудянам о могуществе единого истинного Бога и об истинности воздвигнутого среди них пророка (Салиха). Толковники Корана поясняют: «Когда Тсямудяне настояли на том, чтобы им было дано знамение, то пригласили Салиха на свое пиршество с тем, чтобы он призвал Бога своего, а они своих богов. Долго Тсямудяне зывали к своим идолам без всякого успеха, и князь их Кодаруль-Омар указал на камень и сказал Салиху, чтобы он вывел из этого камня верблюдицу беременную и торжественно обещал, что если Салих сделает это, то он, князь, и народ его уверуют в Бога. После того Салих обратился с молитвой к Богу, и вдруг камень начал двигаться и распался, выпустив из себя верблюдицу, которая также породила вдруг верблюдицу уже вздоенную, величиной с себя. Увидев это чудо, некоторые из жителей уверовали в пророка, но большая часть Тсямудян остались в своем неверии. О верблюдице толковники Корана рассказывают, что когда она выходила пить, то пила до тех пор, пока не оставалось воды в колодце или реке, и после этого позволяла доить себя столько, сколько угодно было народу. Некоторые говорят, что она ходила по городу и кричала: «кому надобно молока?». Несмотря на это, только немногие Тсамудяне приняли проповедь Салиха, а большинство, надеясь на свои жилища, укрепились в скалах, отвергли его и подрезали верблюдице жилы на ногах¹⁴³. По другому рассказу, эта необыкновенная верблюдица устрашала скот Тсямудян необычайным своим ростом и сгоняла животных с пастбища. Тогда одна богатая женщина Онизга Омм-Ганем, которая имела четырех дочерей, нарядила их, привела к Кодаруль-Омару и сказала, что он может взять любую из них, только бы убил верблюдицу. Кодаруль-Омар выбрал одну из представленных ему девиц и с помощью других восьми человек убил верблюдицу; затем погнался за молодым верблюдом, который побежал в горы, догнал его, убил и разделил его мясо между своими товарищами-охотниками. Третьи рассказывают, что верблюжонок не был убит, так как скала рассеялась и скрыла его. Через три дня Бог поразил Тсямудян казнью: страшная буря и землетрясение¹⁴⁴ среди дня разрушили их жилища, и неверующие были истреблены.

Ленорман сопоставляет имя Кодаруль-Омара, убившего верблюдицу, с упоминаемым в Библии Кодорлагомором, царем Эламским, но Кодорлагомор был современником Авраама¹⁴⁵, поразившим Хорреев в месте их жительства близ горы Сеир, на которой впоследствии жили потомки Исава, сына Сеира, бывшие старейшинами Хорреев¹⁴⁶. У Диодора (lib. 3, cap. 44) упоминаются Фамудены (Φαμουδῆνοι), которых должно отождествить с Тсямудянами Корана.

Асхабу-р-рас¹⁴⁷ или владельцы колодца, по толкованию, изложенному в «Рухуль баян», принадлежали к потомкам израильтян, жили прежде Соломона и были идолопоклонниками, чтившими сосну (Санабар), посаженную на берегу одного источника Иафетом, сыном Ноя. Из этого источника вытекала большая река, подобной которой не было в мире, а по берегам реки находились 12 городов. Жители этих городов разводили сосны из семян той сосны и поклонялись им. Царем у них был один из потомков Нимрода, сына Канана¹⁴⁸. Царь не позволял жителям пить воду из того источника, на берегу которого Иафетом была выращена первая сосна, потому что вода этого источника считалась Божией. По своему языческому обычаю, Асхабу-р-рас каждый месяц приходили на поклонение священному дереву, украшали его, приносили в жертву животных и мясо их бросали в разведенный костер. Когда дым от костра подымался кверху и закрывал небо, тогда Асхабу-р-рас падали на землю и обращались к священному дереву с молитвами, а из дерева шайтан провозглашал им: «я доволен вами, молитва ваша будет услышана». Тогда они снова делали поклонение и затем пили и веселились от радости, что божеству угодны их молитвы.

Прошло много лет. Асхабу-р-рас не отступали от своего идолопоклонства, и Бог послал к ним пророка из потомков Иуды, сына Иакова. По одному преданию, пророк этот назывался Шуаибом, а по другому преданию Ханзалья-бен-Сафван. Он жил прежде Моисея, и пригласил народ к вере в истинного Бога, но идолопоклонники не склонились к его проповеди; уверовали только немногие. Тогда, по молитве пророка, высох ручей, и священное дерево засохло. Идолопоклонники, уразумев, что их священное дерево погибло по молитве пророка, схватили его, бросили в колодец и завалили камнями, так что пророк умер в колодце. Тогда Бог сказал Ангелу Гавриилу: «Асхабу-р-рас не боится Меня и убили посланного к ним пророка. За это Я отомщу им». Был послан на неверующих горячий ветер, который согнал их в одно место, где земля была покрыта серой¹⁴⁹. Затем на небе появилось черное облако, из которого упал огонь на землю, воспламенил серу и все Асхабу-

р-рас погибли в этом пламени. По другому рассказу, Бог прежде истребления Асхабу-р-рас послал на них страшную птицу Анка¹⁵⁰, которая похищала и пожирала детей идолопоклонников. В отмщение за это идолопоклонники убили пророка и затем сами были истреблены Богом¹⁵¹.

Толковники Корана не указывают определенно места жительства Асхабу-р-рас: одни полагают, что Асхабу-р-рас жили близ Мадяна; другие думают, что колодец, в котором погиб пророк, находится близ Антиохии, а иные, наконец, предполагают, что они жили близ колодца, оставшегося после Тсямудян, на северо-западе Аравийского полуострова. Ленорман, на основании Ибн-Хальдуна, говорит, что под именем «Расс» была известна в Емене местность, населенная Гадурами, потомками Кахтана от Гидарама, которые были наказаны Богом за свое ослепление и жестокость: они предали смерти пророка Шуаиба, посланного Богом для уничтожения их идолопоклонства и для возвещения им истинной религии¹⁵². Но с этим замечанием нельзя согласить вышеприведенных толкований Корана, по которым «Асхабу-р-рас» имели царем одного из потомков Нимрода. Значит, они были Хамиты, а не Симиты, и жили они близ Мадяна, а не в Емене, в котором могла быть другая местность с тем же названием.

Мадянитяне жили в Каменистой Аравии, имели город Мадян или Мадьян и соответствуют библейским Мадянитянам¹⁵³. О них в Коране упоминается несколько раз¹⁵⁴. У Мадянитян жил несколько лет Моисей¹⁵⁵, а потом к ним был послан Богом пророк Шуаиб, происходивший из их племени. В «Рухуль-баян» Шуаиб считается внуком Авраама от сына его Мадьяна¹⁵⁶ и дочери Лота. Он говорил Мадянитянам: «Народ мой! Поклоняйтесь Богу; кроме Его для вас нет никого достойного поклонения. Не уменьшайте меры и веса. Я вижу, что вы в благосостоянии; но я боюсь, что в некоторый день охватит вас казнь. Народ мой! Соблюдайте верность в мере и весе; не делайте людям ущерба в имуществе их; не злодействуйте распространяя на земле нечестие. Немногое, оставленное вам Богом, лучше для вас, если вы верующие, а я не страж за вами. Они сказали: «Шуаиб! Не благочестие ли твое внушает тебе, чтобы мы оставили то, чему поклонялись отцы наши, и чтобы мы не поступали с нашим имуществом, как хотим? Да, ты кроток, правдив. – Он сказал: народ мой! Ты видишь: если я опираюсь на ясное указание Господа моего, и Он доставил мне от себя хороший достаток, то мне как не желать удержать вас от того, от чего Он вас уклоняет? Я желаю только исправления, сколько могу: помощь мне только от Бога; на Него надеюсь,

и к Нему с сокрушенным чувством обращаюсь. Народ мой! Мое разногласие да не послужит к увеличению виновности вашей, так чтобы постигло вас подобное тому, что постигло народ Ноев, народ Гудов, народ Салихов. Народ Лотов не далек от вас. Просите прощения у Господа вашего и с раскаянием обратитесь к Нему: потому что Господь мой милосерд, любящий. Они сказали: Шуаиб! Мы не понимаем многого из того, что говоришь ты, но мы видим, что ты между нами слаб; если бы не твоя семья... мы побиили бы тебя камнями. Ты для нас не дорог. Он сказал: народ мой! Семья ли моя для вас дороже Бога? А Его считаете таким, что бросить стоит назад себя, за спину? Господь мой обнимает своим ведением то, что делаете. Народ мой! Делайте по своему душевному настроению, и я буду делать... Скоро узнаете, кто тот, на кого придет казнь и кого посрамит она, и кто лжец. Ждите: вместе с вами и я буду ждать. И когда пришло от нас повеление, Мы по милости Нашей спасли Шуаиба и вместе с ним тех, которые уверовали. Буря схватила нечестивых, и на утро они в жилищах своих лежали ниц лицом, как-будто они никогда не обитали там. Смотри, сгинул Мадиам, как сгинул Фемуд»¹⁵⁷, (т. е. Тсямудяне, о которых сказано выше).

Кроме Маданитян, история которых гораздо обстоятельнее изложена в Библии, в Коране упоминается Айканцы, жители леса¹⁵⁸, которые также считали посланного к ним Богом пророка лжецом. Пророк Шуаиб сказал им: «не убойтесь ли вы Бога? Действительно, я к вам верный посланник; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мне. Не прошу с вас за это никакой награды; награда мне только у Господа миров. Меряйте правильно и не будьте обманщиками; вешайте весами верными, и не причиняйте убытка людям ни в чем, принадлежащем им. Не злодействуйте, распространяя по земле нечестие. Убойтесь Того, кто сотворил вас и все прежние поколения. Они сказали: ты один из таких, которые подвергаются очарованию; мы считаем тебя только лжецом. Вели упасть на нас какому-либо обломку от неба, если ты справедлив. Он сказал: Господь мой вполне знает, что делаете вы. Они почли его за обманщика, и за то казнь постигла их, когда появилось над ними черное облако. День казни их был страшным»¹⁵⁹.

Айканцы жили в лесной местности, на что указывает само слово «Айка», в арабском языке означающее лес, рощу. Местность эта находилась близ гор. Мадьяна. К Айканцам был послан пророк Шуаиб, который прежде того проповедовал Маданитянам и происходил из племени Маданитян, а для Айканцев он был иноплеменником. Значит, и сами Айканцы не были родственны Маданитянам. Шуаиб увещевал Айканцев принять истинную веру и отстать от своих злоупотреблений в

торговле – обмеривания и обвешивания, но Айканцы не только не исправились, но еще больше ожесточились и стали более прежнего допускать обман в торговле. Тогда Бог послал на них сильный зной, который продолжался семь дней и ночей; в колодцах и ручьях вода иссякла и самим жителям было трудно переносить этот зной. Они сначала укрывались от зноя в домах, а потом под тенью деревьев и, наконец, вышли в степь и, увидев на небе черное облако, под его тенью почувствовали прохладу. Обрадовавшись они начали звать друг друга и сбегались под тень этого облака; но, когда они все собрались, из облака ниспал огонь, и они все изжарились, подобно саранче, положенной в котел с маслом¹⁶⁰. Принимая во внимание местожительство Айканцев и занятия их торговлей, можно под ними разуметь древних Набатеев (см. ниже), так как само название Набатеев происходит от арабского существительного набат – растительность, как и айка значит в арабском языке лесистое место, рощу.

Под народом Тоббы (Тубба), упоминаемым в Коране¹⁶¹, должно разуметь жителей Емена, подданных царей – Химьяритов, происходивших от Кахтана (Иоктана), сына Еверова, первого царя Еменского. Реклю, на основании археолог. открытий Пинтена, полагает что наиболее древним властителем Емена был Хамурабби, который, будучи Химьяритского происхождения, завоевал Вавилон во времена Еламитского царя Кадар-Лаомера, современника Авраама, и прославился потом своими законами (Человек и Земля, том 2, стр. 122. Ср. Быт. 14). Пятнадцатый царь Емена Аль-Харис, сын Зу-Садада, первый принял титул Тоббы, соответствующий латинскому цезарь, персидскому кисра. Носившие этот титул цари Еменские владели Хадрамаутом, Сабой и Химьяром и наследовали один другому, а потому носили титул Тоббы, подобно тому, как преемники Мухаммеда назывались Халифами. В «Рухуль-баяне» замечено, что в Коране упомянут народ Тоббы, а не сам Тобба, и это потому, что царь (Тобба) Асад-Химьяр был христианин, а подданные его были язычники и поклонялись огню, за что и погибли. В примечании Сейля к переводу Корана говорится, что в Коране в приведенном месте разумеется живший за 700 лет до Мухаммада Абу-Кариб-Асад, который принял иудейство и распространил его в Емене, за что и был убит своими подданными¹⁶². Очевидно, Мухаммед не знал хорошо истории южно-аравийских племен и потому ограничился простым упоминанием о народе Тоббы.

Кроме перечисленных в Коране древних племен, обитавших в Аравии, у арабских писателей встречаются сведения еще о племенах Тасм и Джадис. У Табари и Пококка говорится о них следующее: Тасмиты (по

Абульфедде) были потомками Луда, сына Симова, а Джадисы – потомками Евера, внука Симова¹⁶³. Оба эти племени жили в Аравии совместно и мирно, причем главенство принадлежало Тасмитам. Амлюк, захватив власть, стал делать насилия Джадисам: девицы Тасмитов, выдаваемые в замужество за Джадисов, должны были поступать в распоряжение Амлюка (*jus primaе noctis*). Такое насилие раздражало Джадисов, и они, по совету Асад-бен-Афвана, условились пригласить на пир к себе царя Амлюка и знатнейших Тасмитов и перебить их заранее приготовленными и скрытыми мечами. Так Джадисы и сделали – избили большую часть Тасмитов. Оставшиеся в живых Тасмиты обратились с жалобой к Еменскому царю (Тобба) и просили его отомстить Джадисам. Еменский царь послал войско, и племя Джадис было истреблено. Таким образом оба племени были истреблены в междоусобицах, а затем и сама память о племенах Тасма и Джадиса почти исчезла¹⁶⁴. У Табари передаются следующие подробности: некто Рабах донес египетскому царю об избиении Тасмитов Джадисами. Когда египетский царь решил послать войско для наказания Джадисов, Рабах сказал: «среди них есть у меня родственница – девица по имени Азрука Ямами, которая обладает столь острым зрением, что может различать предметы на расстоянии трех дней пути. Если она заметит приближающееся войско, то предупредит Джадисов, и они разбегутся и избегнут твоего мщенья». Царь спросил: что нужно сделать в предупреждение этого? Рабах посоветовал царю, чтобы его воины взяли в руки большие ветви и двигались бы по степи, держа ветви перед собой: тогда Азрука не будет в состоянии рассмотреть воинов за движущимися деревьями. Царь сделал так, как советовал Рабах. – Когда войско стало приближаться к Джадисам, Азрука издали заметила их и сказала: «вижу много деревьев, которые движутся, как люди» ... Через несколько времени Азрука снова посмотрела с возвышения по направлению к двигающимся предметам и рассмотрела, что за движущимися деревьями идут воины, которые едят на ходу, отрывая зубами мясо от костей. Джадисы не поверили ей и никаких предосторожностей не предприняли против нападения. Между тем войско пришло и всех Джадисов истребили, а девицу Азруку доставили к царю. Царь спросил ее: отчего у тебя такое сильное зрение? Она сказала: от того, что я каждую ночь намазываю свои глаза сурьмой. Царь приказал сначала выколоть ей глаза, а потом убить, что и было исполнено».

Вследствие баснословного характера, сохранившегося о Джадисах предания, у арабов вошло в обычай называть «сказками Джадиса» всякий невероятный рассказ¹⁶⁵.

Изложенные арабские предания о древних обитателях Аравии очень мало уясняют древнюю историю этой страны и последующие события. Какое влияние имели Адяне, Тсямудяне, обитатели Расс и Айка на умственный, нравственный и экономический прогресс жителей обособленного географически полуострова, – судить об этом на основании рассказов Корана трудно. Одно можно сказать, что почти все эти народы жили близкой к природе жизнью и в полной зависимости от окружающей их местности, были мало развиты умственно и нравственно и почти ничего не могли оставить в наследие последующим поколениям, кроме смутных, а иногда и баснословных о себе воспоминаний. И сам проповедник новой религии (уммий), пересказывая наивные предания арабов, не мог осмыслить их, а говорил только, что все древние обитатели Аравии погибли за свое нечестие и за то, что не внимали проповеди посланных к ним пророков: Гуда, Салиха, Шуаиба и Ханзяля. Неопределенность этих преданий и однообразие их до последней степени утомительны, так как повторяются почти в одних и тех же выражениях (см. Коран. гл. 26, ст. 123–189).

В дополнение к Корану, мы находим несколько сведений о древних обитателях Аравии в Библии и у Страбона. В Библии упоминаются Набатеи¹⁶⁶, потомки Набаиота, старшего сына Измаилова (Быт 25:13), как об этом говорит Флавий¹⁶⁷. Они жили в Каменистой Аравии и были известны грекам и римлянам. По Страбону, Набатеи занимались частью земледелием, частью скотоводством, а также садоводством и торговлей¹⁶⁸. Было, много у них пастбищ, на которых паслись белорунные овцы; быки их отличались крупным размером; недостаток в лошадях пополнялся верблюдами, на которых хозяева работали. Со своими стадами Набатеи кочевали от Аравийского залива до Евфрата, а с другой стороны, до Сирии и принимали участие в южно-аравийской торговле, так как главный город их Петра, лежавший на древнем караванном пути, служил передаточным пунктом для товаров, направляемых в Сирию и Палестину. Город Петра (тоже Села) был расположен на равнине, окруженной скалами¹⁶⁹, давшими ему имя (пётра скала) и снабжавшими равнину ключевой водой, необходимой для жителей, садов и полей.

Поэтому Набатейя была хорошо заселена и многолюдна. Жители ее в прежнее время занимали и соседние острова, но были изгнаны оттуда египтянами за грабежи, какие позволяли себе в отношении египтян. Набатеи были язычники и сохраняли свою независимость до 105 г. по Р. Хр. Римский полководец Трояна, Корнелий Пальма взял столичный город их Петру¹⁷⁰ и тем положил конец их царству.

Афинодор видел в Петре много римлян и других иностранцев, которые тем отличались от туземцев, что вели частые тяжбы между собой, тогда как туземцы жили в совершенном согласии и жалоб друг на друга не допускали. Но к иностранцам Nabatei относились недружелюбно и склонны были вероломно обманывать их, как это показал правитель их Силлай, наместник царя Обода, во время похода Элия Галла (см. выше гл. 2). В числе хороших качеств Nabateev Страбон упоминает о их воздержности, хотя и это само по себе хорошее качество поддерживалось среди них страхом публичного наказания и надеждой на награду за увеличения имущества. Рабов у них было не много и потому в услужении состояли большей частью родственники (разумеется – бедняки). За неимением родственников – помощников в работах, Nabatei помогали друг другу, или все делали сами. Такой патриархальный обычай простирался даже на царей. У Nabateev было в обычае устраивать общественные обеды, группами по тринадцати человек, причем на каждой пирушке были два музыканта. Обычай этот тем более заслуживает нашего внимания, что такой же точно обычай до сих пор поддерживается среди туркестанских сартов, которые по очереди устраивают (после уборки хлеба, когда поспевают фрукты, до времени новых полевых работ) собрания знакомых, группами в 9 и более человек и проводят время во беседах, угощениях и других забавах, смотря по возрасту, образованию и общественному положению. Такие собрания называются у сартов гап (беседа, а сам кружок – джура т. е. общество, компания. Царь Nabateev устраивал в своем обширном дворце частые и продолжительные попойки и до такой степени был близок к народу, что не только обходился во время пира без прислуги, но и оказывал взаимные услуги прочим гостям. Часто он давал отчет перед народом в своих действиях, а иногда и сам образ жизни его подвергался исследованию. – Жилища Nabateev устраивались из камня, но города не были укреплены стенами, вследствие мирных отношений с соседними народами. Одеждой у мужчин служил простой фартук, а обувью туфли (сандалии). Даже цари ходили в туфлях. На мертвые тела они смотрели, как на навоз, и даже царей хоронили подле навозных куч. Поклонялись солнцу, в честь которого воздвигался на доме алтарь; на этом алтаре ежедневно совершались возлияния и дымился ладан. Товары у Nabateev были только привозные, именно: медь, железо, пурпур, стиракс, шафран, белая корица, предметы резной работы, картины и статуи; золото серебро и большая часть ароматов добывались на месте¹⁷¹.

Христианский писатель 3 века, Бл. Иероним, в житии св. Илариона

упоминает, что Петрейские арабы (Набатеи) поклоняются Венере, под видом утренней звезды, в особом храме, в который собирались в дни торжеств. Современник Иеронима, Нил Синайский записал, что эти арабы не признают Бога, не представляют Его духовно, а молятся утренней звезде и приносят ей в жертву, когда она восходит, лучшую часть из своей добычи, – преимущественно благообразных и здоровых юношей, которых закалывают на особо сложенных для того камнях. Когда такой жертвы они принести не могут, то кладут на камни белого и непорочного верблюда, трижды обходят его кругом, с пением в честь утренней звезды, и затем закалывают его своими мечами, пьют его кровь, а затем режут на куски и съедают, так что при захождении утренней звезды от жертвы уже ничего не остается¹⁷². Итальянский полемик 7 в. Антонин упоминает, что арабы при-синайские поклонялись мраморному идолу.

Прозоровский, на основании исторических и нумизматических данных¹⁷³, перечислил 12 царей набатейских и выяснил, к кому из них относятся указания св. книги Маккавеев и послания ап. Павла к Коринфянам (2 Коринф. 11:32). В виду новости этого вопроса и непосредственного отношения его к предмету нашего исследования приводим выдержку из статьи г. Прозоровского:

1) Около 166 г. Р. Хр. у Набатеев был царем Арета, во владениях которого скитался изгнанный иудейский первосвященник Иасон или Иисус¹⁷⁴.

2) После него упоминается Малх. На его попечении Александр оставил своего сына Антиоха, которого он впоследствии выдал Трифону, по усиленным убеждениям последнего. В 1 Маккав. кн. (11:39) царь этот именуется Емалкуем.

3) Царю Завдиилу. по 1 Маккав. кн. (11:17), называемому у И. Флавия¹⁷⁵ Завилом, приписывают убийство Александра Бала, бежавшего к нему после несчастного сражения с Птоломеем Филометором и Димитрием Никатором в 144 году до Р. Хр. Диодор Сицилийский (кн. 32) смешал царей Малха и Завдиила, которые царствовали в одно время, но в разных местах.

4) Почти за 100 лет до Р. Хр. царь Овед поразил иудейского царя Александра Яннея, устроив ему засаду близ Гадары¹⁷⁶. Иосиф Флавий называет этого царя Оводиём, а город Гавланией¹⁷⁷.

5) Царь Зиз вместе с Парфянами был призван в помощь верийским тираном Стратоном, вооружившимся против Димитрия Евкера, царствовавшего в 95 году до Р. Хр. По предположению г. Прозоровского, Александр Янней, иудейский царь, отдал Зизу землю, завоеванную у

Моавитов и Галадитов¹⁷⁸.

6) Царь Арета обещал городу Газе помощь, когда Александр Яней напал на этот город; но Арета не поспел на помощь вовремя. Вскоре, после этого, в 85 г. до Р. Хр., Арета был призван в Дамаск на царство.

7) К царю Арете, владевшему Петрой, бежал иудейский первосвященник Гиркан, подговоренный Антипатром. Арета согласился вспомоществовать Гиркану в возвращении престола, занятого Аристовулом, а беглецы обещали за то возвратить Аристовулу отнятую ими прежде у арабов область с двенадцатью городами. Арета пошел на Аристовулу с 50 000 войска и, одержав победу, осадил Иерусалим, но Аристовул освободился от засады при содействии Помпеева полководца Скавра, а потом и сам напал на Арету, разбил его при местечке Папироне. Помпей шел уже войной на Набатеев, как вдруг, недовольный Аристовулом, обратился на него, взял Иерусалим и ушел в Киликию, оставив для дальнейших предприятий Скавра, который в 62 году перед Р. Хр., хотя и подступил к набатейской столице Петре, но не мог взять ее, а успел только убедить Арету откупиться от опустошения его владений 300 талантами. Потом другой римский полководец Габиний победил Набатеев. Г. Прозоровский полагает, что у И. Флавия разумеется этот самый Арета под названием царя аравийского, с которым подружился Антипатр, женатый на идумеянке из знатной арабской фамилии и имевший от нее, в числе других детей – Ирода, в последствии царя иудейского, прозванного Великим. Может быть, по родству, Антипатр вверил Арете своих детей, когда вел войну с Аристовулом¹⁷⁹.

8) Царь Малх состоял в дружбе с Иродом, когда последний не был еще царем. Удаляясь от Антигона, Ирод хотел искать убежища у Малха, в Петре, но тот его не принял, и Ирод отправился в Египет. Хотя Малх и раскаялся в своем поступке, но уже не мог догнать Ирода, чтобы поправить свой промах. Сношения Малха с Гирканом были причиной, по которой Ирод велел казнить последнего¹⁸⁰. И. Флавий называет этого Малха Малихом и описывает войну, веденную с ним Иродом, по повелению Антония. Около Диосполя Ирод одержал победу над аравитянами, а при Кенафе был сам разбит, за что отплатил победой при Филадельфии, где аравитянами предводительствовал Ельфем. По словам И. Флавия¹⁸¹, Клеопатра побуждала Антония погубить Ирода и Малха, из которых последний действительно и погиб.

9) Царь Овод (Обод), бесхарактерный правитель Набатеев, находившийся под влиянием своего любимца Силлая¹⁸², приезжавшего к Ироду, который через этого вельможу ссудил Оводу в долг 60 талантов. За

неплатеж этих денег и за невыдачу разбойников, Ирод начал войну с Оводом, взял и разрушил крепость Раепту и разбил аравийского полководца Нацеба. Так как Силлей, бывший тогда в Риме, пожаловался на Ирода Кесарю, то последний наложил опалу на иудейского царя.

10) Царь Арета, сын Овода¹⁸³, был назван так при воцарении, по смерти своего отца, а до того времени носил имя Енея. Он обвинял Силлея в умерщвлении ядом Овода и в убийстве многих знатных людей города Петры. И так как Арета принял власть без Кесарева разрешения, то Кесарь объявил ему за то свой гнев, но потом утвердил его на царстве. Арета был во вражде с великим Иродом из ненависти к которому сделался другом Римлян. Когда, по смерти Ирода, произошло в Иерусалиме возмущение, для усмирения которого спешил в Иудею сирийский правитель Вар с легионами, то Арета дал ему в помощь значительное войско. На дочери этого Ареты был женат тетрарх Ирод Антипа. Когда он вступил в связь с женой своего брата Филиппа, Иродиадой, умертвившей Иоанна Крестителя, то жена Ирода удалилась к своему отцу, и между Аретой и Иродом возникла из-за этого вражда. Враги воспользовались первой причиной к войне, и когда полководцы Ареты совершенно разбили войско Ирода, то Ирод жаловался на Арету Тиверию. Тиверий приказал сирийскому проконсулу Вителию объявить войну царю Набатеев, но предпринятый Вителием поход к Петре не состоялся по случаю смерти Тиверия¹⁸⁴. По всей вероятности, об этом Арете упоминает св. апостол Павел¹⁸⁵.

11) Авия, по приглашению Адиавинян, недовольных своим царем Изатом за принятие им иудейского закона, напал на Адиавину и, будучи разбит Изатом, умертвил сам себя, чтобы не отдаться в плен¹⁸⁶. Это происходило уже в царствовании Клавдия (41–51 гг. по Р. Хр.).

В южной части Аравийского полуострова Страбон помещает: Минаев подле Красного моря, с городом Карной¹⁸⁷ или Карнаной; Сабаев с главным городом Мариабой¹⁸⁸, Каттабанов с главным городом Тамной в юго-западном углу полуострова; Хатрамотитов, живших к востоку от Катабанов и имевших город Сабат¹⁸⁹ и Герраев с гор. Геррой¹⁹⁰. Каждая область занимала пространство, больше египетской дельты. Города управлялись монархически, находились в цветущем состоянии и роскошно украшались храмами и царскими дворцами. Дома жителей своей постройкой напоминали египетские дома. Царская власть наследовалась не сыном от отца, но первым родившимся в каком-либо знатном роде после назначения царя. Поэтому, лишь только царь вступал на престол, беременные жены знатных мужей записывались, и к ним для наблюдения

приставлялась стража; мальчика, прежде всех родившегося от какой-либо из этих женщин, принимали, согласно закону, и воспитывали по-царски, как наследника престола.

Каттабания производила ладан, а Хатрамотида (Хазрамаут) смирну. Эти благовония продавались купцами в обмен; купцы прибывали к ним из Айланы¹⁹¹ в Минаю семидесятидневным путем, а Герраи приходили в Хатрамотиду в сорок дней.

Область Сабаев¹⁹² Страбон называет благодатнейшей и многолюднейшей. Там произрастали смирна, ладан и корица, а на берегу бальзам и другое растение, очень душистое, но быстро теряющее запах. Тут были также душистые пальмы и тростник. Вследствие излишка плодов, население было лениво и в образе жизни легкомысленно. Простой народ спал на срезанных сучьях деревьев. Что касается торговли, то обыкновенно товары продавались ближайшим соседям, которые передавали их следующим за ними жителям и так далее до Сирии и Месопотамии. Теряя сознание от благовоний, Сабеи удаляли беспамятство курением асфальта и козлотородника. Город Сабеев, Мариаба (позд. Магреб), был расположен на покрытой деревьями горе. В нем жил царь. Цари Савские упоминаются в псалмах Давида (Пс. 71:10), а во времена Соломона у Сабеев была царица (3Цар. 10:1–10), разрешавшие тяжбы и другие дела. Выходить из царского замка не дозволялось; в противном случае, лицо, согласно изречению оракула, немедленно подвергалось побиению камнями народной толпой. Царь и окружающие его проводили жизнь в женских наслаждениях. Народ занимался или обработкой земли, или торговлей благовониями, как с туземцами, так и с лицами, приезжавшими из Эфиопии, к которым Сабеи переплывали в кожаных лодках через проливы. У Сабеев было такое изобилие благовоний, что в качестве прутьев для поджигания какого-либо дерева они употребляли киннамом, кассию и другие благовонные растения. В их стране произрастал также ларимн, благовоннейшая курительная трава. Благодаря торговле, Сабеи и Герраи были очень богаты, владели большим количеством золотых и серебряных предметов, как например, диванов, треножников, чаш и стаканов; дома их отличались роскошным убранством: двери, стены, потолки были украшены слоновой костью, золотом, серебром и драгоценными камнями¹⁹³.

Герраев Страбон считает халдеями, изгнанными из Вавилона. Они вели сухопутную торговлю арабскими товарами и благовониями, но Аристобул утверждает, что Герраи сплавляли свои товары в Вавилон на плотах, спускаясь по Ефрату до Фапсака, а потом развозили свои товары в

разные страны сухим путем¹⁹⁴. Главный город Герраев – Герра находился против острова Бахрейна в Персидском заливе. В этом «городе страдания и скитания» купцы встречались с химьяритскими купцами¹⁹⁵.

У Шпрунера в атласе показаны еще несколько племен, обитавших в южной Аравии перед Р. Хр., как напр., Джобариты, Сахалиты, Катаниты (Кахтаниты = Иектаниты) и др., а в северо-восточной Аравии – Измаилиты.

По Библии и араб. преданиям, арабы-измаилиты происходили от Измаила, сына Авраама. Авраам удалил от себя Агарь, когда она стала кичиться перед бездетной Саррой сыном своим Измаилом¹⁹⁶. «Авраам встал рано утром, – рассказывает в Библии, – и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее. Она пошла, и заблудилась в пустыне Вирсавии. И не стало воды в мехе, и она оставила отрока под одним кустом. И пошла, села вдаль, в расстоянии на один выстрел из лука. Ибо она сказала: не хочу видеть смерти отрока. И она села против, подняла вопль и плакала. И услышал Бог голос отрока; и Ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей: что с тобой Агарь? Не бойся: Бог услышал голос отрока оттуда, где он находится. Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ. И Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водой, и пошла, наполнила мех водой и напоила отрока. И Бог был с отроком; и он вырос, стал жить в пустыне и сделался стрелком из лука. Он жил в пустыне Фаран; и мать его взяла ему жену из земли Египетской»¹⁹⁷. В арабских преданиях об удалении Агари из дома Авраамова рассказывается так: «на Авраамовом челе находился свет Мухаммеда. Этот свет Авраам обещал Сарре: пусть-де он будет у сына, тобой рожденного. Но Сарра наконец состарилась, – ей было уже 90 лет, а детей она не рождала; у нее не было ни дочерей, ни сыновей. И вот она сама предложила Аврааму рабыню свою, Агарь. Когда Агарь зачала во чреве, свет Мухаммеда направился с чела Авраама в утробу Агари Сарра увидела, что свет уходит с Авраамова чела и сильно разгневалась на Авраама из зависти к Агари. Досадуя на Авраама, Сарра схватила пророка за ворот его одежды. Тогда явился Гавриил и сказал: Авраам! Скажи Сарре, пусть она потерпит. Авраам исполнил совет небожителя, но Сарра отвечала: как же я стану терпеть! 80 лет назад, Авраам обещал этот свет мне, а теперь он оказывается у моей рабыни. Сарра поклялась обезобразить Агарь так, чтобы она не нравилась Аврааму, и хотела было сначала отрезать у нее нос и ухо, но Агарь закричала, а на крик ее явился Гавриил и сказал Аврааму: скажи Сарре, чтобы она не делала насилия Агари, потому что Бог всевышний не терпит

делающих насилие. Сарра говорила в свою очередь: каким образом я, поклявшись, не исполню клятвы? Тогда Гавриил указал Сарре, как ей обезобразить Агарь. Сарра исполнила совет Гавриила и проговорила с радостью: «теперь я изуродовала ее; Аврааму она уже не полюбится». Но когда Гавриил принес из рая серьги и вложил их в уши Агари, то ее красота увеличилась и, хотя она была обрезана, а все-таки Аврааму нравилась¹⁹⁸. Сарра, наконец, не вытерпела и настояла, чтобы Авраам удалил Агарь в пустыню, что между Меккой и Иерусалимом, где она родила вскоре сына, на лбу которого появился свет Мухаммеда.

В пустыне у Агари не достало воды. Она завернула сына в одежды, положила его на землю, а сама пошла искать источник. От холма Сафа (около Мекки) она услышала голос: вот вода! И от холма Мярва (около Каабы) она услышала то же. Тогда она отправилась сначала по направлению к Сафе, но воды не нашла; потом пошла к Мярве и также не нашла воды. Семь раз прошла она между этими двумя холмами, как делают это современные мухаммедане, путешествующие на поклонение Каабе, но воды все-таки не находила. В своих поисках она, наконец, обессилела и потому воскликнула: «истамиг, я ил, ил», т. е. вонми (мне), Господи, Господи! Отсюда произошло и имя Измаила. Когда Агарь услышала плач Измаила, то поспешила к нему и увидела, что он перевернулся, лежит лицом к земле, и ботает по ней ногами. Гавриил вывел из этого места воду, и по определению Бога всевышнего, это стал колодец Замзам»¹⁹⁹.

Когда Измаил вырос, то взял себе жену из рода Амаликов²⁰⁰, занимался скотоводством и охотой в окрестностях Замзама. Авраам время от времени навещал Измаила. Так, через год после женитьбы Измаила, Авраам приехал верхом повидаться с сыном и познакомиться с его женой. Между тем Сарра взяла обещание с Авраама, что он не сойдет со своего седла, когда приедет к Измаилу. Авраам обещал. И когда подъехал к шатру Измаила, то постучал. У входа в шатер показалась жена Измаила. Авраам спросил ее: «кто ты?» – Она ответила: «я жена Измаила». – Где же Измаил? спросил Авраам. – «Он на охоте», отвечала она. – «Я не могу сойти с седла. Нет ли у тебя чего-нибудь поесть мне?» спросил Авраам. – «Нет у меня ничего; эта страна пустынная», отвечала жена Измаила. Авраам же спросил поесть только за тем, чтобы испытать жену своего сына – «Так я уезжаю» – сказал он ей. Когда возвратится твой муж, опиши ему мои черты и скажи, что я советую ему переменить порог его двери (шатра). «Когда Измаил вернулся, жена его описала ему черты незнакомца и передала его слова. Измаил узнал путешественника и, поняв

таинственный смысл его совета, немедленно же развелся с женой. Вскоре за тем и Амалики удалились от этой местности, а с юга прикочевало другое племя из потомков Иоктана или Кохтана²⁰¹. Тогда Измаил женился на дочери Модада, предводителя колена Джорхамова родоначальник которого Джорхам был сын Кохтана²⁰². Немного спустя, Авраам опять навестил Измаила, обещав Сарре и на этот раз не сходить со своего седла. На стук его у шатра Измаила, к нему вышла женщина высокого роста и доброй, приветливой наружности. – «Кто ты такая?» спросил ее Авраам. – «Я жена Измаила», ответила она. – Где же Измаил?» сказал Авраам. – «Он на охоте», отвечала она. Тогда Авраам, желая также испытать и эту жену своего сына, сказал: «не дашь ли ты мне поесть чего-нибудь?» – «Да» – ответила жена Измаила и, войдя в шатер, принесла оттуда молока, вареного мяса, фиников и сказала Аврааму; «извини нас, – хлеба у нас нет». Авраам благословил предложенную ему пищу, поел немного и сказал: «да умножит для вас Господь эти произведения в сей стране!». Тогда жена Измаила сказала Аврааму: «сойди с седла, чтобы я (по обычаю арабского гостеприимства) могла обмыть твою голову и бороду». Авраам сказал: «я не могу сойти». Но оставив одну ногу на седле, другую он поставил на камень и наклонился к невестке, которая смыла с его лица и бороды покрывавшую их пыль. Уезжая, Авраам сказал жене своего сына: «когда вернется Измаил, опиши ему мое лицо и скажи от меня что порог его двери (шатра) равно добр и прекрасен». По возвращении Измаила, жена его рассказала о случившемся. Измаил ответил ей: «человек которого ты видела, это мой отец, а порог моей двери (моего) шатра – это ты сама. Отец велит мне держать тебя»²⁰³.

Потомки Измаила населяли северные части Аравийского полуострова и отличались от южных арабов, происходивших от Иоктана и известных поэтому под именем Иоктанидов. Первые, т. е. Измаилиты, были кочевники по преимуществу и назывались «бедуинами», а вторые – жили в городах и уже задолго до Р. Хр. достигли известного благосостояния, благодаря своей торговле, как видно из истории Соломона и царицы Савской. Но когда они (уже после Р. Хр.) вынуждены были выселиться на север Аравии, то долгое время находились во враждебных отношениях с Измаилитами, пока, наконец, под влиянием местности, сами мало-по-малу склонились к кочевому образу жизни. Словом, ко времени появления ислама в Аравии, чистого, несмешанного населения в стране едва ли можно было бы найти, особенно в виду давнишних поселений евреев в Аравии. Поэтому позднейшие мусульманские стремления доказывать чистоту арабского народа в смысле этнографическом могут иметь

значение только для мусульман. Но во всяком случае происходившие смешения между древними арабскими населенными не искажали коренного семитического типа, и он сохранился в Аравии в большей степени, чем в других странах. Население это в эпоху основателя ислама распадалось на много отдельных поколений, управляемых своими старейшинами (шейхами). Из этих поколений у толковников Корана названы: Асадиты, Аслам, Бекриты, Гавазины, Хамадан, Гассаниды, Гатафан, Гамириты, Гыфар, Худзайль, Джухайна, Кяльб, Кянан, Кянда, Лахм, Мадзхидж, Мисам, Мурад, Мудладж, Музайна, Суляймиты, Сякиф, Тай, Тамим, Физаря, Хузага, Хунайфиты и Ярбугиты, а самым почетным поколением считались Корейшиты, как главные распорядители в Мекке. Задолго до Мухаммада спорили с Корейшитами из-за власти Хузаиты, предводителем которых был Амр Ибн-Лохай. Но корейшит Зейд, прозванный Косаем, путем хитрости (подпоил Хузаита Абу-Губшана) вернул себе право распоряжения ключами Каабы и после упорной борьбы выгнал из Мекки Хузаитов, возвратил своих единоплеменников Корейшитов в Мекку и восстановил их прежнее положение в городе. Он устроил «дом собрания», куда сходились под его главенством старейшины племени на совещания по общественным делам. В этом доме хранилось и военное знамя их (лива). Обложив Корейшитов данью, Кусай распределял собираемые суммы на прокормление чужестранных богомольцев. Им же были установлены почетные общественные должности: а) рифада – распоряжение общественными суммами, б) кияда – предводительство на войне, в) сикая – заведывание колодцами и распределение воды между горожанами и богомольцами (должность особенно важная в Мекке при отсутствии рек и дождей в стране), г) хиджаба – наблюдение за Каабой и д) иджаза – руководство во время религиозных церемоний в городе и право отпускать богомольцев по домам, по окончании хаджа. Две из этих должностей – сикая и рифада Косай закрепил за родом Абд-Манафа и именно за домом Хашима, который считается прадедом Мухаммада. Предки Мухаммеда считаются в таком порядке; Косай, Абд-Манаф, Хашим, Абдуль-Мутталиб, Абдалла, отец основателя ислама. Новейший историк ислама А. Мюллер²⁰⁴ сомневается в истинности этой генеалогии, но можно одинаково критиковать и сомнение историка, так как проверять приводимые мусульманскими писателями и г. Мюллером данные одинаково нет возможности, и суть дела от этой генеалогии не страдает. Гораздо важнее установление того факта, что южные арабы, переселившиеся в Мекку, сроднились с коренными жителями города около 400 лет по Р. Хр. или около 170–200 лет (приблизительно) до рождения

Мухаммада.

Что же представляет собой история древних народов, населявших Аравию? В смысле культурно-историческом, Аравия немного унаследовала от этих народов для своего дальнейшего развития. О северно-арабских племенах не может быть в этом случае особой речи уже потому, что они были большей частью кочевники и полуоседлы, и сами предания о них крайне скудны и однообразны, а южно-арабские населения в свою очередь не выработали и не оставили после себя особенно заметных исторических следов: их богатства, их постройки, их образованность не удивляют нас в такой степени, как культура египтян, которой южно-арабские народы следовали. Автор известного сочинения «Внешний быт народов» Герман Вейс, на основании Страбона (16) и Диодора (3:47), говорит, что в южной Аравии было не мало городов с богатыми храмами и роскошными дворцами. Диодор (3:45) упоминает, сверх того, о трех храмах, лежавших на возвышении на юго-западном берегу полуострова; а Плиний (6:23,28; 12:14,15) насчитывает не менее шестидесяти храмов в Саввате (Сабот), главном городе Хатрамотитов, и шестьдесят пять храмов в столице Катабанов²⁰⁵. Об архитектуре этих зданий ни один из названных писателей не дает никаких положительных указаний, а потому и сообщаемые ими известия Вейс считает мало достоверными, как и все вообще рассказы о «несметных» богатствах южно-аравийских народов. Поэтому можно считать более вероятным предположение Вейса, что большая часть древнеаравийских храмов были такой же простой архитектуры, как и знаменитый храм Минеев в Макорабе (позд. Мекка), в первоначальном его виде, т. е. в виде простого четырехугольного каменного здания (Кааба), в котором хранился почитаемый и до сих пор мусульманами «черный камень». Такова была форма этого храма даже при Мухаммеде, и таковы же были, без сомнения, и древние южно-аравийские храмы. Так как для поклонения и жертвоприношения древними арабами выбирались преимущественно вершины гор, то и храмы они строили, вероятно, на местах возвышенных. Идолы, которых, по преданию, Мухаммед разрушил более трехсот в одной только Мекке, были, может быть, в роде тех камней с высеченным на них подобием человеческого лица, которым молились некоторые арабские племена и какие находятся в настоящее время в некоторых местах Туркестанского края, т. е. так называемые каменные бабы. К более замечательным остаткам древнеаравийской архитектуры принадлежат недавно открытые развалины в Мезенате, Макалле, Маребе и Накабе, которые были построены искусными каменщиками; но архитектура их не

изящна и своей массивностью напоминает архитектуру египетских гробниц древнейшего периода; в ней не заметно еще и следа тех арок, сводов и колонн, которыми так богата позднейшая арабская архитектура. Между развалинами Хаджара уцелело несколько зданий, имеющих форму тупой четырехугольной пирамиды, без всяких отверстий, похожих на двери или окна. На некоторых зданиях высечены химьяритские надписи, перечисляются закупки, сделанные для постройки храма и т. п. Во многих местах, преимущественно в Емене, сохранились остатки гигантских водопроводов и бассейнов, которым древние предания приписывают минувшее процветание страны. На основании отсутствия каких бы то ни было архитектурных орнаментов на всех этих зданиях, Вейс предполагает, что строители их, как народ торговый, заботились более о практических удобствах своих построек, чем об их изяществе, и что в украшениях домов ограничивались убранством внутренностей зданий коврами, стеной раскраской и т. п. Кроме того, Вейсу кажется весьма правдоподобным, что торговые сношения южных аравитян с Египтом и Абиссинией не остались без влияния на стиль их зданий: это подтверждается с одной стороны упомянутыми выше развалинами, напоминающими египетские постройки, а с другой свидетельством Страбона, который, в своем описании народа Катабанов (16:4,3) говорит о их деревянных домах, великолепных (?) храмах и дворцах, построенных в египетском стиле. О сходстве и даже некоторой родственности архитектурного вкуса оседлых аравитян юго-западного побережья с египетским говорят наконец, их колоссальные водоемы и глубокие, высеченные в скалах гроты²⁰⁶. Но все эти дворцы Сабы обезлюдели, а искусственные водопроводы уничтожились, и не оказалось после того у жителей и правителей умения и средств поддерживать то, чем прежде пользовались и гордились.

Домашний и общественный быт древних арабов

В зависимости от географических особенностей Аравийского полуострова, образ жизни древних арабов был в одних местах оседлый, в других кочевой. Оседлые арабы жили в городах и селениях и занимались земледелием и только отчасти скотоводством, а также – садоводством, ремеслами и торговлей; кочевые арабы, наоборот, только в некоторых местах занимались немного земледелием, а главным и постоянным занятием их было скотоводство, унаследованное от первых родоначальников арабского народа – Авраама и Измаила.

Тоже деление арабов по образу жизни на оседлых и кочевых удержалось, в зависимости от природы страны, до настоящего времени, – причем наиболее характерные черты физического строения и душевного склада признаются за бедуинами. Европейские путешественники по Аравии описывают бедуина такими чертами:

Бедуины вообще среднего роста и правильного телосложения, худощавы, стройны и легки на ходу. Женщины-бедуинки, не отличаясь особенной красотой лица, также хорошо сложены, отличаются здоровьем, гордой осанкой и легкой походкой. Тучные субъекты редко встречаются среди арабов; гораздо чаще наблюдаются худые и жилистые организмы с крепкими жилистыми мышцами. Верхние и нижние конечности у арабов средней величины, сравнительно с европейцами и индейцами. Кисть руки очень эластична, с тонкими костями. Цвет кожи, смотря по местности, колеблется между белым и шоколадно-коричневым. Там, где «солнце пристально глядит на арабов», там цвет кожи у них темнее и приближается к черному. По форме черепа, арабы относятся к узкоголовым расам, хотя не могут быть вполне причислены к мезокефалам. Форма лица у большей части арабов овальная; лоб широкий и выпуклый, нос прямой, средней величины, рот красиво очерчен и скрывает прекрасные белые зубы. Уши имеют красивую форму и немного загнуты вперед. Черные густые брови оттеняют черные, глубоколежащие живые глаза, отличающиеся необыкновенным блеском. Волосы преимущественно черного цвета; растительность на бороде не отличается густотой; современные бедуины не носят бороды, и бакенбарды встречаются у них очень редко.

При такой телесной организации, бедуин ловок, легок и проворен на ходу. По темпераменту бедуин живой, горячий и порывистый в своих

чувствах: он легко возбуждается, как бы вспыхивает, но также скоро и легко успокаивается и приходит в себя. В сношениях с другими бедуин откровенен, приветлив, гостеприимен, но в то же время хитер, подозрителен и мстителен, тщеславен и суеверен. Особенно отличается бедуин страстностью и ревнивостью. При видимой важности и горделивости, он охотно участвует в веселых собраниях и пирушках. Во всех своих привычках бедуины и бедуинки умеренны и выносливы в отношении голода и жажды. Туркестанские хаджи с удивлением рассказывают, что не только взрослые, но и дети бедуинов довольствуются небольшим куском обыкновенной лепешки, или щепоткой сваренного риса: подаваемую им милостыню они никогда не съедают враз, а оставляют часть в запас для удовлетворения аппетита в другой раз. Внешний вид большинства бедуинов вызывает жалость у хаджиев, которые охотно делятся с ними излишком съестных запасов. Неудивительно поэтому слышать и читать о назойливости придорожных бедуинов-попрошак и грабежах их, сопровождающихся нередко убийствами.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что «арабский гений не только не начался с Мохаммеда, но нашел в нем свое последнее выражение». «Не знаю, есть ли – замечает Ренан – в истории цивилизации другая картина, более грациозная, более приятная, более оживленная, чем жизнь арабов до исламизма, какой она является перед нами в Моаллакате и в прелестном типе Антара: безграничная свобода личности, полное отсутствие закона и власти, экзальтированное чувство чести, жизнь кочующая и рыцарская, фантазия, веселость, лукавство, легкая и не мистическая поэзия, утонченная любовь. И этот изящный цветок арабской жизни кончается именно с началом исламизма. Последние поэмы великой школы исчезают, сильно протестуя против нарождающейся религии. Двадцать лет после Мохаммеда, Аравия унижена, превзойдена покоренными провинциями; сто лет спустя, арабский гений совершенно уничтожен; Персия торжествует с воцарением Аббасидов, Аравия навсегда исчезает с мировой сцены и между тем, как ее религия и язык несут цивилизацию от Малайских островов до Марокко, от Тумбукту до Самарканда, – она, забытая, отброшенная в свои степи, возвращается опять к временам Измаила»²⁰⁷. Поэтому в настоящей и следующей главах речь будет главным образом о бедуинах, как исконных жителей Аравии, в быте и нравах которых лучше всего сохранились отличительные черты арабского племени.

Подробное описание быта оседлых арабов затруднительно по недостатку соответствующих сведений. Одно можно заметить, что

домашняя и общественная жизнь арабов была однообразна и примитивна; более разнообразна и оживленна была жизнь в городах Южной Аравии, чему способствовали естественные богатства Емена, Хазрамаута и соседних местностей. Близость Эфиопии также оказывала некоторое влияние на домашний и общественный быт южно-аравжских государств. Но, сравнительно, процветание этих царств было невысоко, хотя они существовали в продолжение 2000 лет. Политическая независимость этих государств пала навсегда в конце шестого века по Р. Хр., и после их падения в Южной Аравии мало осталось следов их продолжительного существования. Так называемые «Химьяритские надписи»²⁰⁸ говорят о существовании отдельных государств на юге Аравии, об их князьях и богатстве, а развалины древних дворцов и храмов подтверждают существование таких государств; но эти маленькие государства не достигли заметной степени внутреннего развития. Богатство и великолепие исчезнувшей жизни южных арабов могли казаться таковыми только кочевникам бедуинам; архитектура древних южно-арабских храмов была крайне незатейлива и проста, не отличалась украшениями, какими были богаты греческие храмы: в них не было ни арок, ни сводов, ни колонн, ни других подобных аксессуаров более развитого архитектурного искусства, почему г. Машанов допускает предположение об отсутствии окон в этих храмах. Большая часть этих храмов была сделана из необожженных кирпичей, а потому они отличались непрочностью и скоро превращались в развалины²⁰⁹. Неизвестно, на каком основании Реклю считает архитектуру домов гор. Джидды химьяритской (т. 2, стр. 121), тогда как эта архитектура позднейшего времени и представляет копию стамбульской.

Об архитектуре храмов у северных арабов в истории не сохранилось вообще сведений, но можно с уверенностью предполагать, что эти храмы в архитектурном отношении были еще менее замечательны, чем храмы южно-арабские, так как самый главный храм Аравии – Кааба представлял грубую постройку, не отличавшуюся прочностью: во время Джорхамитов здание было разрушено дождями и горными потоками. Возобновленная Кааба представляла собой простой четырехугольник без крыши; стены ее были сложены из камней, без цемента, и имели в вышину 13 1/3 футов, в длину 45 фут. и в ширину 33 ф. Здание имело одну дверь. После (около 445–450 гг. по Р. Хр.) корейшит Косай придал Каабе несколько лучший вид, но и то весьма незавидный: стены ее были сложены из нетесаных камней и были высотой в рост человека; окружность ее была менее 200 футов; крыши не было; в Каабу вела одна дверь; идол Хобала, а может

быть, и некоторые другие находились внутри Каабы; самым священным предметом храма был «черный камень», предмет почитания всех арабов, приходивших в Мекку на богомолье в установленное время²¹⁰.

Не достигло культуры и царство Набатеев, существовавшее более 1400 лет, именно до времен Траяна. Набатеи были народом промышленным, торговым и не чуждым гражданственности. У них были свои цари, чеканившие собственные серебряные деньги, надписями которых подтверждаются показания об этих народах Библии, Иосифа Флавия, Страбона, Диона Кассия, Орозия, Плутарха и Диодора. Но рассказ о Набатеях Страбона дает невысокое понятие о набатейской образованности. О других государствах, или, точнее, об отдельных владениях оседлых арабов, вроде Хиры и Хиджаза, история не дает и таких подробностей. Жизнь их не отличалась культурой, и образованные соседи их (персы, византийцы и др.) не сохранили об этих государствах особых воспоминаний. Господствовавший среди оседлых арабов патриархальный быт был похож на быт бедуинов, от которых они отличались только тем, что жили на одном месте, а не кочевали. Даже Мекка и Медина были бедными поселениями: Медина еще походила на город, благодаря поселившимся в ней с давних пор евреям, а Мекка долгое время не была достаточно заселена.

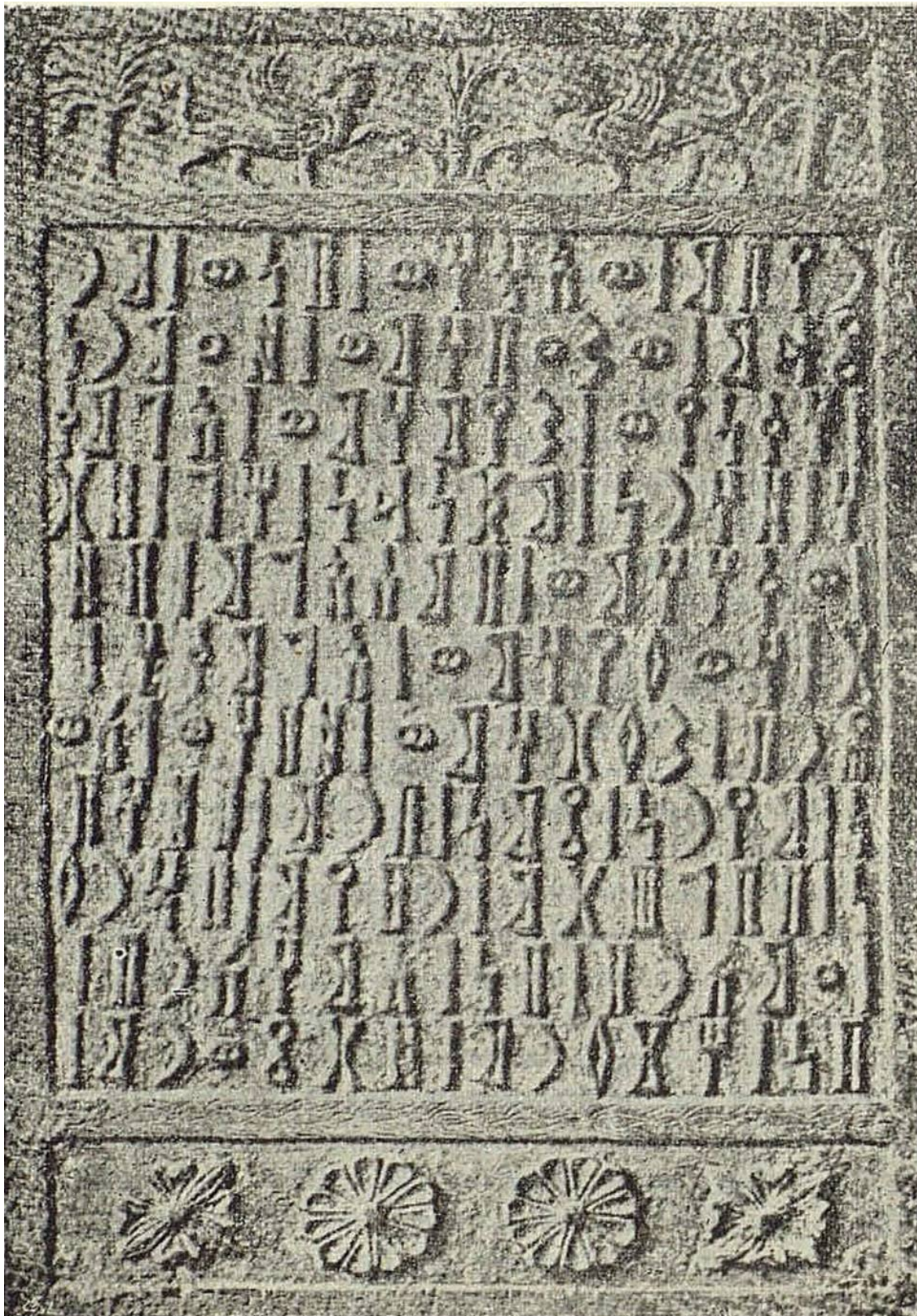
Чтобы лучше характеризовать описываемое положение оседлых и кочевых арабов, напомним читателю, что и в настоящее время мы видим небольшое культурное различие в жизни среднеазиатского кочевника-киргиза и оседлого жителя-сарта, особенно там, куда русское цивилизующее влияние не успело еще проникнуть.

Оседлые арабы жили в домах, выстроенных из известняка, или из дерева; во времена Страбона в Южной Аравии было много домов, сложенных из толстых брусьев. В Омане для построек употреблялись высушенные на солнце кирпичи, или же простой булыжник, смазанный глиной. Стены домов штукатурились смесью глины с соломой. Более бедные жители строили для себя хижины из тонких жердей, обмазывали их глиной с навозом, а затем поверхность стен, особенно внутренних, штукатурили. Крыша приготавливалась из пучков камыша или длинной травы, а вместо дверей служила циновка. Таким образом постройки древних арабов напоминают нам современные несложные постройки оседлого туземного населения Туркестанского края (сартов).

В южно-аравийских государствах, где арабы жили оседло, существовали некоторые производства из глины, дерева и металла; но те принадлежности их домашнего быта, которые отличались некоторым

изяществом и роскошью, были обыкновенно иноземного происхождения. Древние писатели вообще свидетельствуют, что арабы, не только кочевые, но и оседлые, не стремились к развитию у себя ремесел и промыслов, а предпочитали доставать все необходимое в готовом виде, выменивая это на предметы туземного происхождения. Лучшим доказательством этого может служить посещение Соломона Савской царицей: она прибыла в Иерусалим с верблюдами, навьюченными благовониями и великим количеством золота и драгоценных камней, и когда увидела дворец Соломона, то сказала царю: «я не верила словам, пока не пришла сама и не увидела глаза мои; мне и половины не сказано, – мудрости и благ у тебя больше, нежели как я слышала (3Цар. 10:1–10; 2Пар. 9:1–9). Очевидно, царица Савская рассчитывала произвести на Соломона впечатление своим богатством, но была поражена царской обстановкой еврейского царя, какой южно-аравийская царица, довольствуясь естественными дарами своей страны, никогда не видела и не воображала. Что касается сабейской надписи на бронзовой плите, то по ней трудно судить о степени культуры Сабеев. Плита и надписи могли быть приготовлены в другой стране с более развитой техникой. (См. рисунок). Упоминаемый в надписи Альмак Хирранский, по нашей догадке, должен быть царь (Альмалик) Герраев, упоминаемых у Страбона. (См. выше. стр.). Если верно, что Герраи были выходцы из Халдеи, тогда относительно Сабейской надписи излишне говорить: она была привозная...

Сабейская надпись на бронзовой плите из Амрана в Южной Аравии

Перевод надписи: «Рийаб и его братья, сыновья Мартада, и племя

Амрана посвятили своему покровителю Альмаку Хирранскому эту надпись, потому что он услышал их просьбы и оказал милость урожаем, который он послал им после того, как зерно стояло в цене пшеницы во время посева... В год Амму-Кариба, сына Сумху-Кариба, сына Газфира татварского». (См. История человечества, сост. под редакцией д-ра Гельмольта. Том третий (СПБ. 1903), стр. 209–210).

Государственной жизни в строгом смысле слова у оседлых арабов не было. Правители их не умели сплотить подвластное население точными законами и вести его к единой для всех цели. У древних евреев были точно выраженные в религиозном кодексе законы; они имели своеобразную гражданственность и преследовали в жизни своей определенную цель; у древних арабов не было ни религиозного кодекса, ни таких руководителей в жизни, какими были у евреев пророки. Поэтому в каждом маленьком арабском государстве была своя жизнь, были свои житейские интересы. В Южной Аравии насчитывалось в древности несколько отдельных владений, жители которых мало имели общих интересов: они жили, кто как мог и умел, занимались земледелием и торговлей, наполняя свободное время самыми неизысканными развлечениями; угощение было на первом плане. Умственных интересов не было и не откуда было им взяться.

Религия, которая обыкновенно служит главным центром духовной жизни патриархального народа, у древних арабов была неразвита и не могла возвышать ум и сердце их за пределы внешнего мира. Влияние других религий (еврейской и христианской) было слабо, по причинам, о которых будет сказано ниже. Оставалось одно; влияние взаимного общения жителей разных местностей, сходящихся в определенные времена в известных пунктах для общественного богомолья. Но и это влияние было не сильно: в указанных местах арабы разных племен сходились ненадолго; притом же у разных племен были свои священные места. (См. ниже).

Более значения в древнеарабской жизни имели ярмарки. В стране, не имевшей постоянных торговых центров, было неизбежно избирать определенные пункты, куда бы к назначенному времени съезжались жители разных мест: одни для продажи своих продуктов, другие для покупки. Самым бойким торговым пунктом на севере Аравии был Оказ²¹¹ – местечко между Таифом и Нахлой, в одном переходе от Таифа, по направлению к Емену. Оказ славился своими пальмами и принадлежал арабскому племени Тсякиф. Сюда, на ярмарку, сходились арабы всех племен и всех мест Аравии. И вместе с продавцами и покупателями являлись и поэты арабские, для которых ярмарка представляла самое удобное

место – показать свой поэтический талант и прославить в своих стихотворениях подвиги соотечественников и вообще лучшие черты характера своего племени. Стихотворения, признанные лучшими, вывешивались потом в Каабе, а по другому преданию – писались золотыми буквами, отчего и получили название: муаллака (подвешенные) и мудзаггаба (позолоченные)²¹². Сам основатель ислама, еще до выступления своего в роли проповедника новой религии; посещал вместе с соотечественниками своими эту ярмарку и, вероятно, вынес оттуда немало разных впечатлений. Но ярмарочные сборища древних арабов не могли, конечно, оказывать продолжительного влияния на жизнь сынов пустыни: кончалась ярмарка, а с ней оканчивались дни единения разрозненных арабских племен, и снова наступали дни их разобщения. Очевидно арабы, при таких условиях, не могли сплотиться в одно государственное целое. Другими местами для торга были: Мина, Хонейн, Наджна.

Торговли в современном смысле слова у древних арабов не было; купля-продажа заменялась у них меной одного рода собственности на другой, смотря по наличности обмениваемых предметов и по потребности в этих предметах. Достоинно внимания, что древние еврейские пророки знали о торговле арабов и упоминали о ней в своих св. книгах. Так пр. Иезекииль²¹³, изрекая пророчество на древний Тир, в точных выражениях высказал, что арабы северные торговали с этим городом ягнятами, баранами и козлами (гл. 27, ст. 21), а южные арабы жители Сабы и Раемы – благовониями, драгоценными камнями и золотом (ст. 22). В самом языке арабов сохранилась память о меновом характере этой торговле, так как для обозначения понятия торга служило слово байй – мена одной собственности на другую. С этим значением это выражение перешло и в позднейший шариат.

При таком характере древнеарабской торговли, естественно были разные недостатки в их торговых сделках: обман, обмеривание, обвешивание, задержка уплаты и т. п., о чем неоднократно упоминается в Коране, как о проступках, наказуемых праведным Богом.

С вероятностью можно предположить, что уже в древний период арабской торговли существовали разные договоры под видом «товарищества» (ширкят), залога, ссуды, долговых обязательств, хранения чужого имущества и пр. Все эти виды общественных отношений были потом узаконены основателем ислама, а затем перешли в шариат.

О порядках общественного управления среди древних арабов сохранилось мало сведений, но в период, ближайший ко времени Мохаммеда уже известны особые народные представители,

пользовавшиеся среди арабов авторитетом и властью. Таковы были жрецы и оракулы (кяхин и арраф), которые совершали жертвоприношения и давали предсказания о будущем, пользуясь при этом разными предзнаменованиями и гаданиями. При Каабе и других капищах были особые стражи (сядин) и привратники (хаджиб). Обыкновенно сядины выбирались из того же племени, которому принадлежало капище, пользовались почетом у своих единоплеменников и имели влияние на общественные дела. Своим влиянием они поддерживали религиозные обычаи в народе, и даже такие жестокие обычаи, как, например, принесение в жертву детей и зарывание их живыми в землю. При Каабе имел особенное важное значение хранитель ключей этого храма, так как без него нельзя было вступить в Каабу. Потому корейшиты имели значение в Мекке. При взятии Мекки Мохаммедом, хранителем ключей Каабы был корейшит Осман, сын Тальхи. Для урегулирования годового счисления в Мекке была особая должность – наси. Занимавший эту должность назначал время священного месяца, или вставлял тринадцатый месяц. Должность эта была отменена Мохаммедом. Последним заместителем ее был Джанад из племени Кинана. Для снабжения водой стекавшихся в Мекку богомольцев существовала должность сикая²¹⁴, а для снабжения их пищей во время хаджа была должность рифада. Во время Мохаммеда обе эти должности были соединены в руках дяди его Аббаса. Для распоряжений религиозными церемониями во время хаджа были две должности: ифаза, и иджаза. Лицо, занимавшее первую должность объявляло время отправления богомольцев в долину Мина, а занимавший вторую должность объявлял время окончания хаджа. Последним лицом, занимавшим эту должность, перед исламом, был Кариб сын Сафвана. Для совершения обрезания над детьми у арабов были также особые лица – мужчины для мальчиков и женщины для девочек, но особого значения и влияния на общественные дела эти лица не имели.

Главные моменты в жизни древнего араба представляются в следующем виде.

Новорожденному ребенку давалось имя, которое иногда имело религиозный характер – указывало на отношение человека к верховному божеству, Аллаху, или к божествам второстепенным, например: Абдалла – раб Аллаха (отец Мохаммеда); Абдуманат, раб Манаты; Абдул-Узза, раб Уззы – дядя Мохаммеда, прозв. Абуляхабом; или на отношение рожденного к своему отцу: «сын такого-то», или к матери: «сын такой-то». Чаще же всего, как и у древних евреев²¹⁵ давались имена по случайному признаку или случайному обстоятельству, сопровождавшему

рождение ребенка²¹⁶, вследствие чего получались у арабов иногда унижительные имена²¹⁷. В виду этого основатель ислама объявил в Коране, чтобы его последователи не давали друг другу унижительных имен²¹⁸. Древние арабы радовались рождению сыновей, а при рождении дочерей печалились, и иногда даже зарывали их в песок, против чего также восставал Мохаммед²¹⁹.

Арабы, по примеру древних евреев²²⁰, совершали обрезание над своими сыновьями и устраивали по этому случаю пиршество, на которое приглашали не только родных, но и знакомых. Обычай обрезания был удержан и основателем ислама, а в Средней Азии до сих пор это семейное торжество сопровождается большими пиршествами (туй), для многих разорительными²²¹. Обрезание у древних арабов совершалось и над женщинами; Мохаммед, признал этот обычай похвальным²²².

Женщины и девицы у арабов исправляли все домашние хозяйственные обязанности: готовили пищу, поддерживали чистоту в жилище, присматривали за скотом и доили его, стригли овец и коз, пряли шерсть их, готовили из пряжи материи и шили из них одежду. Иногда они сопровождали мужей в походах против неприятеля. Так, во время сражения мекканцев с Мохаммедом при Оходе (24 января 625 г. по Р. Хр.) при войске мекканцев было много женщин с музыкальными инструментами, а жена Абу-Софьяна (предводителя меккского отряда) Ханда нашла труп Хамзы, дяди Мохаммеда, распоролла ему живот, вынула печень и съела ее сырой. Другие женщины отрезали у убитых врагов носы и уши и сделали из них ожерелья себе. На долю мужчин оставались более тяжелые работы, особенно производившиеся вне дома, а также торговля и участие в вооруженных набегах на врагов.

Нельзя предполагать, чтобы древние арабы особенно заботились о чистоте своего тела: гигиенические требования относительно этого важного для здоровья условия не были им известны. Но омовения отдельных частей тела, особенно ног, они совершали часто, потому что это было необходимо при жарком климате Аравии и при той невообразимой для европейца пыли, которая постоянно отделяется там от почвы и разносится ветрами. По другим позднейшим свидетельствам, арабы омывали голову, полоскали рот, промывали нос, чистили зубы, подстригали усы и ногти, выдергивали волосы под мышками и т. д. Несомненно, что эти обычаи древних арабов были общи с древними еврейскими узаконениями²²³, и основатель ислама утвердил все эти обычаи, причем придавал некоторым из них чисто формальное значение. Так, например, он предписал, при недостатке воды, отирать себя

пылью²²⁴.

Какими обычаями сопровождалось сватовство у арабов и бракосочетание, сказать не можем; но, несомненно, что этот радостнейший в жизни человека случай и у древних арабов сопровождался торжеством и пиршествами. Что касается возраста девиц, вступавших в брак, то об этом есть несомненные сведения: девицы были выдаваемы замуж в очень ранние годы, даже девяти лет, как видно из примера самого Мохаммеда, женившегося на Айше. Число жен у древних арабов не было определено, но многоженство встречалось не так часто, так как являлось прихотью зажиточных арабов. Браки заключались и в близком родстве²²⁵. Брачные обычаи и случаи развода среди арабов были чрезвычайно своеобразны, о чем не место говорить здесь²²⁶.

Погребение у древних арабов совершалось так: они омывали умерших холодной водой, смешанной с благовониями; затем обертывали саваном и созывали на погребение своих знакомых. В знак печали женщины громко плакали, раздирали на себе одежды, царапали лица и грудь, открывали лицо свое, надевали траурную одежду, а мужчины посыпали свои головы прахом, как делали евреи. По прибытии знакомых и близких, над покойником начинали причитать плакальщицы, восхваляя его качества; затем клали покойника на особые погребальные носилки и относили на кладбище, где и зарывали в могиле. Могилы обыкновенно делали с боковым углублением, в котором укладывалось тело покойного на боку, с подложенной под голову рукой. Это боковое углубление в могиле закладывалось большими камнями, а затем вся могила заполнялась землей и наверху ее насыпали холмик из земли, в виде небольшого кургана. Намогильный холм арабы старались оживить зеленью. Иногда делалось возвышение из камней. Подобно всем известным языческим народам, древние арабы клали в могилу вместе с умершим его меч и некоторые другие принадлежности его одеяния. На могиле, после погребения, устраивалась тризна, причем глиняная посуда, в которой была пища, здесь же и разбивалась. Было в обычае также оставлять на могиле верблюдицу, на которой покойный ездил при жизни; голову ее пригибали к туловищу (назад), покрывали попоной и оставляли умирать голодной смертью.

Вдовы соблюдали глубокий траур после погребения мужа в течение года, не употребляя благовоний и одежд красного цвета, а по истечении этого срока совершали особые обряды и освобождались от всех стеснений траура.

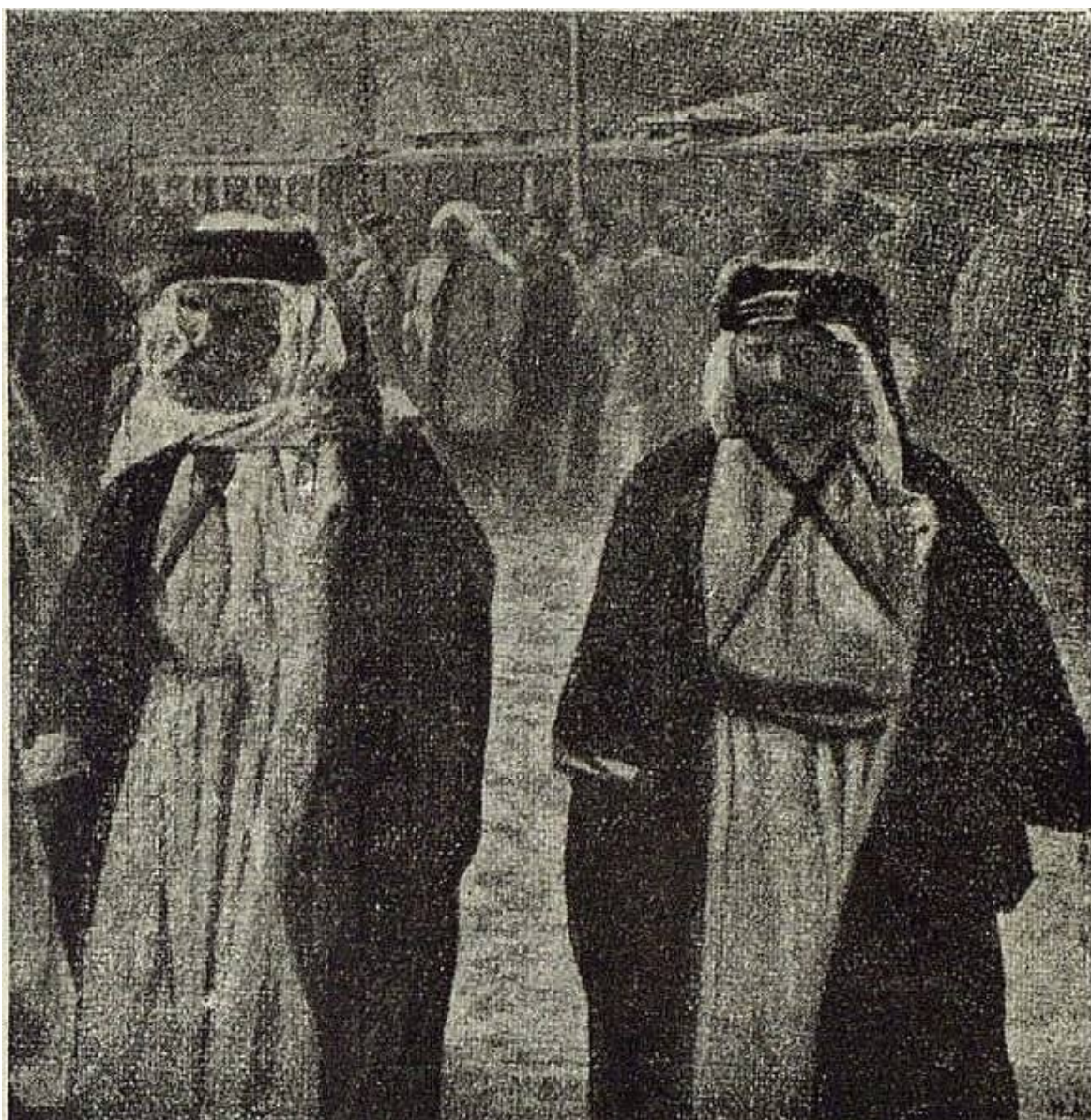
Но самой характерной особенностью в жизни древних арабов было требование немедленной мести за смерть родственника, если он был убит.

Всякие обряды откладывались до тех пор, пока не совершена была месть²²⁷.

Жизнь кочевых арабов (бедуинов) отличалась еще большей простотой, чем жизнь оседлых арабов. Патриархальный быт не дал развиваться у бедуинов роскоши; поэтому у них не было ни ремесел, ни художеств²²⁸. Мало того; они почти вовсе не занимались земледелием, а жили от стад своих²²⁹: из шерсти верблюдов, овец и коз они приготавливали для себя одежду, сами выделывали грубое сукно и войлок. У кочевых арабов и до настоящего времени почти не встречается никаких других материалов для одежды.

Во времена более отдаленные арабы имели такую одежду: от поясницы до колен они закрывали свое тело особой повязкой, на плечи набрасывали широкий кусок материи, а голову покрывали большим платком, спускавшимся до плеч и придерживаемым на голове особым шнурком. Лучшим образцом древней одежды арабов может служить та особая покаянная одежда, которая предписана в Коране мусульманским паломникам (хаджи), в которую они облакаются при вступлении в священную область Мекки. Это так называемый ихрам (Коран, гл. 5. ст. 96–97), состоящий из двух больших и не сшитых кусков белой материи. Одним из этих кусков, называемым изаром, паломник прикрывает наготу своего тела от середины живота до колен, а другой кусок – рида паломник набрасывает на одно плечо и закрывает его.

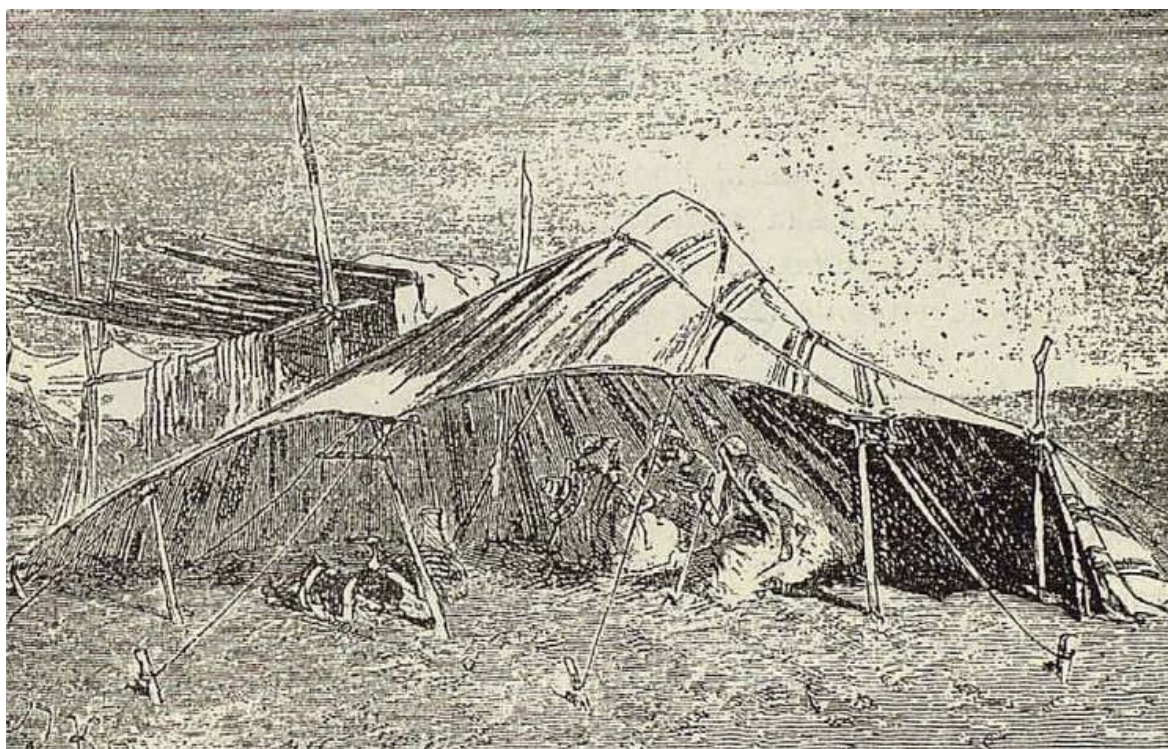

В позднейшую (историческую) эпоху, как об этом можно судить по выражениям Мохаммеда, арабы носили исподнее платье, то есть рубашку. Рубашка готовилась из грубой бумажной или шерстяной материи, или же из небеленого холста, имела глухую грудь и широкие и длинные рукава. Бумажные рубашки бывали не только белого, но и синего и коричневого цветов, а иногда и полосатые. Сверх рубашки надевался широкий плащ, имеющий сверху отверстие для головы и по бокам отверстия для рук. Плащ большей частью готовился из козьей или верблюжьей шерсти и был одноцветный, или полосатый. Некоторые арабские племена носили черные плащи, протканые золотом, а другие – желтоватые с черными и коричневыми полосами. Различный цвет плащей служил наружным отличием различных племен. На ногах арабы носили

грубые сандалии из кожи, а часто ходили без обуви.

Одежда женщин у кочевых арабов состояла из широкой и длинной рубашки, подвязываемой поясом, головной повязки и плаща. Плащ делали из белой материи с синими клетками, или с красными и желтыми полосками. Иногда, в более близких к оседлым пунктам местах, женщины закрывали свое лицо куском прозрачной материи. Обувью женщин служили также сандалии, а при недостатке средств ноги женщин оставались необутыми; зато как мужчины, так и женщины носили шаровары. Состоятельные арабы умащали свое тело благовонными мазями и пахучими маслами, а женщины, кроме того, сурьмили себе брови, окрашивали ногти цветком хены²³⁰, а иногда татуировали свое тело. – По свидетельству Буркхардта, у всех вообще бедуинов признаком красоты считались густые волосы на голове²³¹ и особенно густая борода; вследствие этого считали обиженным природой человека с редкими волосами. О Мохаммеде известно, что он любил расчесывать свою бороду и умащать свои густые волосы на голове; женщин, благовония и цветы он считал лучшим развлечением человека. Арабки носили в качестве украшений металлические браслеты на руках и ногах, серьги и ожерелья, кольца и нарядные пояса из кожи или шерстяной материи.

Жилищем кочевых арабов служили шатры, или палатки, покрытые войлоком, приготовленным из верблюжьей или козьей шерсти (хыба, хайма). Войлоки были черного²³², или темно-коричневого цвета или же полосатые; они натягивались на жерди, служившие остовом для шатров и привязывались веревками из верблюжьей шерсти к кольям, вбитым в землю. Такие шатры разделялись внутри занавесками на три части, из которых одна служила помещением для мужчин, другая – для женщин, третья – для прислуги и мелкого скота. Шатры ставились или кругом, если их было немного, или же вытягивались в одну линию вдоль реки или ручья, или же расставлялись рядами по три и четыре шатра в каждом ряду. Шатер шейха или начальника рода ставился всегда на западном конце становища, потому что с этой стороны бедуины всегда ожидали гостей и врагов. Перед каждым шатром в землю втыкалось копьё хозяина шатра (для чего деревянный конец копья заострялся); к копьё привязывалась лошадь хозяина; перед шатром паслись верблюды.

Домашнюю утварь бедуина составляли подстилки для спанья» то есть камышовые циновки, или войлок, а также ковры и одеяла и самая необходимая посуда. Для перевозки и хранения воды и молока у них были мехи из козьей кожи. Из той же кожи приготавливались и ведра для черпания воды из колодцев; для приготовления пищи употреблялись глиняные горшки и каменные корыта. В последних они замешивали тесто для лепешек, которые пекли или на горячей золе, или в особого рода печах, стены которых представляли большую глиняную корчагу, опрокинутую кверху узкой стороной, с отверстием в боку и вверху²³³. Для приготовления муки служили ручные мельницы, состоявшие из двух жерновов. Размалыванием зерна занимались исключительно женщины. – Приготавливая мясо бедуины разрезывали его на небольшие куски, надевали на деревянный прут (вертел), который устанавливали на двух рогульках над горячими углями и жарили. Иногда они зажаривали целые туши в раскаленных и наглухо закрытых ямах. В этом обычае арабов опять замечается поразительное сходство с обычаями среднеазиатских туземцев, которые отлично приготавливают таким же образом жаркое в кусках и целого ягненка. Изжаренное мясо разрезывалось на деревянных тарелках. Обедали бедуины обычно на полу, на разостланной циновке или коже, на которых они и спали, завернувшись в свой плащ; плоская кожаная или шерстяная подушка во время обеда подкладывалась под локоть, или заменяла стул. Живя сообразно с природой, бедуины ложились спать с

наступлением темноты, не зажигая огня; только в самых крайних случаях зажигали они пропитанные асфальтом факелы.

При простоте и несложности своих жизненных потребностей, бедуины не развили у себя домашних производств; жены их имели только прялку для прядения шерсти и самый простой ткацкий станок, а мужчины приготавливали простую сбрую и оружие. Это был народ беспечный, живущий беззаботно, не имея ни дверей, ни запоров²³⁴. При передвижении с одного пастбища на другое, все несложное домашнее хозяйство свое бедуины навьючивали на верблюдов, как это и до сих пор делают наши среднеазиатские киргизы.

И во внутреннем самоуправлении кочующие арабы сохранили патриархальный строй жизни. Они жили отдельными родами²³⁵, состоявшими из родственных семейств, с отдельным старейшиной (шейхом) во главе. Более близкие роды составляли в свою очередь племя (кабия). Начальником племени был главный шейх (шейхуль-машайх), который во время войны считался полководцем (амир), повелениям которого все безусловно подчинялись. Но при этом каждый араб сохранял свою личную обособленность и не терпел никакого насилия над собой; все пользовались одинаковым уважением и свободой. У арабов не было потомственной аристократии в европейском смысле, никто не пользовался особыми преимуществами и привилегиями; арабы ценили только личные достоинства и личные заслуги и на основании этих достоинств избирались шейхи и амиры, как это видно из древнего изречения:

«Чей сын ты – все равно.

Но собственной заслугой

Ты родословную старайся заменить;

Тот человек, кто сказал: «Я таков-то»,

А не тот, кто говорит: «Вот мой отец каков»²³⁶.

Отличаясь демократическим характером, арабская община пользовалась самоуправлением; ее начальники были только первыми между равными, председательствовали на общих собраниях, назначали время перекочевки и места для остановок, разбирали возникавшие среди сородичей своих разногласия и ссоры и решали вопросы о войне и мире. И этих ограниченных прав своих шейхи и амиры не могли передавать своим непосредственным потомкам по наследству, ничего не получали и жили так же просто, как и сородичи: амир, например, сам ухаживал за своим конем и сам седлал его, а его жена и дети исполняли своими руками и все хозяйственные работы. Только более обширная палатка и более обширное хозяйство отличали его от прочих арабов. – И до настоящего времени

бедуины не изменили своего основного взгляда на своих начальников. О современных арабах Реклю замечает, что «шейх не обладает никакими правами; он избирается равными ему; его смещают, когда он становится негоден. Специальная его функция, кроме чествования гостей, – судить споры со старейшинами. Это – примиритель и третейский судья: но его решения не имеют силы закона. Решениям этим, вообще опирающимся на обычное право и поддерживаемым общественным мнением племени, обыкновенно подчиняются; но никакая уголовная санкция не связана с его вердиктом. Некоторые шейхи успевают приобрести значительную власть, когда сумеют отождествить свои интересы с интересами племени; но племя никогда не забывает своего права сменить шейха. Нередко случается, что шейх избирается только на мирное время, как «муж совета и мудрости», а для ведения войны избирается особый, отважный предводитель, временные полномочия которого оканчиваются с заключением мирного договора»²³⁷. Гельвальд замечает: «Когда у арабов являлась необходимость в единодушном действии или вмешательстве избранного мирового судьи, они обыкновенно назначали шейха или вождя, но как только кризис данного положения проходил и нужда в избранном начальнике миновала, то араб уже не подчинялся никому, считал себя независимым и никого не признавал своим повелителем. Начальник нескольких родов, главный шейх (шейхуль-машайх) был суров и грозен для врагов племени, а в сношениях со своими должен был отличаться справедливостью, кротостью и отеческой снисходительностью; злоупотребление властью порождало в окружающих его недовольство, и он мог быть отставлен избравшими его родами. До самовластного господства главный шейх никогда не простирает своих стремлений»²³⁸.

Такое стремление к обособленности каждой отдельной личности и к самоуправлению развилось в арабах и поддерживалось как географическими, так и историческими условиями их родины – Аравии. Как бы закрытая для остального человечества, по своей малодоступности, Аравия была известна древним народам на северной и южной границах и со стороны морского побережья: «возникали царства и падали, исчезали древние династии; имена и границы земель изменялись; целые народы были истребляемы, или уводились в неволю; но эти бури лишь слегка касались пограничных областей Аравии, а в глубине своих степей она сохраняла первобытный характер и независимость, и никогда ее бродячие племена не склоняли гордой главы своей ни под какое иго»²³⁹. В конце жизни Мохаммеда, полководец его Халид совершил геройский поход через внутреннюю пустыню Аравии, и поход Халида, по трудностям

с какими он был сопряжен даже для арабов, считается беспримерным в истории.

Живя разрозненно, действуя отдельно, по племенам, бедуины не могли иметь постоянных определенных политических союзов; не составляя объединенных государств, они не могли иметь и постоянного войска. Для случайных военных предприятий, которые отличались характером «набегов», –вроде киргизских набегов (баранта), – у арабов созывались временные ополчения всадников (харис), под начальством особых предводителей (амир), действовавших в интересах своего рода, а иногда и отдельной личности. Но эти набегии имели характер воинственной вспышки; подстеречь неприятеля, напасть на него врасплох и ограбить – главная цель противника, чтобы потом поделить добычу²⁴⁰. При таких условиях у арабов и быть не могло войска в европейском смысле слова; араб не был способен подчинять навсегда свою волю воле другого (т. е. начальника), без чего не может существовать правильно организованная постоянная армия²⁴¹. Арабский воин подчинялся своему предводителю, когда ему это было выгодно, или, когда он видел в нем полное превосходство над собой. Зато в битвах арабы были неутомимы и счастливы: вперед двигались они с надеждой на победу и добычу, а при неудаче имели уверенность в безопасном быстром отступлении. Среди знойной пустыни, самый неустрашимый завоеватель-европеец не мог бы настигнуть арабских всадников, быстро отступавших на арабских конях²⁴² и выносливых верблюдах, которые, кроме того, были способны переносить голод и жажду. Рыцарь пустыни, поэт Антара²⁴³ говорил о самом себе: «Видишь-ли, – я всегда на седле, на быстроногом коне моем, который был уже причиной гибели многих воинов: стремится он один в сечу и мгновенно возвращается в ряды опытных стрелков. Кто вместе со мной сражался, тот расскажет тебе, что я всегда первый в битве и последний там, где делят добычу».

Вооружение арабского воина в древнее время состояло из длинного копья, лука со стрелами, кривого ножа и сабли. К этому у рыцарей пустыни прибавлялись: латы, кольчуга, шлем и щит²⁴⁴. Лук со стрелами унаследован арабами еще от родоначальника их Измаила, о котором в Библии²⁴⁵ сказано, что он сделался стрелком из лука. Другой арабский витязь-поэт Шанфара говорил, что с ним всегда три спутника: «первый спутник – сердце смелое; второй спутник – светлый, острый меч; третий спутник – длинный, темный лук; он звенит гладкообточенный, весь разубранный репейками и привесками, а при нем и ратный прибор, колчан со стрелами. И как пустит он стрелу меткую, – взвоят, что не мать о сыне

плачет, мертвого в землю провожаючи»²⁴⁶. Достояна внимания похвальба своей храбростью упомянутого Антары: «Многих героев, – которых страшились и храбрейшие, героев, которые никогда не обращались в бегство и не сдавались, – сразила уже рука моя, после краткого боя, прямым и упругим копьем. Их латы разлетались в куски; копье мое прокладывало себе дорогу ко всякому храброму сердцу; и сраженного врага, как заколотого барана, я отдавал на съедение диким зверям, которые глодали его мощные плечи и железные пальцы. Сколько мой меч раздробил кольчуг на всадниках, которые умели храбро защищать все для них дорогое! Сперва я повергаю их копьем, а потом устремляюсь на них с блестящим мечом. Иной был так крепок и такого огромного роста, что можно было почесть его за дуб, одетый в латы; целая воловья кожа нужна была для закутывания одной ноги его»²⁴⁷. С не меньшей хвастливостью поэт Амру говорил: «Мы всегда выступаем в поле битвы с белыми знаменами, но приносим их назад обагренными неприятельской кровью. Копья наши пронзают бегущих от нас, и мы всегда хватаемся за меч, когда на нас нападают. И тогда черепа неприятельские лежат по земле кучами, подобно караванным выюкам, снятым с верблюдов во время ночлега в каменистой пустыне... Мы выходим с юношами, любящими смерть благородную, и со старцами, опытными в войне. Ни один народ не припомнит, чтоб мы когда-либо унижались: никогда не покорялись мы по малодушию!.. Прекрасные жены следуют за нами на войну, и мы мужественно охраняем их, чтобы они не сделались добычей вашей и не были посрамлены. Они кормят наших коней и говорят: «Вы не мужья нам, если нас не обороните!»²⁴⁸.

Личное мужество, доблесть, страстное стремление к подвигу в битвах составляли отличительные черты древнеарабского рыцаря. Вот как один из них ободряет себя к мужеству: «я говорю душе своей, когда в страхе и смятении она ищет ускользнуть от битвы: да не бойся же ты ничего! Дальше срока, предназначенного судьбой, не вымолить тебе ни единого дня лишку²⁴⁹. Да, право, и не почетная ведь одежда, эта оболочка существования; иначе не щеголяли бы в ней такие трусы и хвастуны»²⁵⁰. – Рыцарь Шарран никогда ни на что не жаловался и не тужил; надеясь на острый свой меч скакал он один по горам и долинам и только звезды над его головой были его спутниками. Однажды собирал он мед на крутой вершине горы; туда был всего один проход, и то неприятель засел в нем. Шарран разлил мед по утесу, скатился вниз и запел:

«Как скоро человек не находчив на все случаи и когда хоть что-нибудь его затрудняет, он погиб; нечего ему тогда и тужить, если от него

отвернется счастье. Но кто настолько решителен, что ни при одной неожиданной встрече не теряет из виду, как выбраться из беды, тот всегда найдет, что делать; и заткни ему одну ноздрю – он передышит таки другой. Я сказал однажды Лийяну, когда в бурдюке у меня не осталось ни капельки, когда исхода не было, и обступили меня кругом все напасти: «вы оставляете мне одно из двух – или смерть, или плен постыдный. В таком случае благородный говорит решительно: да будет смерть моей долей! Но я польщу душе своей и другим еще внушением: не стала ли она через это самое любимым жилищем смелости? Тогда я лег на каменную скалу передом и спустилась по утесу широкая грудь, хотя узок был путь спасения. Так достиг я по расщелинам вниз, до самой равнины, без единой царапинки; тут уже и смерти стало передо мной стыдно»²⁵¹.

Чтобы пополнить помещенные в этой главе данные о домашнем и общественном быте древних арабов, приводим здесь сведения, касающиеся бедуинов Сирии и Палестины настоящего времени.

По описанию в «Сообщениях Императорского Православного Палестинского Общества»²⁵² сирийские и палестинские бедуины и в настоящее время живут в шерстяных палатках, материю для которых бедуинские женщины готовят сами из шерсти черных коз или овец. Палатки расставляются на открытых местах и поддерживаются внутри особыми шестами, а снаружи притягиваются веревками к кольшкам, вбитым в землю. Палатки ставятся одна подле другой и образуют круг, внутрь которого на ночь загоняется скот. У главы рода (шейха) бывает всегда особая палатка, которая служит ему для приема гостей, что составляет с давних пор отличительно черту арабских нравов.

«Современные бедуины, как и древние отличаются чадолубием. По случаю рождения мальчика бедуин устраивает пир, на который приглашает родных и знакомых. Не имея особых понятий о воспитании детей, бедуины прилагают свои заботы к тому, чтобы ребенок был сыт и здоров, а свои родительские ласки проявляют в том, что украшают детей возможными способами (девочек, например, татуируют), причем и амулеты от дурного глаза привешиваются на виду. Когда дети подрастут, то самой жизнью приучаются к разным домашним занятиям и упражнениям: мальчики стерегут стада и ездят верхом, а девочки собирают топливо, носят воду и т. п.

«Обычай сватовства у бедуинов представляется в таком виде: мальчику 14-ти лет, а чаще и ранее этого возраста, родители стараются высватать невесту, согласия которой обыкновенно не спрашивают. Для сватовства отец жениха вместе с сыном и старшинами приходят в палатку

родителей невесты и там молча сидят. После долгого молчания происходит в установленной форме разговор, касающийся сватовства, и, в случае благоприятного исхода переговоров, сваты угощаются, поздравляются и затем расходятся. Свадебные празднества начинаются после того, как жених, в сопровождении родных и знакомых, явится в палатку невесты. Тогда невеста с провожатой садится на верблюда своего жениха, и брачный поезд с пением, пляской и стрельбой из ружей возвращается на место стоянки шатра жениха. На утро, при выходе новобрачной из палатки, брат ее режет овцу, и начинается пир, продолжающийся до семи дней. Невеста получает от жениха приданое. Если жених беден и не может уплатить вено, то совершение брака откладывается иногда на несколько лет, пока условленное вено не будет сполна выплачено.

«Как у народа кочевого, скотоводство составляет самое главное занятие и богатство бедуина. В числе разных животных лошади ценятся выше других пород домашнего скота, особенно лошади чистокровные арабские, ценящиеся иногда в несколько тысяч рублей. Пороdistые лошади употребляются только во время войн и набегов, так как они отличаются не только быстрым бегом и выносливостью, но и необыкновенной понятливостью и чутьем, способным открыть неприятеля, скрывающегося в засаде. Из других животных у бедуинов обычны верблюды и овцы, доставляющие молоко и шерсть, а также ослы и мулы, служащие для обыкновенных рабочих нужд кочевника. Орудия домашних производств остаются у бедуинов до сих пор первобытные.

Отчасти развлечением, отчасти промыслом для бедуинов служит охота, которая производится при помощи собак и соколов. В недавнее время бедуины начали понемногу заниматься земледелием, – явление, замечаемое и среди туркестанских кочевников, киргиз.

Торговля производится домашними продуктами и бедуину особой прибыли не приносит: как у нас, в Средней Азии, кочевник-киргиз находится всецело в руках оседлого торгаша сарта, так и оседлый араб усердно и безжалостно обирает простодушного бедуина. Бедуин не знает действительной цены продаваемого ему товара, не дорожит и своими продуктами, а этим пользуется смелый торгаш, рискнувший заехать в степь для своей плутовской торговли. Но бедуин не огорчается и до некоторой степени утешает себя полученными от заезжего торговца новостями, до которых он, как и другие обитатели степей, большой охотник.

У бедуинов для распространения новых вестей всегда находятся

охотники, которые развозят новости с необыкновенной быстротой, – опять черта, вполне сродная нашим киргизам.

Гостеприимство особенно ценится среди бедуинов: они защищают и берегут даже имущество гостя и не допускают, чтобы ему была причинена какая-нибудь обида. Гость шейха становится гостем всего рода. Чтобы давать возможность путникам пользоваться столь дорогим в пустыне отдыхом и покоем, бедуины по ночам зажигают «огни гостеприимства», а в холодное и дождливое время привязывают к своим палаткам собак, чтобы их лаем указывать путешественникам на кров гостеприимства. Словом, как бы ни был беден бедуин, он должен принять гостя в своей палатке, накормить его, чем может, и предоставить ему покойный ночлег. Соответственно состоянию и общественному положению, самыми почетными гостями у бедуинов считаются амиры и шейхи; за ними следуют влиятельные по своему богатству арабы, а ниже всех считаются пастухи. Гостя бедуины отличают даже по тому, на каком животном он приехал – на лошади, на муле, или на осле. Первый пользуется большим почетом, хозяин мула занимает среднее место, а приехавший на осле – последнее. Каждый гость должен прежде всего обойти вокруг «палатки гостеприимства», и этим показать уважение к хозяину и его роду, а затем уже входить в саму палатку. К прибывшему гостю сходятся все наличные и свободные от занятий бедуины и стараются оказать ему помощь и внимание. В палатке расстилается ковер, стелются подушки, и гость садится на почетном месте; ему приносят молоко, яйца, сыр и, если гость, подкрепивший свои силы, продолжает еще сидеть, то это значит, что он желает воспользоваться и ночлегом у своего хозяина. Тогда все бедуины, принадлежащие к данному месту и племени, заявляют о своей готовности накормить гостя ужином. Гостю, принявшему угощение, никто не может причинить какую бы то ни было обиду; даже убийца, вошедший в палатку убитого, считается неприкосновенным для лиц, имеющих право мстить за убитого, по крайней мере до тех пор, пока убийца находится в «палатке гостеприимства».

Но рядом с гостеприимством, у бедуинов удержались до настоящего времени набеги на неприятелей и считаются не разбоями, а наоборот – делом геройским, похвальным. Набеги служат естественной школой, в которой бедуин развивает ловкость и приобретает почет за свое удальство. Такая черта в нравах бедуинов поддерживается взаимной рознью различных племен бедуинских и их характером. Каждый бедуин, уклоняющийся от участия в набеге на неприятелей, подвергается насмешкам, а бежавшего с поля сражения даже и жена не принимает в

свою палатку. Набеги у арабов являются общим делом целого племени, и представитель племени становится естественным предводителем нападающих. Возвратившихся победителей женщины приветствуют радостными криками, а захваченная добыча поступает в раздел между участниками нападения, причем предводитель получает пятую часть. Только лошади, отбитые у неприятеля, не подлежат дележу, а остаются в руках тех, кто захватил их. Если же набег окончится неудачей, то женщины встречают побежденных бранью и возбуждают к новому набегу, чтобы удовлетворить чувству мести. Женщины бедуинов нередко сами принимают участие в набегам ряду с мужчинами, и своим присутствием ободряют нападающих и перевязывают им раны. Иногда более отважные бедуинки, даже девицы, принимают личное участие в схватках с неприятелем, и тогда победительницы получают право на самого видного жениха²⁵³.

Характер и нравы древних арабов

Характер древних арабов, как и других некультурных народов, отличался резкими противоречиями. Под влиянием почти недоступных границ, у арабов развилась любовь к независимости и свободе; вместе с любовью к свободе и независимости соединялась грубость нравов; гостеприимство, чисто патриархальное, уживалось с грабежами; при чисто рыцарской щедрости проявлялась жадность к чужому добру; чувство личной и родовой чести побуждало их к ожесточенной кровной мести; наконец, несмотря вообще на низкий уровень умственного и нравственного развития, у них процветала безыскусственная поэзия, отличавшаяся многими самобытными красотами.

Историки обыкновенно отмечают только очень немногие черты народного арабского характера, как хорошие, так и дурные, вследствие чего характеристики их не дают цельного впечатления. А между тем древние арабы жили своеобразной жизнью и поддерживали особенности своего быта в течение многих столетий²⁵⁴, пока, наконец, не утратили некоторых своих природных черт под влиянием Ислама, которому они же дали жизнь и силу.

Чтобы яснее и полнее представить себе характер древних арабов, нужно прежде всего иметь в виду, что они были симиты и, живя патриархальной жизнью, близкой к природе, не умели сдерживать своих пылких чувств, подчиняясь своим природным влечениям. К ним, как симитам по происхождению, может быть приложена общая характеристика симитических народов²⁵⁵. А по сравнению с современными азиатскими народами, древние арабы несколько напоминают собой туркестанских кочевников-киргиз, или туркмен, условия жизни которых и степень духовного развития близко подходят к быту и развитию древних арабов.

Как все семиты, арабы отличались вообще здравым смыслом, практическим складом ума, но вместе с тем обладали глубоким чувством, были впечатлительны и живы до страстности. Отсутствие искусственной, утонченной культуры предохранило их от тех ненормальностей и уклонений в физической и духовной жизни, с какими мы встречаемся в истории цивилизованных народов. Тело и дух арабов находились в естественной гармонии: в здоровом теле у них была и душа нормальная, т. е. не извращенная неестественными пороками, вроде утонченных пороков современного европейского общества. При сильной впечатлительности

они бывали и рассудительны, отличались задушевностью и поэтичностью; но спокойное настроение у них, как у детей природы, легко переходило в восторженное состояние. «Торжественно спокойная, по временам бурная и величественная природа пустыни отражалась на ее обитателях. Живя в однообразной стране, без резких контрастов, и в тесной связи с природой, арабы редко выделяли из своей среды выдающихся людей, потому что распределение духовных дарований у них было большей частью равномерное. Редко появлялись среди арабов талантливые личности, но зато и бездарности встречались не часто. Само название глупости означало на языке арабов, как нам кажется, не отсутствие здравого смысла, а только неправильное применение его к жизни, зависевшее от недостатка образованности, – невежество. Ни наук, ни искусств, в греко-римском смысле, а тем более в современном европейском смысле, арабы не знали; не было у них философии и утонченной схоластики, но они просто и здраво рассуждали о Творце мира, о самом мире и человеке. Религиозные воззрения их были не сложны и доступны пониманию каждого. Возражения немногих скептиков – противников проповеди ислама были грубы и детски-наивны, как об этом будет сказано нами в другом месте.

Природная отзывчивость ко всему живому у древних арабов выражалась с одной стороны в великодушии, сострадательности и гостеприимстве, а с другой – в способности нежно любить друга и глубоко ненавидеть врага и жестоко мстить ему.

Гостеприимство и великодушие к бедным и не имеющим пристанища считалось у арабов в числе самых благородных качеств, после личной храбрости. Лишь только победа погасила пламя войны, то первым долгом победителя было зажечь «огонь гостеприимства», который бы указал путнику во время ночи готовый для него стол и кров, как заметил покойный Сенковский²⁵⁶.

Образцом щедрости почитался у арабов Хатам из племени Тай. В своих стихах он так говорил своей жене: «Ежели ты приготовила мне кушанье, то добудь мне еще и товарища для обеда; один я не могу есть. Призови или соседа, или путешественника: я не хочу, чтобы после моей смерти говорили обо мне худо... Как человек может досыта наедаться, когда желудок его соседа пуст? Лучше смерть, нежели изобилие скупца, который утомленного путника без жалости пропускает мимо! Я слуга моих гостей, пока они находятся под моим кровом; только для этого одного – рабское во мне чувство. Клянусь Тем, Который один знает сокровенное и оживляет истлевшие кости, что мне приятнее угощать моих гостей и самому голодать, нежели слыть скрягой».

На основании Д'Ербело и Ганье, историк Гиббон замечает, что характер Хатама представляет полнейший образец арабских добродетелей: он был храбр и щедр, был даровитым поэтом и счастливым в своих предприятиях хищником; для его гостеприимных пиршеств жарили по сорока верблюдов, а молившему о сострадании врагу он возвращал и пленников, и добычу. Его соотечественники, из привычки к свободе, пренебрегали требованиями правосудия, но с гордостью руководствовались теми внушениями сострадания и милосердия, какие были им свойственны²⁵⁷.

Щедрость и великодушие прославляются во многих древних арабских стихотворениях²⁵⁸, а скупость порицается. «Оставь меня, мать моего Хатамэ! говорит один поэт: скупость лишает человека лучших его достоинств. Дозволь мне быть великодушным: благородная слава без пятна весьма дорога моему сердцу. Оставь меня! Мне должно исправить важные дела; священные обязанности призывают меня помогать несчастному. Вольный (бедуин) страшится только того, чтобы его гостеприимство не было осуждаемо, а путь, которым идут такие люди, есть путь добродетели. Клянусь твоей жизнью, никакая земля не тесна для таких жителей!.. Одни только пороки делают ее для нас тесной». Другой поэт говорит: «Я поклялся, чтобы, когда мрачная ночь окружает мою юрту, никогда не скрывать огня своего от странника. Друзья! Пусть огонь ярко пылает у нас, чтоб всю ночь светить нуждающемуся путнику; пусть к огню нашему приближается всякий честный человек, которого одолели голод и усталость. Если он потом захочет со мной познакомиться и спросить, как меня зовут, я громко возведу ему имя мое. Весело провел я ту ночь, в которую удалось мне принять гостя и предложить ему лучшие свои яства, которых я не выигрываю в кости»²⁵⁹.

Но вот пример выдающегося великодушия арабов уже времен Мухаммеда: однажды в Мекке жители заспорили, кто среди них великодушнее всех. Для сравнения были названы три мекканца. Первый из них, Абдалла, сын Аббаса, дяди Мухаммеда, собрался в дальний путь и уже занес ногу в стремя, когда услышал жалобную мольбу: «Сын дяди посланника Божия! Я – странник и нахожусь в нужде». Абдалла немедленно слез, отдал страннику своего верблюда и кошелек с 4000 золотых монет, а у себя оставил только саблю. – Другого щедрого мекканца нуждающийся застал в постели, но слуга его немедленно вынес просителю кошелек с 7000 золотых монет и прибавил: «это – все, что есть из денег у моего господина, но вам дадут еще верблюда и раба». Хозяин, когда проснулся и узнал о случившемся, то похвалил своего верного слугу

и дал ему свободу, но слегка упрекнул, зачем слуга не разбудил его, чтобы он сам мог вручить бедняку милостыню. Третьим щедрым мекканцем был слепой Арибах. Он спешил на молитву, опираясь на плечи двух своих рабов, и его просили о помощи бедному. «Увы! Воскликнул он: кошелек мой пуст, но вы можете продать этих рабов... Если вы этого не сделаете, я все-таки откажусь от них». После того он оттолкнул от себя рабов и ощупью стал пробираться вдоль стены, опираясь на свою палку²⁶⁰.

О жене самого Мухаммеда рассказывается, что она была очень трудолюбива, знала кожевенное и башмачное мастерство, которыми продолжала заниматься даже и тогда, как стала супругой посланника Божия, а прибыль от своих трудов раздавала бедным. Когда Халиф Омар подарил ей пенсию вдовы пророка в 12 тыс. диргемов (примерно 2500 р.), она прикрыла деньги сукном и сказала одной из своих подруг: «засунь руку под сукно, захвати горсть золота и отнеси бедным». Она продолжала таким образом раздавать деньги до тех пор, пока под сукном осталось всего 85 дирг. (около 17 руб.). В другой раз Халиф Омар послал ей из казнохранилища пять платьев, но она выбрала из них одно, в которое назначила обернуть ее тело по смерти. После ее смерти у нее не осталось никакого имущества, кроме хижины, в которой она жила... Эту хижину родственники ее продали Халифу Уалиду за 50 тыс. диргемов²⁶¹ (т. е. за 10 тыс. руб.).

Чтобы понять чувство любви арабов к женщине, нужно иметь прежде всего в виду страстность арабов²⁶² и отсутствие в их характере какой бы то ни было склонности к аскетизму. Отшельничество мало находило последователей среди арабов, и аскеты не были популярны среди этого народа. Истинный сын Аравии, основатель ислама, прямо высказался в Коране, что жизнь монашескую христиане выдумали сами²⁶³. Подобно евреям, арабы не любили налагать на себя никаких телесных лишений и не отказывались от радостей семейной жизни; безбрачная жизнь казалась им противоестественной и, наоборот, иметь много жен и детей считалось величайшей радостью. В Коране мы находим много весьма выразительных мест, касающихся этого вопроса. Правда, и среди арабов встречались так называемые захиды (подвижники, одиночествующие), но их было очень мало и это были люди уже отжившие свою молодость и в свое время достаточно насладившиеся жизнью, может быть даже в излишестве.

Удивляться ли поэтому, если в исламе узаконено многоженство и, если, говоря о посте, основатель поучал своих последователей: «Во время ночи поста вам разрешается сношение с женами вашими: они – одежда вам, а вы – одежда им. Бог знает, что вы обманывали себя самих; поэтому

Он жалеет вас и прощает»²⁶⁴. Эта страстность, эта любовь к женщине не могла не высказаться и в песнях древних арабских поэтов. «Никакое мучение, говорится в сборнике «Хамаса», не равняется мучению любящего, хотя бы он и вкусил приятнейшую награду любви. Его томят то желанья, то боязнь разлуки, и он всякий час плачет. Удастся ли его любезная, он вздыхает во след ее; подле него ли она, – тут овладевает им страх, чтоб не ушла. Краснеют глаза его, когда она удаляется от него; горят, когда она возвращается». Или: «Я был силен, как герой, доколе разлука не раздула в моем сердце горячих углей; мне представлялось, что продолжительное блаженство прежних дней умалит мою любовь. Но сердце мое так жаждет нового свидания, как иссохшая земля, после первого весеннего дождичка, ожидает другого. Я томлюсь желанием видеть раскрашенные руки любезной, черные локоны, золотые ее ожерелья и белые щеки... Прелестна стройность ее! Перлы должны бы украшать шею, но не они дают ей блеск, а сами от нее блеск получают. О красная девица! Ты так делала меня счастливым, что сердце мое плавало в неге, подобно дикому голубю, купающемуся в ночной росе». Поэт Ааша, живший уже во время Мухаммеда, так воспевал свою любезную Хорейру: «Настала минута сказать Хорейре – прощай! Племя ее выступает в путь, чтобы перейти на другое пастбище. Но достанет ли сил произнести ей: «прощай?». Как ослепительна белизна ее чела! Как длинны и густы ее волосы! Как блестят ее зубы! Медленна и спокойна ее походка, как шаг коня, пораненного в ногу. Когда она идет из юрты своей соседки, то величественно колеблется, подобно облаку, которое тихо плавает в воздухе. При каждом выступе, слышится звук бряцающих привесок, которыми украшены ее бесчисленные косы, звук, подобный издаваемому семенами ветром колеблемого ишрика. Она не из числа тех девиц, которых ненавидят подруги, потому что никогда не ищет она подслушивать их тайны. Она сложена так нежно, что для нее тяжело даже посетить свою соседку. Когда она немного поиграет со своей подругой, то все тело ее приходит в трепетание. Едва я видел ее, тотчас и полюбил: но, увы, она пламенеет к другому, который расточает любовь свою перед иной красавицей! Любит и меня также другая девица, но я к ней нечувствителен. Так делим мы все одинаковую участь; так чувствуем все мучения любви, и каждый попадает в те же сети, которыми сам опутывал других». – Поэт Антар говорит своей возлюбленной: «Я думаю о тебе, когда даже неприятельские копыя утоляют во мне свою жажду и острые клинки купаются в моей крови. Меня веселят мечи, когда ударяют друг о друга, потому что они сверкают тогда, как твои блестящие глаза, когда ты

улыбаешься»²⁶⁵.

Характерна новелла, записанная немецким ориенталистом д-ром Вецштейном во время его пребывания между бедуинами Сирийской пустыни в смысле характеристики арабов вообще и в особенности их любовных отношений. «Один шейх, по имени Бени Калидит пользовался величайшим уважением у своих соплеменников, но, «когда Бог захотел свергнуть Бени Калида», счастье изменило ему. Его место заступил другой шейх, «перед которым плясал весь мир, так как он имел блистательный успех». Это несчастье побудило его оставить родину, и он вместе с женой, сыном и остатком имущества отправился отыскивать далеко на востоке страны, где не было-бы ни одного человеческого существа. Он уже приближался к цели своего путешествия; но тут встретил человека, который тотчас же прицелился в него из ружья, Калидит крикнул ему: «кто ты?». Этот ответил: «Я тот, кого ты видишь, а ты кто?». Араб не любит при чужих людях называть свое имя, родину или племя, потому что часто подвергается из-за этого опасности. Калидит возразил: «я тот, кого ты видишь, у меня меч, у тебя ружье; с мечом трудно тягаться против человека, вооруженного ружьем». Другой спросил: «Что привело тебя сюда?». Калидит ответил: «Клянусь Богом, мой сын, что ничто, кроме невзгоды обычной в наше время». Тогда человек, вооруженный ружьем, опустил руку, потому что с ним случилось то же, что с Калидитом, и он спросил последнего, какого он племени. Этот ответил: «Клянусь Богом, дорогой товарищ, я калидит на ссору или ласку» (т. е. теперь я назвал себя; увидим друг ли я твой или недруг). «Значит мы враги! Воскликнул другой, я шеммарит; но пустыня ставит преграду между людьми, которые дорожат своей честью; теперь объясни мне, что привело тебя сюда». Когда калидит окончил свой рассказ, оба уговорились отправиться вместе в одну и ту же долину. Калидит позвал своего сына и сказал: «Дитя мое, я встретил шеммарита и, хотя он был прежде нашим врагом, но мы подружились и переночевали вместе. На следующий день я спросил его: сколько у него детей, и он сказал мне, что имеет дочь; на его вопрос о моих детях, я объявил ему, что у меня также дочь, и мы решили сойтись в том месте, где мы встретились.

Поэтому я хочу одеть тебя как девушку; могу ли я положиться на тебя? Будь на стороже и не говори дочери шеммарита пустяков! Если она тебя поцелует, то ты не целуй ее; если вы будете спать вместе, то не снимай своего платья. Девушки купаются в воде, но ты не должен купаться в ее присутствии! Слышишь ли, что я говорю, сын мой, нужны ли дальнейшие увещания?». Сын по имени Хаббас, возразил мне: Отец мой

ты можешь положиться на меня».

Свидание состоялось в назначенном месте; дочь шеммарита подбежала к мнимой дочери калидита и поцеловала ее в виде приветствия; затем обе девушки повели одновременно своих верблюдов на пастбище, а вечером легли вместе спать. Шеммаритянка сняла свое платье и (по обычаю кочевников) легла голая в постель; при этом она сказала своей подруге: «сестра разденься!». Эта ответила: «Я не стану раздеваться, потому что всегда сплю в платье». Дочь шеммарита стала разговаривать со своей подругой и поцеловала ее, но та не ответила на ее поцелуй. На следующее утро девушки, напевая вполголоса, подоили верблюдиц, после этого каждая взяла кусок хлеба, села на своего верблюда, и обе отправились в путь, в сопровождении верблюдиц, которых заманивали песнями, пока не достигли потока. Здесь они сошли на землю и разговаривали друг с другом, сидя у воды, между тем, как животные паслись на лугу. Когда стало припекать солнце и наступил полдень, дочь шеммарита сказала: «Сестра, если ты хочешь, то будем купаться и вымоем одна другую! И когда эта отказалась, то она воскликнула: «Умоляю тебя объясни мне, почему ты не хочешь купаться?». Калидитянка ответила: «Сестра, у меня был меньшей брат; он вошел в воду и утонул, с тех пор я боюсь погружать мою кожу в воду». Дочь шеммарита пошла купаться; когда она сняла свое платье, то другая девушка отошла от берега и повернулась лицом к пустыне. Шеммаритянка пожаловалась однажды родителям на свою подругу: «Что это значит, сказала она, когда я целую ее, то не получаю от нее поцелуя? Разве от моего рта дурной запах, что она не может поцеловать меня; я снимаю свое платье, она ложится спать, не раздеваясь; я купаюсь, она не хочет купаться. Родители ответили: «Милое дитя, быть может она стыдится; это часто случается».

Так все шло благополучно довольно продолжительное время. Но тут случилось однажды, что Бог ниспослал на них разбойников, и те завладели их стадом. Обе девушки закричали: «Помогите, у нас отняли стадо!». Отцы услышали их крик, оседлали коней, отправились в путь и настигли стадо; девушки бежали за ними вслед. Они закричали неприятелю: «Эй вы, всадники, выдайте нам «окла» («Окла» означает выдача известной доли добычи, которая обыкновенно возвращается обратно, если разбойники, сделавшие набег, убеждены, что те, которых они ограбили, должны погибнуть от голоду). Предводитель шайки хотел возратить им десять штук скота, затем еще шесть, «ради красоты обеих девушек». Ограбленные находили это недостаточным, между тем, как грабители со своей стороны в виду «мельничих дорожного запаса» (т. е. своих жен, сестер и пр.,

которые на ручных жерновах намолотили им муки в дорогу), находили, что честь не позволяет им дальнейшую добровольную выдачу ограбленного имущества. Вследствие этого завязалась горячая борьба, которая долго оставалась нерешенной. Но шеммарит и его друг уже начали изнемогать. Хаббас видя, что они слабеют, не мог долее удержаться; он поспешил к своей палатке и на бегу сбросил с себя одежду, так что на нем осталась одна женская рубашка. Его мать стала ему седлать жеребца, взнуздала его и принесла меч, пистолеты и красный плащ; дочь шеммарита подошла к ней и спросила: «Ты седлаешь этого жеребца, где же всадник? – «Он сейчас придет, ответила мать, ты увидишь его собственными глазами». Пока они говорили, поспешно вошел юноша и его мать громко крикнула «Загрута!» (крик ликования). Высоко на лошади красовался он перед Хамдой (так называлась дочь шаммарита) и сказал ей: «Ради твоих глаз Хамда!» (т. е. я иду на борьбу и смерть из-за твоих глаз); крикни Хаббасу «Загрута!». Она ответила: «Брат мой, кто это Хаббас?». – «Твоя бывшая подруга, ответил он, ты видишь, что это был юноша, а не девушка». – Тогда громко раздался крик «Загрута!» сопровождаемый ржанием коня, и жажда битвы закипала в груди юноши; он бросился на врагов с криком; «На счастье Хамды, иду на добычу коней!». Он разбил неприятеля, захватил четырех коней и освободил стадо.

Хамда с тех пор страстно полюбила Хаббаса; он был не менее влюблен в Хамду. Отец из боязни за невинность своей дочери тайно уехал с ней; отец Хаббаса также принужден был вернуться к своему племени, ради сына, который не мог долее оставаться вблизи опустевшего жилища бывшего соседа. Здесь он снова достиг прежнего значения. Но Хаббас все думал о Хамде, перестал есть и пить и, наконец, должен был слечь в постель. Слезы и стоны были единственным утешением юноши, пока его не посетил однажды Хосен, с которым он некогда побратался; этот вызвался соединить его с возлюбленной, говоря, что будет легко устроить это дело с Божьей помощью. После восьмидневной верховой езды днем и ночью, они достигли племени Шеммар и стали наводить справки о семье Хамды. К несчастью оказалось, что они приехали накануне помолвки Хамды с ее двоюродным братом Али. Но Хосен сумел и тут дать совет и выручить из беды. Ему усердно помогала в этом сестра Али, которая была посвящена в историю любви Хамды. Отец Хамды недружелюбно встретил Хаббаса словами: «Горе, горе мне! Да погубит тебя Бог, негодный человек! Ты решился даже здесь преследовать меня! Если бы я увидел тебя до соли (т. е. прежде, чем ты вкусил соли в моей палатке), то поистине твоя голова пала бы на этой земле!». Но гнев отца Хамды прекратился, и он «убоялся

сатаны», когда Хосен возразил ему: «Предоставь твоё дело Богу! Это суд Божий, который постигает не тебя одного. Благодарим небо, что до сих пор с тобой не случилось ничего худшего». Хосен умудрился, вместо Али провести Хаббаса в палатку, где должна была праздноваться свадьба. Добродушный Али выказал благоразумие. Он сказал своей двоюродной сестре: «Я отказываюсь от тебя. Скажи мне наедине, чего ты желаешь; даю честное слово, что тебе бояться нечего». Она возразила ему: «Али, я желаю одного, быть женой Хаббаса, гостя нашего соседа»; после чего она рассказала все, что произошло между им и ей от начала до конца. «Если ты не хочешь погрешить против меня, добавила она, то знай, что я желаю быть с Хаббасом, потому что я принадлежу ему всем сердцем и никому другому, кроме его. Бог не отнимет у тебя жизни, не отнимай и ты у меня Хаббаса». Али снизошел к ее просьбе и сказал: «Бог не лишил меня великодушия!». И он был с избытком вознагражден за это. Когда он проводил молодых на родину Хаббаса, то ему удалось здесь познакомиться и жениться на девушке, которая никому не уступала в красоте и любезности. Это была Гизна (прекраснейшая), сестра Хосена, которая, услышав об его поступке, влюбилась в него. В доказательство своей любви она заботливо расчесывала ему волосы, мыла голову и очищала его плащ от насекомых. Обоим было всего приятнее, когда никто не приходил к ним и они не видели ни одного человека. Таким образом Хосен выдал свою сестру за знатного человека. Рассказчик заключил свой рассказ следующим образом: «Когда Али вернулся домой с девушкой, такой же красивой, как Хамда и кобылой, подаренной ему Хаббасом (в виде вознаграждения) к нему собрались соплеменники и приветствовали его. Он рассказал о почетном приеме, оказанном ему Хосеном, Хаббасом и их племенем и о полученных подарках. «Лошадь, сказал он, подарена Хаббасом, девушка, сестра Хосена». Присутствующие сказали: «Бог свидетель, ты достоин этого!». Затем они напились кофе и разошлись по домам. Мы оставили их в благополучии и блаженстве. Да пошлет Бог счастливую жизнь нашим слушателям!»²⁶⁶.

Идеалом совершенства у арабов считались более духовные, чем телесные качества; арабы всегда ценили в человеке духовную мудрость, а не внешние мирские доблести, что особенно подтверждается позднейшей историей. Мусульманское государство в Аравии создано было Мухаммедом, который считал себя «пророком», а не полководцем и если не совершенно забыты, то стоят на втором плане, тогда как имена богословов, ученых и поэтов известны и пользуются величайшим

уважением. А некоторые полководцы прибавляли к своей воинской славе, еще славу миссионера, какими были Кутейба и мн. другие. Это особенное уважение к личным духовным качествам человека до такой степени утвердилось в исламе, что даже и в настоящее время в мусульманских странах нет «аристократов» в европейском смысле слова, а есть окруженные необыкновенным почетом представители религии и знания («шейхи, муджтахиды, казии, мударрисы, ишаны»). До какой степени велико уважение массы к этим лицам²⁶⁷, можно судить тому, кто имел случай видеть это своими глазами, в Туркестанском крае, особенно при встречах уважаемого ишана и тем более во время его похорон. Сама идея власти соединяется у мусульман с понятием о представительстве в религии. Всем известно, что на Кавказе Шамиль назывался у мусульман не предводителем войска, а ученым казием и имамом, т. е. предстоятелем на молитве, хотя для нас русских он был предводителем повстанцев, с оружием в руках отстаивавших свою независимость. И после, при Мухаммеде и его приемниках войны арабов велись под знаменем религии.

Любовь к свободе и независимости были прирождены всем арабам, особенно – кочевникам (бедуинам). Каждый бедуин смотрел на себя, как на самостоятельного царька (Дози и Мюллер) и если такой независимый обитатель Аравийских пустынь признавал себя «рабом», то только Божьим, как это видно из собственных имен арабов до-Мухаммедова времени (Раб-Манажа, Раб-Солнца и Раб-Аллаха). У южных арабов эта отличительная особенность характера арабов, под влиянием более развитой гражданственности проявлялось слабее.

Из такой обособленности личности древних арабов объясняется также их резкий эгоизм, под влиянием которого они преувеличивали собственные достоинства, – и жадность, которую часто сопровождала расточительность.

Вследствие сильной впечатлительности, арабы были с одной стороны способны к состраданию, гуманности и глубокой любви, а с другой стороны отличались склонностью к ненависти и мстительности. Кровная месть известна была древним евреям, которым было предписано очищать землю от пролитой крови кровью пролившего ее²⁶⁸; и у древних арабов кровная месть поддерживалась силой предания и векового обычая. Для совершения мести существовали правила, от которых никто не смел отступить. И Мухаммед «сын арабов» не мог отрешиться от этого жестокого обычая, не отменил его, а только смягчил. В Коране от имени Божия возвещено арабам: «вам предписана месть за убитых: свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину»²⁶⁹. Но в другом месте

сказано: «те, которым нанесена обида, могут отомстить сами за себя. Отплатой за зло пусть будет соразмерное зло. Но кто простит и примирится, тому награда от Бога: Он не любит несправедливых. Тем, которые отмщают за обиды, нанесенные им, не следует доходить до излишества»²⁷⁰... Неисполнение исконного обычая – отмщать кровь убитого кровью убившего – налагало тяжелую ответственность на родственников убитого; поэтому древние арабы остерегались при встречах на дороге сообщать друг другу свои имена и свое происхождение из боязни случайно обнаружить, что предок одного был убит предком другого и что тогда на одного из них ляжет долг кровной мести. Каждый араб, или, по крайней мере, каждая семья, была судьей в своих собственных делах и мстительницей за нанесенные оскорбления. Оскорбление, в какой бы форме не наносилось, никогда не забывалось; обиженные нередко выжидали случая к отмщению не только месяцы, но целые годы. «В мести жизнь для вас» укоризненно замечено в Коране об арабах, современных Мухаммеду²⁷¹. Кто не мстил, тот считался бесчестным. Араб произносил обет не умываться, не обрезать ногтей, не бриться, не входить под кров своей палатки, пока не отомстит своему врагу. Когда поэт Амруль-Кайс был изгнан своим царственным отцом из родительского жилища за свое соблазнительное поведение и случайно услышал во время одной попойки, что отца его убили в восстании, то не прервал веселого пира своего. Но на другой день, когда оправился, поклялся не касаться жены и не пить вина до тех пор, пока не выполнит долга кровомщения... Затем, желая узнать приговор судьбы, он вынул из пучка стрел у идола Дзуль-Халясы одну. Но на ней оказалась надпись «запрет». Тогда он с гневом бросил эту стрелу в лицо идола и воскликнул: «Если бы у тебя был отец, и если бы его убили, то ты не запретил бы отмстить за него» ...

Мстить за убитого был обязан ближайший родственник²⁷². В «Хамасе» в одном стихотворении дядя, умирая от ран, завещает племяннику своему отомстить за себя²⁷³: «Вон там в ущелье, на утесе Саль, лежит труп бездыханный: на кровь его не падает и роса. Еще расставаясь, наложил он на меня ношу, и как ни веска она, а не будет мне в тягость: «племянник унаследует обиду мою кровавую, – смел он, туго опоясан и готов на бой; смотрит в землю как змея лютая, брызжет ядом злым, что ящер черный». Пала на меня эта заповедь, заповедь важная-преважная, так что все прочее пред ней трень-трава, ничто. Судьба-злодейка отняла у меня благородного товарища, что уж никогда бывало не покинет друга. В мороз он пригревает, как солнышко, в летний зной – он

словно тень прохладная. Сухощавый сам, он всем щедро делился с близкими, не был сух на руку, – человек решительный и резкий. Выйдет он в поле, – с ним мчится и удаль богатырская; приляжет где на покой, – с ним тут же отдыхает и храбрость. Дать ли что кому, – он плодотворен, как дождик; напасть ли на кого, – он неукротим, как лев. Дома носится бывало в длинном плаще, расчесав черные волосы, а на войне – просто рыщет волком шершавым. Две были у него охоты – мед и желчь, но эти две стоили зато всех прочих. Верхом на ужасе выезжал он всегда один; спутником ему был острый меч и никто более! – Около полудня пустились мы в поле, скакали напролет всю ночь и отдыхали только, сбив неприятеля, сами остры как булат и с острым же булатом в руке, что сверкнет молнией, когда выхватишь его из влагилица. Зато и отплатили же мы недругу! Немногие ускользнули от нас из целых двух родов. Я настиг их врасплох, – храпят, клюются во сне носом, – очнулись – и бежат врассыпную. Если племя Худаиль доконало теперь дядю, то часто ведь и он хорошо подчивал Худаилей; не раз он запирал их где-нибудь в хлеву, гнилом и влажном, где подпревает у коней копыто; да часто посещал врагов и на дому, сперва резал, а потом грабил сколько душе угодно. Я тоже вдобавок ко всему прочему пожар теперь Худаильсже шатры. Не поленился нагадить, только стало бы им не в мочь тошно. Сколько раз поил я вдоволь свое копые и, напоив, вел на новое опять пойло. – Ну, теперь дозволено нам снова запретное вино! Не легко завоевали мы себе это наслаждение, завоевали только с помощью молодых коней, да острых мечей и копей... Услади же нас теперь запретное в полную опять волю. Савад-бен Амр, подливай-ко мне! Томит жажда, как только вспомню я о дяде. А Худаиль подносит теперь к устам чашу смертную; горе, стыд и посмеяние на дне ее! Над трупами их хохочет, небось, гиена, и волк щерит на них зубы от радости. Их топчут и пожирают благородные коршуны, а потом, наевшись досыта, тяжело уж машут крыльями.

Когда сам поэт погиб в одной схватке, то скорбь по нем матери отозвалась в двух следующих стихах: «О, если б бедное мое сердце успокоилось за тебя хоть на один час! О, если б и теперь судьба постигла меня в твое место!».

Иногда кровомститель даже презирал голову непосредственного убийцы, а избирал себе в жертву самого лучшего и почетнейшего человека из той семьи, членом которой он был оскорблен. Чувство мести тогда осложнялось и кровомщение оканчивалось истреблением целого семейства, если только родственники убийцы не успели примириться с родственниками убитого. Семейная месть иногда переходила в племенную

и притом по побуждениям очень мелкого свойства. При кочевой жизни древние арабы могли нередко сталкиваться между собой просто из-за пастбищ и таким образом ко времени появления Мухаммеда почти все арабские кочевые племена перессорились между собой. Арабское предание насчитывает 1700 битв за все время «неведения» т. е. язычества арабов, хотя Д'Ербело упоминает о 1200 битвах. Из этих усобиц древних арабов наиболее характерны две следующие²⁷⁴.

В конце 5 века по Рождестве Христове могущественнейшим человеком во всей Аравии считался Кулейб, сын Рабига, представитель сильного племени Бену-Таглиб, занимавшего тогда, вместе с родственным ему племенем Бену-Бекр, весь северо-восток полуострова. Перед славой Кулейба, даже Асир, сын Худжра, отступал на второй план, несмотря на то, что отец последнего, незадолго перед тем, образовал из бедуинов центральной Аравии сильную коалицию – союз Кинда. Род Кинда, едва только достигший гегемонии, лишился ее опять на некоторое время, так как большинство союзных племен согласились подчиниться верховенству Кулейба, который с того времени столь сильно возгордился, что его самомнению, казалось, не было границ²⁷⁵. Он был женат на Джалиле из родственного племени Бекр, и братья ее со своими ближайшими родственниками дружили с Кулейбом. Рядом с его палаткой поселился один из шуринов, Джессас, к которому приехала в гости родная его тетка Бесус. Чуждая обоим коленам (Бекр и Таглиб), она могла пользоваться покровительством своего племянника Джессаса. Вслед за ней прибыл вскоре земляк ее, некто Сагд, и остановился также у Джессаса. Сагд привел с собой верблюдицу, кличкой Сараб. Находясь под кровлей, а стало быть и защитой Джессаса, Сагд выпускал свою верблюдицу на пастбище, где ходили и стада Кулейба. Однажды Кулейб обходил ограду выгона и случайно заметил жаворонка, сидевшего в гнезде. Птичка испуганно вскрикнула и затрепетала крыльшками. Кулейб был тогда в хорошем настроении и сказал: «Чего боишься? Ты и твоё гнездо находятся под моим покровительством! Поверь, никто не посмеет тебя тронуть». А когда, немного спустя, он снова проходил по тому же месту, то заметил след верблюда, и яйца жаворонка растоптанными. Вернулся Кулейб домой сердитым. Когда на другой день, вместе с Джессасом, обходил он пастбище и увидел верблюдицу Сагда, то догадался, что это она раздавила яйца, и кликнул Джессасу: «Смотри у меня! Я кое-что подозреваю. Если узнаю доподлинно, то приму меры, чтобы эта верблюдица никогда более не ходила с моим стадом». – Сильно не понравилась Джессасу резкость тона родственника, и он самоуверенно ответил: «Клянусь Создателем, она

вернется сюда опять, как было и прежде» ... Слово за слово, –поднялась ссора. Кулейб стал грозить, что если он еще увидит верблюдицу Сагда, то пронзит ей стрелой вымя. – На это Джессас ответил в запальчивости: «Попробуй только ранить ее в вымя... Мое копье не замедлит тогда пробить тебе позвоночный столб». А сам, между тем, погнал верблюдицу прочь. Кулейб вернулся домой очень мрачным и жена его Джалила (родная сестра Джессаса) заметила сразу, что что-то не ладно. Стала его расспрашивать, допытываться, в чем дело... Наконец он произнес мрачно: «Знаешь ли ты такого, кто бы осмелился защищать любимца своего наперекор мне?». Она отвечала, недолго думая: «Едва ли кто на это решится; разве вот брат мой Джессас». Кулейб сказал, что он сомневается в этом. С его языка сорвалась едкая насмешка по адресу шурина, но насмешка не осталась без ответа. Тогда с обеих сторон послышались грубые перекоры...

После этой вспышки, однажды Кулейб вышел опять поглядеть на верблюдов, которых в это время вели на водопой. – Впереди шли Кулейбовы верблюды, но верблюдица Сагда (Сараб), находившаяся в стаде Джессаса, рванулась вперед и бросилась к водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при этом, что это животное принадлежит чужестранцу. Показалось гордому шейху, что так случилось нарочито; все это штука Джессаса, подумал он. Тогда Кулейб схватился за лук; натянул тетиву, и стрела прободила вымя верблюдицы. С криком понеслась Сараб прямо в стойло, к палатке Джессаса. Приезжая тетка его Бесус все это видела и вознегодовала, горько сетуя на нанесенный ущерб собственности ее родственников: «О позор! О поношение! Гостя моего обидели!» голосила она в надежде, что Джессас отомстит за нанесенную ее гостью обиду. Напрасно старался Джессас успокоить тетку обещанием богатого вознаграждения; Бесус день за днем не переставала преследовать племянника насмешками и упреками, что гость под кровлей его не может найти защиты, которую всякий честный человек обязан сказывать даже чужому, принятому в дом. Не выдержал наконец Джессас и разразился проклятиями: «Замолчишь ли ты, наконец, женщина! Завтра будет убит один, и погибель его для племен Бекра и Таглиба обойдется дороже твоей верблюдицы!». Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейх подумал было, что дело идет о его верблюде-любимце и порешил в уме жестоко отомстить, если шурина осмелится убить этого верблюда. Но Джессас думал о самом шейхе Кулейбе и стал подстерегать его. Однажды, когда Кулейб вышел без оружия, Джессас бросился за ним и крикнул ему: «Берегись, я убью тебя!» – «Иди же вперед, если ты не лжешь», отвечал

ему хладнокровно Кулейб. От непомерной гордости он считал непозволительным для себя даже обернуться к противнику. Джессас напал на него сзади и всадил ему копье в спину. Кулейб упал на землю, а Джессас бросился бежать. В это самое время отец убийцы, окруженный старейшинами колена Шейбан, племени Бену Бекр, сидел возле своей палатки. Увидев стремительно прибежавшего сына, старик воскликнул: «О Боже! Джессас совершил, должно быть, что-то ужасное!». Затем он спросил сына: «Что с тобой?». Сын прошептал: «Я убил... Кулейба». Старец возмутился: «Так один ты и будешь в ответе, сказал он. Я тебя свяжу, чтобы дать возможность домочадцам Кулейба убить тебя! И все же истинно говорю, прибавил со вздохом старик, никогда более племена Бекр и Таглиб не соединятся на хорошее дело, вследствие предательской смерти Кулейба. Горе нам! Что ты наделал, Джессас? Ты умертвил главу народа, разорвал узы единения, факел раздора бросил в середину племен!». Но Джессас не угомонился, а продолжал хвастаться тем что совершил. Отец связал его и повел в палатку, куда позваны были старейшины всех колен племени Бекр. Старик начал свою речь так: «Делайте, что хотите с Джессасом. Он убил Кулейба. Я его связал. Нам остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщение и не потребуют выдачи его». Но представители рода не пожелали и слышать о выдаче убийцы. Прав он или виновен, честь рода требовала защищать его всеми средствами против преследователей. Так был порван тесный союз родственных племен и началась кровавая бойня. Иногда она затихала, заключалось на некоторое время перемирие, даже образовывались временные союзы, для отражения общего врага; но вражда не прекращалась в течение 40 лет. Наконец обе стороны утомились, и заключен был мир.

Не менее замечательна и другая братоубийственная распря между родственными племенами, возникшая приблизительно около 560 г. по Р. Хр. И поводы к ней представляют также характерные черты старинных нравов Аравии. В то время заселяли центр полуострова большие группы племен, под общим названием Бену Кайс. Между ними самым выдающимся было поколение Бену Ратафан. В свою очередь Бену Абс и Бену Зубьян (подразделения племени Гатафан) пользовались наибольшим почетом. Благодаря общему происхождению, оба они жили в тесном единении. Старейшиной у Абс был Кайс, сын Зухейра, у которого был знаменитый скакун Дахис. Раз как-то один из двоюродных братьев Кайса посетил старейшин племени Зубьян. Ему показали многих лошадей и стали, в присутствии его, чрезмерно восхвалять превосходные качества кобылицы Габра. Гость стал доказывать, что не сравнятся ей с Дахисом.

Возникли горячие споры, кончившиеся тем, что побились об заклад, которое из этих обоих животных быстрее на скаку. Решено было выставить с обеих сторон заклад по десяти верблюдов, которые назначались в награду победившей стороне. Не особенно понравилось Кайсу. Когда ему рассказали о случившемся, так как он предчувствовал, что хорошего не много выйдет из спора. Знал он прекрасно, что за народ Зубьяниты, старейшины которого славились насилием и несправедливостью. Поэтому он сам отправился на место стоянки соседей, с твердым намерением отступить от пари. Но владелец Габры, некто Хузейфа и его брат Хамаль, оба старейшины, люди сильно заинтересованные в этом деле, наотрез отказали Кайсу. Они стали доказывать ему, что если шейх не желает пустить свою лошадь на перегонки, то этим он сознается, что проиграет и, стало быть, обязан выдать десять верблюдов. Эти безумные речи окончательно взорвали Кайса. «Нет, никогда я не думал, что могу проиграть», заговорил он. «Но, по-моему, ежели уж биться об заклад, так по крайней мере на большее пари». После долгих переговоров и споров порешили на сотне верблюдов. Дистанцией назначили сто полетов стрел (около 3 миль). Кайс и Хузейфа, владельцы лошадей, передали на руки избранного ими сообщника третьего лица по сотне верблюдов. Двое суток они не поили своих лошадей, а возле цели, куда должны были добежать скакуны, вырыли яму и наполнили ее водой. Та из лошадей, которая первая утолит свою жажду из водопоя, так согласилась обе стороны, будет считаться победившей. В заранее определенный день, большие толпы зрителей из обоих племен собрались на место ристалища. Гораздо более, разумеется, было Зубьянитов так как место состязания назначили на их территории. По данному знаку пустили лошадей одновременно, и обе лошади поскакали с быстротой ветра, так что Кайс и Хузейфа, следовавшие верхами за ними, вдоль ристалища, не поспевали за скакунами и все более и более теряли их из виду. В начале, пока Габра бежала по заранее утрамбованному Хузейфом, нарочито для своей лошади, пути, она шла несколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла в песчаную, Дахис стал заметно выказывать большую резвость и выдвинулся на значительное расстояние вперед. Давно уже обе лошади скрылись из глаз своих владельцев. Приближались они уже к цели, и Дахис был далеко впереди, как вдруг из подготовленной коварным Хамалем засады, выскочили два Зубьянита. Сильными ударами по ноздрям заставили они шарахнуть лошадь в сторону и дали этим полную возможность прибежать Габре первой к водопою. Но в числе зрителей нашлись такие, которые возмутились при этой недостойной сцене и когда

подъехали Кайс рядом с Хузейфом, то Кайсу тотчас же передано было, каким образом помешали его скакуну одержать неоспоримую победу. Он сумел, однако, подавить свой гнев. Абсов было немного, и Кайс обратился, по-видимому, хладнокровно к Хузейфу и Хамалю со следующей речью: «Дети Багида! (так звали общего прародителя обоих племен). Несправедливость ужаснейшее зло между братьями. Советую вам, возвратите нам то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же, по крайней мере, ту часть верблюдов, которая нам принадлежит». – «Никогда этого не будет». – «По крайней мере, дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнивших водой водопой». – «Одного или сотню – это все равно: этим самым мы признаем вас за победителей, а этого от нас не дождетесь. Мы не считаем себя побежденными».

Напрасно пробовал один из Зубьянитов, благомыслящий человек, устранить угрожавший разрыв предложением взаимных уступок. Все его старания не привели ни к чему, и Кайс удалился со своими, глубоко убежденный в том, что его самым постыдным образом провели. Пылая мстостью к обманувшим, он, воспользовавшись первым благоприятным случаем и умертвил одного из братьев Хузейфа... Тотчас возгорелась братоубийственная война между обоими племенами, продолжавшаяся, по преданию, 40 лет²⁷⁶. В нескончаемой резне пали под рукой самого Кайса, один за другим, двое из братьев Хузейфа и сам Хамаль; но пали и многие из числа знатнейших племени Абс. Обе стороны были уже истомлены продолжительной враждой, а тени убитых не давали им покоя, потому что кровь смывается у арабов только одной кровью. Наконец, среди племени Зубьян отыскались два мужа возвышенного сердца – Харис Ибн Ауф и Харис Ибн Синан, решившиеся примирить родственные племена с помощью великой личной жертвы. Они подсчитали убитых с обеих сторон и пришли к заключению, что остается известное число, кровь которых еще не отомщена... Кодекс чести у арабов допускает оплачивать убийство выкупом в пользу родственников и домочадцев убитого, и иногда, хотя весьма редко и неохотно, дети пустыни соглашались на подобную сделку. Но теперь все ощущали потребность помириться, и каждый охотно согласился на предложение вышешепоименованных лиц – уплатить, по соглашению, известную сумму родственникам, в форме соответствующего числа верблюжьих голов. 3000 лучших животных пришлось защитникам мира раздать, чтобы достичь предполагаемой ими цели. В глазах жадных арабов это было поразительным актом великодушия и щедрости, даже со стороны самых жадных из них. Таким образом можно было, наконец,

добиться замирения, хотя до самого последнего момента можно было опасаться, что вот-вот возобновится снова жесточайшая резня. Один только старик Кайс Ибн Зухейр, из-за злосчастного жеребца которого возникла вся эта распря, уклонился от мира, хотя в душе и одобрял мир. «Я не в состоянии выносить взгляда ни одной из Зубьяниток», признавался он. «Нет почти ни одной меж ними, у которой бы я не убил кого-нибудь: отца, брата, мужа или сына». Поэтому он удалился со своими ближайшими родственниками за Ефрат, к родственному племени Бену Намир, кочевавшему среди поселений месопотамских христиан. По преданию, он перешел в христианство и кончил мирно жизнь отшельником в далеком Омане, на юго-востоке Аравии²⁷⁷.

Иногда достаточно было прозаического или поэтического рассказа, напоминающего о прежних отношениях враждебных племен, чтобы возбудить между их представителями ожесточенную усобицу, хотя при этом древний обычай требовал от враждующих соперников равенства возраста и сил, числа и оружия. Только в четыре священные месяца (Мухаррам, Раджаб, Дзуль-каада и Дзуль-Хиджа) арабы прекращали свои взаимные междоусобицы, а иногда и ссоры с иноземцами. В эти месяцы арабы влагали свои мечи в ножны и строго сохраняли перемирие. Иногда, впрочем, спокойствие священных месяцев нарушалось, и тогда арабы переносили мир на следующие затем месяцы своего лунного года²⁷⁸.

Шищничество, разбойнические набеги на соседей и на караваны, почти непрерывные междоусобные войны вполне объясняются постоянной жизнью арабов в пустыне. «Пустыня, говорит Мюллер, предъявляла к личным качествам каждого араба наивысшие требования, причем успехом пользовались только люди, особенно одаренные природой»²⁷⁹. Игн. Гольдцигер²⁸⁰ замечает, что «жизнь древних арабов представляла резкую противоположность с жизнью арабов исламского периода. Средоточием социальных понятий аравитян было сознание общего происхождения отдельных арабских племен. Поэтому слава одного племени в сравнении со славой другого размерялась по славе предков; на ней основывалась претензия целого племени и каждого в отдельности на уважение и авторитета. Слава предков, когда дело касалось чувства собственного достоинства, занимала у древних арабов выдающееся место. Эта слава имела для араба такое значение потому, что он убежден был в наследственности как телесных, так и душевных качеств. Добродетель предков арабы сравнивают с прочным, высоким зданием, созданным для потомства, зданием, разрушить которое было бы поздно. С другой стороны, распространяя худые слухи о предках противника или его

племени, этим самым навлекали подозрение на достоинства его самого. Таким именно способом можно было наиболее уколоть самолюбие гордого араба. Поэтому ссоры и междоусобия отдельных племен сопровождались у арабов обоюдными насмехательствами, в которых исчислялись обыкновенно позорные черты характера и прошлого того племени, с которым велась борьба, но в тоже время восхвалялись достоинства собственного племени. Для составления подобных сатир арабы нанимали поэтов из другого племени, если не было своих, и иногда за довольно высокий гонорар. Своеобразная сатира имела важное значение во времена усобиц арабов и могла иметь роковое влияние на положение племени среди арабского общества. Так, например, во время спора между Таглебитами и Бекритами из-за одного источника в пустыне (в 6 в. по Р. Хр.) защитником прав Таглебитов был выбран поэт Амру-бен-Кольсум²⁸¹, а защитником прав Бекритов – поэт Харис. Каждый из них восхвалял в стихах добродетели своего племени и укорял противника в трусости и насилии: Амру-бен-Кольсум восхвалял Таглебитов за то, что они всегда оставались независимыми и не преклоняли своей главы, подобно Бекритам, под иго соседних властителей²⁸². Защитник Бекритов, поэт Харис, язвительно упрекает противника в беспристанной неверности данному слову и в пустом хвастовстве; напоминает о многих поражениях Таглебитов, за которые они не отомстили; говорит, что победы их были случайны, что они употребляли их во зло и, наконец, обращается к их защитнику, поэту Ибн-Кольсому: «О ты, который клеветает на нас Амру! Долго ли устоит твоя ложь? Не думай, чтобы твои нападения имели какую-нибудь силу против нас. И прежде тебя, другие враги много худого взводили на нас; но от всей их злобы защитили нас твердьни и наша незыблемая слава, которая во многих уже возбуждала зависть и всегда поражала дерзавших покушаться против нас. Если постигали нас неудачи или несчастья, это все равно, как будто ниспадали они на высокую и мрачную гору, которая, вершиной прорывает облака и со спокойным видом неподвижно отражает от себя все дерзкие удары. Вы многих оставили неотмщенными, а мы воздали вам за все. Вы хорошо нас узнали, когда все поколения кровожадно устремлялись одно против другого; когда каждое колено находилось в непрерывной тревоге; когда и храбрейшие не смели жить на равнинах, а трусливым не помогало и бегство. Оставьте притворство и высокомерие, они только увеличивают вашу неправоту»²⁸³.

В заключение этой главы приводим краткое описание современного быта бедуинов, бедность которых поражала туркестанских хаджиев:

«Мы миновали палатку за палаткой, оставив за собой много

оборванных бедуинов и пасущихся верблюдов, когда, наконец, проводник указал нам на группу жилищ, из которых два или три казались более обширными, чем остальные, и сообщил нам, что наш ужин в эту ночь (день клонился к вечеру) будет отнесен на счет этих жилищ. «Адтауид» (т. е. благородные люди), прибавил он для ободрения нас перспективой прекрасного приема. Разумеется, нам оставалось только положиться на его благоусмотрение, и через несколько минут мы находились возле черных, сделанных из козьего волоса, покрывших шатра, где жили наши предполагаемые хозяева.

«Оттуда вышел начальник и обменялся несколькими лаконическими словами с проводником. Последний подошел к тому месту, где мы остановились в ожидании, отвел наших верблюдов на некоторое расстояние от шатров, поставил их на колени, помог нам развьючить их, и когда мы разместились на песчаной отлогости против жилищ племени, посоветовал нам зорко смотреть за своим багажом, так как между нашими хозяевами могли находиться хищники и воры, несмотря на то, что это были «адтауид». Мы покорились своей участи и уселись на песке, в ожидании дальнейших результатов переговоров нашего проводника.

«Несколько времени нас оставляли в покое, хотя и заметили. Группа арабов собралась около наших спутников у двери шатра, делая им всевозможные вопросы, в особенности относительно нас и нашего багажа, который был предметом большого любопытства, чтобы не сказать жадности. Затем наступила наша очередь! Начальник, его семейство (за исключением женщин), его блестящая свита и около двадцати других молодых и старых мужчин подошли к нам и – после короткого приветствия на бедуинский манер – уселись перед нами полукругом. У каждого была в руках крючковатая палка для понукания верблюдов, которой жестикулировали во время разговоров и играли в промежутках. Младшие члены этого общества, менее говорливые, вежливо употребляли свой досуг на то, чтобы таращить на нас глаза или делать грязные шарики из песка и разбрасывать.

«Но как мне описать их разговор, их вопросы и ответы, их манеры и жесты? Здесь вы можете видеть человеческую натуру на низшей или почти на низшей ступени ее. Один валяется, растянувшись на песке, другой концом своей палки проводит бессмысленные линии, третий скалит зубы, четвертый задает бездельные или дерзкие вопросы, или отпускает шутки, рассчитанные на остроумие, но в действительности грубые до крайности. Между тем мальчишки лезли вперед и прерывали старших без малейшего уважения или внимания.

«И, однако, во всем этом нет никакого действительного намерения быть грубым, никакого желания надоесть; совсем напротив; они искренно желают понравиться своим гостям, не стесняясь их; мало того, готовы оказать им добрую услугу, которую могут, но только не умеют приняться за дело. Если они нарушают все законы приличия и вежливости, то просто по невежеству, а не с каким-нибудь злым намерением; по временам они показывают признаки значительного врожденного такта и смьшленности; в тоже время, несмотря на все непостоянство, свойственное людям, не привыкшим ни к каким нравственным или физическим стеснениям, у них проявляются основные черты мужественного и великодушного характера. Их недостатки неразлучны с состоянием их цивилизации; выкупающие эти недостатки качества, составляют их собственность. Для лучшего уяснения читателю характера туземцев, я приведу образчик разговора с бедуинами.

«Что вы такое? Чем вы занимаетесь?» – таково обычное начало разговора без всякого предисловия. На это мы отвечаем: – «Лекарь из города Дамаска и занимаюсь тем, что Богу угодно будет поставить на нашем пути». Затем следует вопрос о нашем багаже; кто-нибудь ощупывает его палкой, чтобы привлечь внимание, и говорит: «Что это такое? Нет ли у вас каких-нибудь вещиц, чтобы продать нам?» – Мы осторожно отклоняем предложение о продаже. После нескольких бесплодных попыток, они наконец отстают от своих требований. Другой, страдающий каким-нибудь телесным увечьем вроде, например, высохшей руки или совершенно слепого глаза, – просит лекарства, которое, по его мнению, тотчас же восстановит совершенно его здоровье и возвратит целость его телу. Я вежливо отклоняю просьбу. Он настаивает; я избавляюсь от него шуткой.

«Иэ, уалейд! Т. е. «молодой парень!». Так они называют каждого человека мужского пола от восьми до восьмидесяти лет безразлично. – Не наполнишь ли ты мою трубку?» говорит один, который заметил, что моя трубка занята, и который несмотря на то, что он имеет порядочный запас сухого табака в тряпке, привязанной к его грязному поясу, считает минуту удобной для попрошайничества, после того, как оказалось невозможным получить ни товаров, ни лекарства.

Но проводник, сидящий среди круга, делает мне знаки – не соглашаться. Поэтому я отклоняю просьбу. Однако мой проситель не отстает; его примеру следуют двое других, из которых каждый подставляет мозговую кость с проделанным с одной стороны отверстием, которая исполняет должность трубки, или обькновенный в этой пустыне

ноздrevатый камень, нечто вроде первобытной пенки, превращенный в курительный снаряд неуклюжего вида.

Так как они становятся дерзкими, то я притворяюсь рассерженным, чтобы разом покончить с ними. – Ах, бедуины! Мы ваши гости, а вы не стыдитесь выпрашивать от нас?

– Не обращайтесь внимания, извините этих невежд, не воспитанных шутов и проч. – вмешивается один сидящий рядом с начальником, одетый несколько лучше большинства личностей, составляющих собрание.

– Не желаете ли вы населить трубку для своего маленького брата? – прибавляет сам начальник, доставая свою трубку с самым скромным видом.

Язык бедуинов, подобно большинству восточных языков, изобилует довольно красивой образностью, и слово населить значит здесь наполнить. Проводник дает мне знак – исполнить просьбу; я беру горсть табаку и кладу ее на длинный рукав рубашки просителя; тот завязывает ее и лицо его сияет необычайным удовольствием. По крайней мере, их легко удовлетворить, этих бедуинов.

В подобных разговорах проходит час. Некоторые встают и уходят, другие усаживаются, каждый делает свои замечания или расспросы, и мы имеем полную возможность познакомиться с их характером, наклонностями и обычаями.

Начальник, добыв себе запас табака, что, – не ошибаясь можно сказать, – было главной целью его посещения, ушел в свою палатку отдать приказание насчет угощения. Вскоре потом мы увидели кучку праздных личностей, собравшихся несколько на заднем плане, что служит признаком, что на этом месте убивают барана или верблюда для вечернего пира. Вслед затем мы видим труп животного, распростертый у угла шатра, который будут разрезать несколько операторов среди толпы, глубоко заинтересованной этим процессом, потому что весь лагерь будет участвовать в пиршестве, приготовленном по случаю прибытия гостей.

Мы остаемся теперь одни, так как стряпня – дело слишком важное для того, чтобы какой-нибудь праздный сосед мог при ней не присутствовать. В Европе говорят, что излишество поваров вредит бульону; но здесь процесс стряпни слишком прост для того, чтобы ее можно было испортить. Развести огонь под огромным котлом, который никогда не чистится, вскипятить воду и затем бросить в нее куски убитого животного, чтобы они кипели в своем собственном, не снятом жире до тех пор, пока они не сварятся на две трети, – вот все кулинарное искусство и *pes plus ultra* бедуинского пира.

Однако, это требует некоторого времени: огонь, разведенный на открытом воздухе, действует не так быстро, как в печи и кухне; а большие массы мяса не скоро могут быть доведены до приблизительно съедобного состояния. Поэтому уже звезды появились на небе и ночной ветер охладил песок, прежде чем необычайная суматоха между присутствующими и внезапно появившаяся туча искр показали, что котел снят наконец с камней, служивших очагом. Вода была вылита, мясо свалено беспорядочной кучей в огромную и очень грязную деревянную чашу, и в таком виде, без всяких других прибавок или приправ, поставлено на земле на полпути между нами и палатками.

Начальник или какой-нибудь полуодетый юноша из его семейства подходят к нам с обычным «тефаддалу» т. е. сделайте милость принять наше приглашение. Мы приближаемся к чашке, но прежде чем мы занимаем места, толпа со всех сторон бросилась уже к общему центру притяжения и большой круг молча ждет уже сигнала для начатия пира. Этот сигнал подается начальником, который снова повторяет формулу приглашения, и проводник и мой товарищ добывают большой кусок полусырого мяса, и таща за два противоположные конца, разрывают его на более удобные для еды куски. Тогда все бросаются к мясу. В чашке копаются более тридцати немытых рук и через какие-нибудь пять минут кости, обглоданные слишком начисто для того, чтобы представлять большую поживу для тощих собак, стоящих кругом и ожидающих своей очереди, составляют все, что остается от пира.

– Отчего ты не ешь?.. Ешь, принимайся-ка за работу. О, сто приветствий вам, достойные гости, – беспрестанно повторяет нам хозяин, пролагая нам путь своим собственным хорошим примером. При этом я должен заметить, что если бы на нашем месте был сам султан, то и ему не было бы предложено более разнообразного или отборного угощения по той простой причине, что Шерарат не имеет ничего лучшего.

Затем вода, с сильным аммиачным запахом, – ходит в круговую в чем-то вроде маленького ведра, которое в Англии нашло бы для себя надлежащее место у морды жеребенка. Тем не менее, в то время, как мы пьем этот священный напиток, наш ближайший сосед говорит «хена», т. е. доброго здоровья. Он говорит это в виде вежливости и вместе намека, чтобы и ему был передан сосуд.

Затем мы удаляемся на песчаный склон к своему багажу, потому что у бедуинов, при их первобытном образе жизни, не принято спать в шатре хозяина. Малый размер жилища, где толпится семья всех полов и возрастов, и где нет никаких разделений на отдельные комнаты, вполне

объясняет и оправдывает этот обычай, который не имеет ничего общего с недостатком гостеприимства.

Ночной воздух в этих пустынях дышит жизнью и здоровьем. Мы спим крепко; нас не тревожит мысль о раннем пробуждении для дальнейшего похода, потому что и люди, и лошади одинаково имеют нужду в отдыхе в течение суток²⁸⁴.

Религиозные верования древних арабов

Как видно из предыдущих глав настоящего исследования, арабы, прежде чем сложиться и обосноваться в отдельную этнографическую группу, пережили долгий период взаимного смешения потомков Ноя – Хамитов и Семитов, – к которым позднее присоединились потомки Измаила, сына Авраамова от Агари. Так образовались на Аравийском полуострове: арабы первичные, арабы вторичные и арабы-измаилиты. Эти последние были ближайшими ко времени Мухаммеда жителями Аравии, среди которых более рельефно сохранились основные черты арабского типа и к которым основатель ислама приспособлял свою теократию, увековечившую за Аравией историческое значение родины Мухаммеда и колыбели ислама.

Вследствие близости Аравии к Сирии и Палестине и древних завоевательных стремлений Вавилона и Ассирии и особенно вследствие религиозных волнений, происходивших в Персии и Византии после объявления христианства господствующей религией в западной и восточной половинах Римской Империи, на Аравийском полуострове с давних времен находили себе пристанище и убежище исповедники разных религий до-христианского мира, верования которых должны были оказывать влияние на туземные верования коренных обитателей страны. Следы этих иноземных верований в неодинаковой степени отразились и на учении Корана: в одних случаях – в форме очевидного заимствования или подражания, а в других – как неясные намеки или только указание на существование таких верований в Аравии. Подтверждением этой мысли служат определенные тексты Корана, в которых перечисляются исповедники иноземных культов, существовавших в Аравии во время Мухаммеда, с которыми он входил в личное непосредственное соприкосновение и относительно которых счел нужным высказать окончательный приговор, чтобы их пример не смущал более последователей ислама. Так, он говорил от имени Божия: «Мы ниспослали Коран в явное знамение того, что Бог ставит на прямой путь того, кого хочет. Истинно, в день воскресения Бог сделает разбор между верующими (т. е. христианами), иудействующими, сабеями, назарянами (т. е. христианами), магами и многобожниками»²⁸⁵. Из этого текста Корана видно, что во время Мухаммеда в Аравии были последователи шести различных по существу религиозных культов: язычники-многобожники (коренные жители Аравии), исповедники новой религии – ислама, последователи

христианства и иудейства, огнепоклонники (маги) и звездопоклонники (сабейсты). Нужно при этом иметь в виду, что под именем назарян и иудеев в Аравии были известны не только исповедники истинного христианства и иудейства, но более еретики, последователи иудейско-христианских сект, почему Берилл, епископ Бострский называл Аравию «изобилующей ересями» (haevesem Jevax). Изолированная от соседних стран по своему географическому положению, Аравия при господствующем религиозном индифферентизме самих арабов, как многобожников, давала возможность представителям чужеземных религиозных культов укрываться в ее пределах от преследователей врагов и беспрепятственно совершать религиозные обряды. Несомненно, что, при постоянных непосредственных сношениях с коренными жителями страны все эти иноверцы оказывали большее или меньшее влияние на туземцев-арабов и таким образом постепенно подготавливали удобную почву для обличительной проповеди Мухаммеда и для создания новой формы богопочтения (ислам), как она выразилась в Коране и Сунне. Это была простая, несложная по существу и форме эклективная религия, рассчитанная на средний уровень полудикого араба, семита по духу и нетребовательного кочевника по образу жизни. – «Нет божества, кроме Бога единого, и Мухаммед – посланник Божий» – таков символ ислама, для запоминания которого не требовалось усилий памяти, а для понимания – напряжения ума; каждый простой, неграмотный араб легко затверживал это краткое изречение и каждый восторженный, и размышлявший искатель Бога вполне удовлетворялся такой краткой формулой богопочтения. Все, что Мухаммед встречал в других религиях и находил непротиворечащим этому основному положению, он вносил в свою религиозную схему, иногда с критикой, а чаще без всякой критики.

Таким образом, в основу нового вероучения арабов были положены два догмата – единство Божие и посланничество Мухаммеда, т. е. его пророческое достоинство. Оба эти догмата происхождения древне еврейского и, как нельзя более, соответствовали природному складу ума и чувства арабов, как семитов. Происходя от потомков Ноя, а затем Авраама, арабы, не смотря на посторонние влияния, могли сохранить в своем религиозном сознании, представление о Боге едином²⁸⁶. Следы такого верования ясно отмечены в Коране: «Скажи: кто доставляет вам с неба и от земли потребное для вашей жизни? Кто распоряжается слухом и зрением. Кто выводит живое из мертвого и мертвое из живого? Кто управляет всем этим? Они, наверное, скажут: Бог (10:32)²⁸⁷».

Поэтому арабы обращались к Богу за высшей помощью и искали у

Него избавления от грозивших им опасностей. «Когда волна покрывает их как мрак, тогда они призывают Бога, обещая искреннее служение Ему» (31:31). «Когда вас постигает несчастье, вы к нему взываете» (16:55). «Скажи: не видит ли каждый из вас, что вы, если настанет для вас последний час, взываете к Богу, а не к другому кому-либо... к Нему вы тогда взываете, и Он, если хочет, избавляет вас от того, о чем вы просили» (6:40–41).

Арабы представляли Единого Бога верховным божеством (Алла-таала и считали его творцом небес, солнца и луны, творцом человека и верховным распорядителем жизни вселенной, как это видно из следующих стихов Корана: «Если ты спросишь их (арабов): кто сотворил небеса и землю, кто солнце и луну сделал служебными силами? – они скажут: Бог. Если спросишь их, кто низводит с неба воду и ей оживляет землю после ее омертвения? – они скажут: Бог (29:61–63). Скажи (спроси): кто Господь семи небес и Господь великого престола? Непременно скажут: Бог» (23:88–89). «Если ты спросишь их, кто сотворил их (арабов)? – они непременно скажут: Бог» (43:87). «Скажи: в чьей власти земля и то, что есть на небе? Они непременно скажут: во власти Бога. Скажи: в чьей руке власть над всеми существами, так что Он покровительствует им, а сам не нуждается в покровительстве? Они непременно скажут: в руке Бога» (27:86–87, 90–91).

Но это первоначальное верование в Единого Бога не могло удержаться среди древних арабов во всей своей чистоте и неизменности. В Коране встречается много мест, в которых Мухаммед от лица Божия укоряет своих соотечественников в неблагодарности к Единому Творцу и Промыслителю: «Ужели они не размыслили, что для них Мы сотворили то, что произвели руки Наши. Скот, которым они владеют, Мы покорили его им и они на одних ездят, а другими питаются; от него им польза и питье. Что же они не благодарны? Кроме Бога, они приняли себе еще каких-то богов, в надежде, что получать от них помощь» (36:71–74). «Многобожники говорят: если бы хотел Бог, то мы никому, кроме Его, не служили бы, ни мы, ни отцы наши; ничего не запрещали бы без Его указания. Так делали и предшественники их» (16:37).

Соответственно вере в Единого Бога, Творца человека, некоторые арабы сохранили и веру в будущую жизнь (6:92). Такие лица известны даже поименно и в их числе дед Мухаммеда Абдул-Мутталиб, который однажды сказал: «Клянусь Богом! За этим миром есть еще другой, где добрый получит награду, а злой – наказание»²⁸⁸. Но, неизвестно под какими влияниями, среди современников Мухаммеда появились

религиозные вольнодумцы, которые думали, что мир сотворен случайно (38:26)²⁸⁹ и что люди сотворены как игрушки (23:117); вольнодумцы не верили в загробную жизнь и говорили: «Ужели мы, после того как умрем и будем прахом – костями, ужели мы в самом деле будем воскрешены и будем судимы²⁹⁰? Не бывает тому, чтобы кости умерших были воскрешены»²⁹¹. В соч. г. Машанова, на основании свидетельств арабских поэтов и позднейших писателей, представлена подробная картина народных верований арабов в загробную жизнь и противоречащая этому верованию отрицательные суждения и мечтания их: «Трудно представить себе, говорит он, что-либо более запутанное, нежели верования арабов. Это разноречивое представление о всем, касающемся высших предметов религии, объясняем мы самим бытом арабов и их сношениями. Естественно, что на верованиях арабов, имевших сношения с соседними языческими народами, отразился религиозный взгляд этих последних и способствовал затемнению первичной идеи арабов о Едином Боге, а сношения с иудеями и христианами, напротив, поддерживали эту идею и даже в некоторых случаях усиливали и способствовали дальнейшему ее развитию. Среди этих многообразных, противоположных между собой, влияний язычества и христианства с иудейством сохранилась также и самобытная вера арабов – наследие их глубочайшей старины, и жила у них со всей простотой патриархальной веры. Все это взятое вместе и было причиной такого разнообразия верований у арабов, какое трудно, а может быть и невозможно, встретить у какого-либо другого народа древности²⁹².

Многолетний период последовательных метисаций должен был отразиться и на религиозных верованиях древних арабских племен. Прежде всего древняя Халдея, Ассирия и Вавилон оставили в Аравии следы своих верований, следы сабеизма, чему способствовала и физическая природа Аравии. Мало разнообразная и во многих местах пустынная Аравия более всего поражала младенствующую душу древних своих обитателей необыкновенно чистым небом, ослепительным солнцем, блестящей луной и яркими звездами. Постоянное наблюдение неизменных движений светил небесных и постоянных перемен на земле должно было, при отсутствии положительного религиозного и научного знания у арабов, наводит их слабый ум на мысль, что небо – бог, что солнце, луна и звезды – божества, достойные поклонения. Небо, как бог, почиталось в г. Саме и в Наджде (по Ленорману), а солнце, луна и планеты – у разных арабских племен. Сабеизм был так сроден с природой Аравии и столь глубоко запал в душу арабов, что и Мухаммед не мог вполне отрешиться от сабеистических представлений. Особенно в начале своей

проповеднической деятельности в Мекке он неоднократно клялся небом, солнцем, луной, планетами: «Клянусь небом, украшенным знаками зодиака; клянусь солнцем и утренним блистанием его, и луной, когда она последует за ним; клянусь планетами, скрывающимися кометами; клянусь денницей; клянусь утренней зарей, клянусь вечерней зарей»²⁹³. По преданию, он сказал однажды, что в день всеобщего воскресения Бог повелит следовать каждому за предметом его поклонения при жизни на земле, и тогда одни последуют за солнцем, а другие за луной²⁹⁴. Устанавливая часы для ежедневных молитв своих последователей, Мухаммед также не мог или не хотел совсем отрешиться от моментов восхода и заката солнца и заката звезд: «возсылай славу Господу твоему прежде восхода солнца и прежде заката его; хвали его во время ночи и при закате звезд»²⁹⁵. Запрещая поклоняться солнцу и луне²⁹⁶, основатель ислама в то же время удержал в Коране весьма важный рассказ, подтверждающий мысль о сильном влиянии светил небесных на религиозное чувство человека: «Некогда Авраам сказал отцу своему Азару: ужели ты кумиры принимаешь за богов? Вижу, что ты и народ твой в очевидном заблуждении. Вот, мы показали Аврааму царство небес и земли для того, чтобы он был в числе верно знающих. Когда покрыла его ночь, он увидел звезду и сказал: это Господь мой! Но когда она закатилась, то он сказал: не люблю закатыющихся. Потом, когда он увидел восходящую луну: то сказал: это Господь мой! А когда она закатилась, он сказал: да если бы Господь мой не руководил меня, то я был бы в числе людей блуждающих. Когда же он увидел восходящее солнце, сказал: вот Господь мой; этот самый великий! Но когда и оно закатилось, он сказал: народ мой! я чист от тех, кого вы признаете соучастниками Богу. Обращаю лицо мое к Тому, кто сотворил небеса и землю, пребывая усердным Ему поклонником; я не из числа многобожников»²⁹⁷. Этим рассказом Мухаммед как бы нехотя показал, что поклонение светилам небесным настолько естественно среди людей, не получивших Божия откровения, что даже Авраам склонен был, по первому впечатлению от света солнца и луны и от блеска звезд, признать их за богов²⁹⁸. – Тем легче могли заблуждаться в этом отношении древние арабы, не имевшие истинного руководителя в вере и богочитании²⁹⁹. Это подтверждается действительными фактами: химьяриты поклонялись Солнцу, кенаниты – Луне, лахмиты – Юпитеру, кайситы – Сириусу, асадиты – Меркурию и проч.³⁰⁰. Культ солнца был особенно распространен среди арабов, и доказательством этого служат храмы, посвященные этому светилу, разные суеверия и, наконец, собственные имена арабов. Имя «Раб солнца» (Абду-ш-шамс) придавалось

у арабов не только отдельным лицам, но и целой отрасли колена Факас из рода Асадитов³⁰¹. Этого мало: память о солнце, как о древнем божестве арабов-язычников, вошла в сам ислам, так как с другим оттенком название солнца вошло в состав уже мусульманского имени «Солнце веры» (Шамсуддин), которое встречается в настоящее время даже среди татар. Что касается почитания арабами луны и планет, то это ясно видно не только из поэтических прославлений этого светила, но и из прямых запрещений Корана поклоняться ему. Имя луны носило одно арабское племя Бяну-Галяль; химьяриты приносили луне жертвы еще в 4 в. по Р. Хр., а в Мекке, по одному свидетельству, была даже статуя луны. Изображение полумесяца перешло к туркам из Византии и до настоящего времени ставится на мечетях³⁰². Почитание разных планет было также общераспространенно среди всех арабов, причем каждое племя, смотря по месту жительства, чтит ту планету или звезду, которую чаще и ближе наблюдало. Некоторые из них были чтимы впоследствии под видимыми образами или естественных выступов скал³⁰³, или искусственных изображений. Арабы приписывали им разные влияния на явления природы и на самого человека и приносили жертвы. Так, Сатурн считался звездой несчастья, а Юпитер и Венера звездами счастья и благополучия³⁰⁴. Период сближения этих звезд считался до сих пор среди мусульман самым благодетельным для тех людей, которые зарождаются в это время. Таков был в позднейшее время знаменитый Тимур, носящий особое название «Сахибу-кыран», т. е. господин двух сблизившихся созвездий.

В данном вопросе на арабов производила особое впечатление Аравийская пустыня с ее ясным небосклоном, усеянным многочисленными яркими звездами, о чем можно судить по отзывам лиц, задумывавшихся над бытием Бога. «Бывали ли вы в пустыне, где кругом до горизонта – полная, немая пустота? Спрашивает современный созерцатель природы. Ни дерева, ни кусточка, ни хижины, ни живой твари? Нигде, как в пустыне, не замечаешь так ясно присутствия Божия: там ощущаешь его физически. Начинаешь чувствовать, что ты один, ничтожная точка, пропадаящая из собственного сознания, – а что-то огромное стоит возле, – здесь, там, повсюду, наполняет мир выше звезд. Затаиваешь дыхание, – прислушиваешься. В мертвом молчании почти слышишь что-то неизреченное и сладкое, великое, блаженное, с чем хочется слиться, и случается падаешь на землю, и жарко что-то лепечешь, орошая прах земли слезами. Вот отчего истинно религиозные люди бегут в пустыню. Они бегут к незаслоненному Богу, к обстановке, которая позволяет увериться в Нем, чисто физически. Не думайте, что для бедуинов Бог то же самое, что

для нас. Для нас это абстракция, многостепенные выборы на веру, из десятых рук, через Моисея, пророков, Христа, апостолов, мучеников, великих отцов церкви, подвижников, архиереев, священников – наконец от милых уст матери, которая – как грудью молоком – этими целующими и улыбающимися устами питала вас древним преданием о Боге, о первоисточнике жизни. Из столь подкупающей священной пропаганды мы берем на веру то, что более первобытные народы брали и берут знанием. Уверяю вас, бедуины знают Бога почти так же реально, как свои степи, стада и звездные над шатрами ночи. Они ощущают Бога, тогда как мы, загроможденные нашей чрезмерно сложной культурой, гигантскими городами, фабриками, дворцами, железными дорогами, мы утрачиваем это драгоценное ощущение, ну просто как уже почти не видим природы, как не знаем солнечных восходов, хотя и верим в них, как не знаем уже многого таинственного и прекрасного, что знали дикари и наши предки-варвары.

Теперешняя наша деревня конечно не пример; она переживает катастрофу – нашествие западной культуры, более губительное, чем монгольское иго. Татары не тронули естества народного, – Европа переваривает, претворяет русского в европейца. Хорошо или худо это – другой вопрос, но нынешняя деревня наша уже вне природы: это не девственная пустыня, а разоренная, загроможденная развалинами. Крестьянин менее религиозен, потому что он не бедуин, которому достаточно горсти фиников и чашки молока. Мужичку отдохнуть некогда. Он заторможен невероятной, чисто рабской суетой, ему подумать некогда – где же ему подметить тайное присутствие Божие, мировое молчание, что-то говорящее кочевнику? Араб – аристократ. Он не обременен работой, он лучший дар жизни – саму жизнь – тратит на благородные цели, на вдумчивое созерцание природы, на прислушивание к ясно бьющемуся для него сердцу мира, на мечты о великом прошлом. Все религии выходили из пустынь, чтобы умереть в городах. Истинная вера начиналась реальным знанием и оканчивалась отвлеченностью. Загадка древнего фанатизма евреев, христиан, магометан – в том лишь, что кочевники действительно знали Бога, и для них проповедь была делом глубочайшего убеждения, до такой степени, что одно сомнение неверных казалось оскорблением, заслуживающим кровавой расправы. Возможно ли для них отвергать такую реальность, всем очевидную? Поезжайте в пустыню – вы поймете, что я хочу сказать. Я был в пустыне и потому твердо вам заявляю: ни на секунду я не сомневаюсь в присутствии Божиим, я его ощущаю!³⁰⁵

Современный поэт подтверждает созерцательные рассуждения о влиянии пустыни на возбуждения религиозного чувства:

Наш караван стоял за Иорданом.
Пустыни даль оделась смутной мглой,
И пыльный кактус на холме песчаном
Чернел своей иззубренной стрелой.
Склонялось небо низко над землей,
И Млечный путь светящимся туманом
Через пески дорогу караванам
Указывал в мир звездный, в край иной.
Алмазов и сапфиров мириады
Горели в небе, хор небесный плыл,
И были звезды близки, как лампы.
Я видел Бога в множестве светил,
В безмолвьи ночи, в вейньи прохлады...
То Сам Господь в пустыне проходил³⁰⁶.

В. Шуф

Другой догмат мусульманского символа: – пророчество Мухаммеда – также родственно арабско-семитскому духу. Пророчество представляет собой основную форму, «в которую облекались все великие религиозные преобразования семитических народов, и является необходимым следствием монотеизма. Первобытные народы, считая себя в непрестанных сношениях с божеством и смотря на все великие явления мира физического и нравственного, как на прямое проявление действия высших существ, только двумя способами понимали влияние Бога на управление вселенной: или, когда божественная сила воплощается в человеческий образ (индийский аватар; или, когда Бог избирает своим орудием одного из смертных – (наби, семитический пророк). По семитической системе, Бог так далек от человека, что сообщения между ними могут происходить только через посредника, остающегося всегда совершенно обособленным от Того, кто вдохновляет его. Убеждение, что для Аравии должна наступить эра великих событий, означало, что в ней должен был явиться пророк, как и у других семитических народов³⁰⁷. Еще задолго до Мухаммеда в роде человеческом было много таких личностей: сам Мухаммед был послан по следам других пророков к арабам, как об этом он и заявляет в Коране³⁰⁸.

Подобно многим другим народам, арабы веровали в ангелов и разных духов. Последние окружали арабов на земле, в воздухе и в тверди небесной. Это – джинны (гении), представления о которых были

своеобразно антропоморфичны³⁰⁹.

Загробная жизнь, рай и ад не входили в религиозный кругозор арабов, так как ясного представления об этих вопросах арабы не имели, что и возвышало над ними Мухаммеда, как восстановителя древней веры Авраама и др. пророков.

В истории религиозных учений известен факт, что народные верования, не направляемые писанными кодексами (св. книги), постоянно изменяются и усложняются частью путем внешних заимствований у других народов, частью же вследствие внутреннего процесса духовного развития народа. Прирожденное религиозное чувство и сознаваемая потребность быть ближе к своему божеству, иметь его около себя, перед своими глазами и до некоторой степени подчинить себя, или по крайней мере поставить в согласие со своими интересами, послужили естественными поводами к установлению идолопочитания в форме фетишизма и идолопоклонства. Идолопоклонство составляет высшую степень фетишизма: при посредстве фетишей грубый язычник привлекает к себе божество, а при идолопоклонстве язычник вполне подчиняется божеству; обладающий фетишем подчиняет себе божество, олицетворяемое фетишем, а идол представляет собой само божество³¹⁰. Древние арабы, по указанным причинам, были частью фетишистами, а частью идолопоклонниками, на ряду с поклонниками Единому Богу, которого одни признавали по-еврейски, другие по-христиански. И если евреи, имевшие закон и пророков, нередко впадали в идолопоклонство, то тем легче было дойти до такого состояния древним арабам, не имевшим писаний и пророков³¹¹, а вместо того слышавшим о видимых богах соседних народов. Таким образом в древней Каабе стали появляться видимые изображения разных божеств, заимствованные у других народов; в разных других местах полуострова стали появляться идолы и фетиши. Число таких божеств постепенно увеличивалось в Аравии, но при отсутствии образованности у арабов³¹² многобожие их не сложилось в стройную мифологическую систему, а мусульманские писатели не считали для себя нужным и приличным вникнуть глубже в те идеи, которые лежали в основе арабского политеистического мирозерцания. Поэтому перед нами являются многочисленные божества древних арабов, не соединенные между собой общей религиозной идеей, подобно тому, как и сами арабы, расчлененные на множество племен, колен и родов, не составляли одного народа. Представление о едином верховном божестве (Алла таала), сохранявшееся в народной памяти, было слишком обще и отвлеченно для неразвитого ума арабов и потому оставалось в стороне, а

на первом плане, перед глазами, находились идолы, которым арабы поклонялись, которых чтили славословиями, которых умилоствляли и благодарили жертвоприношениями и обетами. В честь этих божеств и над их изображениями они создавали храмы; для служения им назначали жрецов и жриц. Богатство и большая степень гражданственности некоторых местностей оказывали влияние на характер самого культа, потому что это было результатом большого развития жителей. Со своими идолами арабы прощались после всех, когда уходили из дома, а здоровались прежде всего, когда возвращались в дом. Таким образом, у древних арабов были свои домашние и племенные божества, причем некоторые племена, кроме своих божеств, чтили богов и других племен.

У них были храмы в Иемене, Неджеде, Ираке и Хиджазе. Мекка, – родина Мухаммеда и колыбель ислама, – считалась центральным торговым пунктом древней Аравии, а вместе с тем считалась задолго до Мухаммеда и религиозным центром арабов³¹³. Святилище Мекки – Кааба³¹⁴ – представляло собой как бы Пантеон арабских божеств, хотя национальное предание соединило ее происхождение с именами Авраама и Измаила³¹⁵. Между тем Кааба, по Ибн-Хишаму, была с очень древних пор главным пунктом идолопоклонства арабов, и так как в ней предметом наибольшего почитания служил темно-серый камень, упавший с неба во время ее постройки. Другие арабы, выселявшиеся из Мекки, брали с собой камни из Каабы и поклонялись им на новых местах своего жительства, совершая вокруг них священные обходы (таваф), как и до сих пор мусульмане совершают обходы вокруг Каабы³¹⁶. В какой степени можно сравнивать поклонение древних арабов камням с жертвоприношением Иакова на камне в Вефиле (Быт. 35:14–16), это другой вопрос, но во всяком случае факт поклонения камням среди арабов в древнее до-мусульманское время не подлежит сомнению. (Реклю «Челов. и Земля», т. 2, стр. 91).

От поклонения простым камням совершился постепенный переход к поклонению идолам, производство которых в Аравии, при отсутствии технических знаний, долгое время не было известно. Поэтому первые идолы были занесены в Аравию из других, более культурных стран. По Ибн-Хишаму, первым идолом, появившимся в Каабе, был идол Хобала³¹⁷, изображение которого было принесено Амр-бен-Лохаем из Сирии (около 3 века по Р. Хр.). В северной Аравии почитание идолов вошло в нравы жителей ранее, так как и сношения с чужестранцами у северных арабов начались прежде, чем у хиджазцев. Неудивительно, что у некоторых арабских племен, живших на севере Аравии, т. е. ближе к древним язычествующим народам, идолопоклонство упоминается еще до

Рождества Христова³¹⁸. И это естественно, потому что на севере Аравии жили более культурные народы, чем арабы.

В разных местностях Аравии и у разных арабских племен почитались следующие главные идолы:

Хобал – самый большой среди идолов Каабы – имел подобие человека (по некоторым писателям – вид старика³¹⁹ с длинной бородой), держал в руках семь стрел, был сделан из красного коралла и имел одну руку золотую. Он был доставлен в Мекку с отломанной рукой, вместо которой корейшиты приделали ему золотую руку, что указывает на особенно большое внимание к нему со стороны корейшитов. Изображение Хобала сначала было поставлено на крыше Каабы, а затем перенесено внутрь ее. Перед Хобалом арабы гадали о своих предприятиях, вынимая стрелы, и, в случае счастливого исхода, обращались к идолу с славословием: «Да будет превознесен Хобал!». Из разных объяснений мусульманских писателей о значении имени Хобала и о соединенных с его именем верованиях с наибольшей вероятностью можно предполагать, что Хобал представлял «бога судьбы»; его именем арабы клялись в важных случаях и у него гадали. Позднейшие арабы, т. е. ближайшие ко времени Мухаммеда, отождествляли Хобала с изображением Авраама; поэтому основатель ислама, когда взял Мекку и увидел изображение Хобала, сказал: «Да поразит Бог тех, которые заставляют нашего старца бросать жребий стрелами. Какое дело Аврааму до стрел? Он не был ни иудей, ни христианин, но был ханаф – мусульманин; он не был также и многобожником»³²⁰. После этого идол Хобала вместе с другими идолами, находившимися в Каабе, был уничтожен по приказанию Мухаммеда.

В Коране упоминаются идолы: Лата, Узза, Маната³²¹, а затем: Вадд, Суваг, Ягус, Ягук и Наср³²², а в предании – Исаф на холме Саж, Найла, Манаф, Абду-Манаф – предок Мухаммеда, Абду-ль-Узза (Абу-Ляхаб в 3 гл.).

Лата (или Аль-Лата) называлась божеством в городе Тайифе, сякифитами и в долине Нахле – корейшитами; по имени Аль-Латы назывались некоторые отрасли племен и отдельные лица. В Тайифе³²³ находился храм Аль-Латы, который был разрушен Абу-Суфьяном по приказанию Мухаммеда в девятом году гиджры, причем были убиты 13 служителей, находившихся при этом храме. Аль-Лата представляла пятигранный гранитный камень, имевший в длину около 12 футов и в вышину 4 1/2 фута. Грамматическая форма имени этого божества указывает на то, что Аль-Лата была богиня, как подтвердил и Мухаммед. Относительно символического значения Аль-Латы мнения европейских

ученых сводятся к тому, что Аль-Лата олицетворяла собой Венеру³²⁴.

Идол Манаты был простым черным безобразным камнем, имевшим некоторое подобие с человеком (женщиной) этому идолу поклонялись арабские колена: Гузаиль, Хузаа, Аус, Хазрадж и жители области Ятсриба (Медина). Этот идол находился в семи милях от Медины при море. Поклонение Манате продолжалось до восьмого года гиджры, когда идол вместе с храмом был разрушен по приказанию Мухаммеда. Чествование арабами этого божества выразилось между прочим и в собственных именах некоторых арабских племен, а равно и в богатых украшениях этого идола. Подобно Аль-Лате, Маната считалась женским божеством, которому приносили в жертву животных. По мнению некоторых, Маната олицетворяла богиню плодородия, а по мнению других – богиню судьбы, и была видимым изображением богини Сириуса³²⁵.

Под именем Уззы (или Аль-Уззы) арабы колена Гатафан чтили дерево акацию, которую срубил и сжег Халид, полководец Мухаммеда, по приказанию последнего, в восьмом году гиджры. Тогда же был разрушен и храм, выстроенный в честь богини, и убита жрица этой богини. Идол Аль-Уззы находился в долине Нахла-ш-Шамийя, вправо от дороги из Мекки в Ирак. Этот идол был в почете также и у корейшитов, которые назывались арабами Аль-Уззы. Сам Мухаммед, до объявления себя пророком новой веры, приводил однажды овцу на закалывание перед этим идолом, а корейшиты, во время священных обходов вокруг Каабы, клялись Аль-Латой, Аль-Уззой и Манатой. При храме Аль-Уззы были особые стражи из колена Бену-Шайбан. Вообще Аль-Узза пользовалась у корейшитов и других арабов весьма большим почетом вместе с Аль-Латой и Манатой, как указано в Коране по мнению европейских ученых Аль-Узза была богиней луны; культ ее был широко распространен среди арабов, и Мухаммеду стоило больших усилий, чтобы уничтожить влияние этого культа среди своих соплеменников. Достаточно при этом иметь в виду, что Мухаммед однажды сам вынужден был признать религиозное значение названных трех божеств, чтобы расположить в свою пользу ожесточенных мекканцев³²⁶. Столь трудно было основателю ислама побороть укоренившееся веками и широко распространенное среди арабов верование, что он с отчаяния сам впал в грубое противоречие со своим исключительным монотеизмом и только на другой день мог одуматься и раскаяться в своем заблуждении, когда объявил от имени Божия: «Едва они льстиво не отклонили тебя от того, что дали Мы в откровении тебе, к тому, чтобы ты выдумал что-нибудь другое против Нас. Тогда они непременно считали бы тебя своим другом. И если бы Мы не укрепили

тебя, то немного бы еще, и ты склонился бы на их сторону. Тогда Мы подвергли бы тебя казни, сугубой в жизни сей, и сугубой по смерти, и ты не нашел бы заступника пред Нами» (17:75–77). Не предавая значения рассказу Корана и позднейшим толкованиям относительно происхождения идолов Вадда, Сувага и пр., отметим здесь, что все они были занесены в Аравию через Красное море (через Джедду) и что идолу Вадда поклонялись арабы колена Кальб, Сувагу – колена Гамадан (или Гюзьяль), Ягусу – колена Мазхидж, Ягуку – колена Мурад, а Насру – химьяриты.

Идол Вадда имеет вид человека огромных размеров, имевшего на плечах покров (изар) и препоясание на чреслах (рида) и вооруженного мечом и луком. Перед идолом было воткнуто копье, с привязанным к нему знаменем и колчаном со стрелами. Он был украшен серьгами и ожерельями и чествовался поднесением молока. Именем этого идола назывались арабы племен Кальб, Тай, Хазрадж, Гюзейль и Корейш, что указывает на распространенность его культа в Аравии, пока полководец Мухаммеда Халид не разбил идола во время похода в Табук (в 631 г.).

Сувагу поклонялись в области Янбо (близ Медины) и считали его женским божеством, олицетворявшим производительную силу природы. Поклонение ему сопровождалось обходами вокруг него.

Идол Ягук имел вид лошади, Ягус – вид льва, а Наср – вид орла. Трудно теперь утверждать, каких божеств чтили арабы под видом этих идолов, но во всяком случае несомненно, что арабские идолы были заимствованы от других народов: лев до сих пор входит в герб персидских царей, изображение орла было известно у ассирийцев, потом у римлян, а лошадь посвящалась солнцу, как об этом сохранилось указание даже в Библии (4Цар. 23:11).

В Мекке, в виду Каабы, стояли открыто два идола – Исаф и Найла. Древние арабы, приходившие в Мекку на богомолье, по совершении обходов вокруг Каабы, шли затем к Исафу и Наиле и пробегали с молитвенными возгласами расстояние между названными идолами. Так продолжалось до торжества новой веры – ислама, когда эти идолы были, по приказанию Мухаммеда, разбиты. Но память о поклонении им осталась и в исламе: по обрядам хаджа, мусульманские паломники до сих пор бегают рысцей между холмами Сафа и Мерва, на которых до времени ислама стояли вышеназванные идолы³²⁷.

Нельзя сомневаться в искреннем почтении корейшитов к этим идолам, которым они (корейшиты) приносили в жертву животных. Предание рассказывает, что дед Мухаммеда, Абдул-Мутталиб хотел принести в жертву перед этими идолами своего сына Абдуллу³²⁸, отца

Мухаммеда; Исафа и Найлы арабы считали действительными мужчиной и женщиной, жившими в отдаленное время и окаменевшими будто бы после блудодеяния, совершенного ими в Каабе. Затруднительно также утверждать, что древний культ Исафа и Найлы стоял в связи с верованиями сабеистов³²⁹.

Кроме перечисленных идолов, общеизвестных среди северных арабов, у южных арабских племен были свои божества, поклонение которым, в зависимости от более высокого государственного строя жизни этих племен, было возведено в государственный культ. Так, в древнем Маане был общепризнан своеобразный культ трех божеств: Аттара, Вадда и Никры; у Сабеев эта триада состояла из Аттара, Хаубаса и Аль-Макхи. Божество Аттара осложнялось поклонением матери Аттара (Умм-Аттар). В Хадрамауте более известными божествами почитались: Аттар, Син, Хаул и богиня Шамс (солнце). Катобаны поклонялись главным образом Амму, а вместе с тем Аттару, Инбалу, Варху, Хаукаму, Ил-Фахару, Нисвару и др. Некоторым из этих божеств новейший исследователь этого вопроса Гримме дает такое объяснение: Аттар – небесный свод, Шамс и Макх – Солнце и Венера, Хаубас и Варх – Луна, Рамман – гроза³³⁰. Особым почетом в Южной Аравии пользовался бог Ил, известный у разных семитических народов.

По словам Гримме, южно-арабские божества, объясняемые по значению имен, группировались в особое семейство и между разными божествами устанавливались родственные отношения. При этом божество Ил считалось мужским, а Илат – женским. С целью возвышения божества Ила над другими, оно получило форму Аллах, как верховное божество, и это имя стало наиболее распространенным ко времени Мухаммеда, который им воспользовался для обозначения единого божества, исключаящего всяких «товарищей» и «детей-дочерей»³³¹. В Сабейский период всем южно-арабским божествам усваивалось предпочтительное обитание в храмах и притом каждому отводилось известное пространство для действий и влияния. Так, Аттар-Хаджар почитался покровителем Мириба, Рамман – покровителем Маана. Тогда же образовались особые эпитеты божеств, перешедшие в Коран: Сами – слушающий, Башир – вещающий (оракул), Халим – кроткий, Рахим – милосердный, Саид – ошастливливающий и др. Некоторые названия божеств ясно указывают на материал, из которого были сделаны идола: Аттар-Хаджар указывает на камень, Талаб – на дерево, Тавр – на животное, быка. И в Северной Аравии были идола, приготовленные из различных материалов – камня, дерева, а некоторые (Хобал) изображались в образе человека.

Богочитание южных арабов и поклонение их своим божествам состояло в жертвоприношениях и обетах, а в числе жрецов были прорицания т. е. предсказания будущего вопрошавшим о том. В Маане более замечательные капища назывались мисвад (место прорицаний), а верховные жрецы- прорицатели – муссаввид; прорицания происходили в центре храма и эти места назывались маканат. Соответственно этому, божества получили имена: Алим – знающий, Башир – провозвещающий. Жертвы идолам приносились в ограде, окружавшей маканат. Для совершения жертвоприношений на особых жертвенниках существовали особые жрецы (шу). Обеты имели форму договора между человеком и божеством с целью осуществления задуманного предприятия или желания. Если исполнялось желание молившегося, то он приносил установленную жертву. У Сабеев вместо живых животных приносились «в жертву изображения животных и даже людей, что указывает на существование у древних арабов человеческих жертвоприношений. Рассказ Корана о жертвоприношении Измаила может служить указанием на это древнее время.

Праздник Хадж относится также к древним религиозным обычаям арабов; совершением Хаджа, т. е. путешествием к храму божества оказывалось почитание божеству, от которого ожидалось исполнение желаний молящегося. Совершение этого обряда было соединено с известным временем года, на что указывало название месяца – Дзуль-Хиджа.

В числе покаянных обычаев южных арабов были пост и умерщвление плоти. Эти религиозные упражнения практиковались главным образом жрецами, как очищение от грехов.

Совершение молитвы сопровождалось поясными поклонами (салла), откуда и само название арабских молитвословий салат мн. салават. Молитвенных текстов и религиозных славословий древних арабов не сохранилось. По-видимому, в отношении религиозной поэзии древний арабский культ остался неразвитым.

Заслуживает внимания та особенность в верованиях южных арабов, что некоторые из них могли еще при жизни удостоиться особой близости к божеству и войти с ним в семейное родство. Южные арабы представляли своих богов семейными группами, с отцом во главе по подобию человеческих семейных отношений. Во главе семейных отношений у арабов стоял отец, которому подчинялись: жены, дети и невольники. По отношению ко всем этим лицам отец являлся не только господином, но и защитником и мстителем за них. При отсутствии отца, его заменял дядя

или другой неженатый родственник. Равенством в правах пользовались только братья. По этому образцу и в божеском семействе бог был главным лицом, и кто хотел сделаться членом его семейства, тот должен был подчиниться ему безусловно, за исключением того случая, когда вступавший в божескую семью считался братом бога. Такие отношения напоминали отношения князей племен (амиров) между собой и сохранились в названиях божеств: Ахи-Кариб – мой брат Кариб, Ахат-Умми-Ху – сестра его матери (т. е. сестра богини, матери Аттара), или в клятвенной формуле: «клянусь братством, соединяющим Аль-Макху, царя Карибала и царство Сабу».

Сыновняя зависимость от какого-нибудь божества была в Южной Аравии более распространена, как это сказывается в примере князей, облеченных жреческим достоинством, которые обыкновенно и назывались сынами бога. Указания на такие отношения сказались и в именах сабейских женщин-жриц, например, Аби Али – мой высокий отец, Ама-Аби-Ха – рабыня отца своего. Сохранилось также выражение «Дети бога Водда», указывающее на целую группу духовных лиц, находившихся в духовном подчинении у божества Водда, как своего божественного отца.

У Сабейцев особенно было заметно стремление к смиренной преданности божеству, граничащей с рабским отношением невольников к их господину. В надписях сохранились ясные указания на торжественные посвящения себя самого и подчиненных, детей и рабов тому или другому божеству, или даже на предание себя и своих детей, и рабов вместе с имуществом известному божеству. Это божество довольствовалось, однако тем, что рабы его платили ему ежегодно известную дань, в форме скота, приводимого в храм божества, или в форме еврейской джани, или наконец – в форме посвящения имущества (вакф).

Такие отношения древних арабов к их божествам имели целью земное богопочитание, на доставление которого людям боги имели достаточно могущества и милости, как например: здоровье, исцеление от болезней, рождение детей, преимущественно мужского пола, хороший урожай хлебных злаков, фиников, винограда, избавление от наводнений, безвременных жары и холодов. При вооруженных столкновениях с врагами – к божеству обращались с мольбами о большом числе убитых и т. п. Но все желания и стремления араба ограничивались земными благами, о загробной жизни древние арабы имели смутное представление, а боги их были бессильны в борьбе человека со смертью. Большинство арабов верили в полнейшее уничтожение своей личности после смерти, а, чтобы сохранить память о своем существовании, на могиле ставился камень с

вырезанными на нем глазами и надписью, выражавшей пожелание наказания от богов и гибели за разрушение такого памятника³³².

Трудно решить вопрос, почему божества древних арабов имели различные изображения и формы; может быть, это разнообразие изображений нужно объяснять заимствованием у соседних народов. Но при описанном значении идолов в жизни древних арабов замечателен тот факт, что сами арабы не всегда были почтительны к своим божествам: когда желания и прошения, обращавшихся к ним арабов, не исполнялись, богомольцы теряли веру в могущество божества, оскорбляли его и переставали служить ему. Так, Саад привел своих верблюдов к идолу на благословение и, когда молился, верблюды разбежались. Тогда хозяин рассердился на своего бога, бросил в него камнем³³³ и с гневом воскликнул: «да не будет на тебе Божие благословение: ты испугал моих верблюдов!». Потом он собрал верблюдов и сказал: «Мы пришли к Сааду, чтобы он соединил нас, но он рассеял нас; от Бога счастья нет нам счастья³³⁴. Саад не более как пустынная скала, которая не заблуждает и не приводит к истине». Известны также случаи, когда арабы, не получившие удовлетворения от своих идолов, оставляли их и переходили в христианство или в ислам. Так, однажды к идолу Аль-Фульсу загнали верблюдицу с пастбища, и прислужник не хотел вернуть ее. Но разыскивавший пропавшую верблюдицу Малик, не взирая на угрозы стража при идоле, отвязал ее и угнал. После того другой араб Ади-бен Хатим принес жертву тому же идолу и, узнав о дерзости Малика, ожидал, какое постигнет его наказание; когда же наказания Малику не последовало, Ади сам перестал кланяться идолу Фульсу и принял христианство³³⁵. Другой пример: однажды две лисицы забежали в храм и осквернили находившегося там идола, испустив на его голову урину. Страж этого храма произнес тогда: «Ужели Господь тот, на голову которого выпускают урину лисицы? По истине, ничтожен тот, на которого испустила урину лисица... Солаймиты: Он (идол) не вредит и не приносит пользы, он не может дать позволения, не может и воспрепятствовать». Сказав это, страж храма разбил идола³³⁶. О знаменитом поэте Амрулькайсе (500–540 по Р. Хр.), желавшем мстить за смерть своего отца, рассказывают, что он, когда вынул у Дзуль-Халясы стрелу, с надписью «запрет», то рассердился на идола, переломил все гадальные стрелы и бросил их в голову идола, сказав: «Если б у тебя был отец, и если бы его убили, то ты не запретил бы отомстить за него». При этом Амрулькайс выругался неприличными словами³³⁷. Известен также случай, когда арабы племени Бену-Ханифа во время голода съели своего идола, сделанного из

теста, не убоившись дурных последствий – наказания и мести своего долго чтимого божества³³⁸. Еще один пример относится ко времени Мухаммеда, когда у Амра бен-Альджамура молодые приверженцы ислама ночью похитили идола Манату и бросили в яму с нечистотами. На утро Амр огорчился и угрожал виновным, а идола вымыл и намазал благовониями. На следующую ночь с идолом случилось то же, и Амр снова вымыл своего идола и поставил на прежнее место. Но чтобы подобное бесчестие снова не постигло Манату, Амр привесил на шею идола меч и сказал: «клянусь Богом! Я не знаю, кто так поступает с тобой; но если ты что-нибудь узнаешь, то защищайся сам: вот тебе меч!». Однако, на следующую ночь приверженцы ислама сняли с идола меч, а вместо того привесили ему на шею мертвую собаку и в таком виде бросили идола в яму. Когда на утро Амр узнал об этом, то склонился принять ислам и уже после того сложил про идола своего следующие стихи: «Клянусь Аллахом! Если бы ты был Бог, то не лежал бы с мертвой собакой в яме. Позор тому, кто обожает тебя! Мы узнали тебя теперь, и нас не обманут больше»³³⁹. Приведенные факты напоминают нам полудиких кочевников калмыков и сибирских язычествующих инородцев, которые обильно намащуют нос и рот своих идолов салом, кровью или маслом, когда взывают к ним о помощи, а когда эта помощь не получается и когда вообще прошения язычников не исполняются, тогда они сердятся, укоряют своего идола и даже наказывают нагайками. Естественно поэтому утверждать, что идолопоклоннический культ древних арабов стоял на низкой степени развития³⁴⁰.

В подтверждение этого взгляда приведем следующее место из Корана: «Они (арабы) отлагают для Бога часть из того, что производит Он на нивах их и в скот их, и говорят: это – Богу, а это – Его соучастникам, чтимым нами. Что назначено для соучастников Бога, чтимых ими, то не переходит к Богу, а что назначено для Бога, то идет к соучастникам, каких чтут они» (6:137). Толковники Корана объясняют этот стих в том смысле, что Бог менее нуждается в приношениях, чем низшие божества³⁴¹.

В виду этого Мухаммед имел полное основание воскликнуть: «как неосновательны арабы в своих суждениях!». Такая неосновательность религиозных представлений древних арабов объясняется их верованием, что идолы, т. е. олицетворяемые ими божества служили посредниками между верховным Богом (Аллахом) и человеком: «арабы, кроме Бога, поклоняются еще таким, которые ни вреда им сделать не могут, ни пользы принести не могут; они говорят: идолы – ходатаи за нас пред Богом» (10:19; 39:4) Таково было общее верование язычествующих арабов;

поэтому и сам Мухаммед проговорился в этом же смысле, когда спорил с корейшитами об Аль-Лате, Аль-Уззе и Манате. Может быть, такой взгляд на идолов был заимствован арабами от сабеистов, которые считали звезды и идолов ходатаями за людей перед Верховным Богом.

На ряду с идолами, как видимыми изображениями божеств, ходатаев за людей перед Верховным Богом, древние арабы признавали бытие существ духовных – ангелов и демонов. Ангелам многие арабские племена поклонялись и считали их дочерями Бога (17:42; 37:150; 43:18; 53:28), но вообще имели самые смутные представления о них, так что Мухаммед, знакомый с учением евреев и христиан, имел право сказать, что у арабов нет знания об этом предмете, что они следуют только мнению, которое не может нисколько заменить истины (53:29). Очевидно, что вера в ангелов была только отголоском какого-нибудь иноземного верования, занесенного в Аравию и не развилась на почве их родной мифологии.

Гораздо определеннее было верование арабов в демонов (джинн), как существ, более осязательных для человеческого понимания и более близких к земной жизни человека. В этом пункте арабы были самостоятельнее, подобно другим язычествующим народам, имеющим свою демонологию. Арабские джинны, хотя были невидимы для обыкновенных глаз, но были материальны, могли принимать не только образ человека, но и образ животных, зверей, пресмыкающихся, а также предметов и явлений физической природы. По верованиям арабов, джинны разделялись на несколько классов³⁴², жили большей частью в безлюдных местах и причиняли людям вред; отгоняли скот с пастбищ, сбивали с пути путешественников, похищали новорожденных детей и иногда женщин. Разобщенность с миром небес возбуждала в них зависть, доводящую их до дерзкой мысли: подняться в небесные сферы и подслушать тайны Бога и ангелов; но стражи неба бросали в них звездами и низвергали их в море и на землю, а некоторых совсем сжигали. Придавая некоторую телесность джиннам, арабы считали одних из них джиннами мужского пола, а других – джиннами женского пола. Джинн Залянбур имел особую специальность – производить раздор между мужем и женой. Джинн Дельхин, напоминающий своим именем дельфинов, живет на морских островах, нападает на корабли, оглушает своим криком пассажиров и тогда овладевает ими.

По мнению древних арабов, джинны невидимые существа, встреча с которыми всегда была опасна для арабов, тем более, что такие встречи происходили в пустынных и темных местах и чаще ночью, чем днем. Следовательно, верование древних арабов в джиннов не отличается

существенно от верований разных других языческих народов в злых духов, против влияния которых, язычник обычно обращался к помощи чародеев, что мы в настоящее время видим у киргиз, калмыков и др. шаманствующих инородцев России. Мухаммеда многие арабы считали одержимым джинном³⁴³ и он сам веровал во вредные влияния джиннов и одно время боялся мысли, не коснулся ли джинн и не сделал ли его бесноватым (маджнун). Потом он опровергал это нареkanie на него³⁴⁴.

Мы оставляем в стороне учение о Шайтане и Иблисе, так как учение о первом заимствовано из еврейского представления о сатане, а учение о последнем – из христианского представления о дьяволе. Мы не говорим и о разделении джиннов на верующих и неверующих, на добрых и злых, потому что такое деление принадлежит основателю ислама.

Что касается верования древних арабов в судьбу, то мы не склонны думать, что они считали ее особым божеством; это верование естественно вытекало из веры в Бога и в зависимость человека от божества, что и доказывается разными гаданиями³⁴⁵ арабов, с которыми они обращались к разным своим божествам, а также и той неопределенностью понятия о судьбе, как ее представляли арабы. Верование в судьбу указывало скорее на веру арабов в могущество их богов и в предведение их.

В заключение одно замечание относительно взгляда Ренана и др. на отношения семитов к идее о божестве. По мнению Ренана, семиты не допускали в представлении своем о Боге какого-либо расчленения и множественности, и поэтому семитические культы не отступали от древней патриархальной формы Богопочитания и т. д.³⁴⁶ В виду изложенных в этой главе фактов действительного идолопоклонства и многобожия древних арабов, означенное мнение Ренана и его последователей можно понимать и принимать только в том смысле, что семиты, как потомки Сима, сына Ноева, и в частности арабы, как потомки Авраамова сына Измаила, были более хамитов предохранены от естественного соблазна идолопоклонством соседних народов, и когда они (семиты, и в частности арабы) все-таки подпадали под такие влияния, то в их сознании оставалось представление о Едином Боге (Алла-тааля), которое находилось в полном противоречии с многобожническими представлениями тех же арабов. Справедливо замечает Мориц Каррьер, что Ренан слишком налег на излюбленную им черту духа семитов и дошел до той, более кажущейся, нежели действительной, противоположности, что будто бы арийцы – чисто многобожное, а семиты – единобожное племя..., что сама пустыня, окружающая арабов, единобожна: высокая в неизмеримом своем однообразии, она открывает человеку идею

бесконечного³⁴⁷... Разность между семитами и арийцами можно поэтому обозначить так, что среди первых религиозное чувство решительно поднялось от язычества к единобожию и что в самом даже язычестве замечалась у них преобладающая склонность к единству³⁴⁸...

Но у тех же семитов идея божества соединялась не редко, как сказано выше в главе с обожанием небесного света, Солнца, Луны и звезд, почему в Коране так часто и предостерегаются арабы от поклонения этим светилам.

Только при таком ограничении взгляда Ренана и др. можно помирить выводы современной науки о происхождении естественной религии, представленные в трудах Эд. Тэйлора, Рж. Леббока и др.

Арабский язык – язык Корана

Язык каждого народа служит выразителем его духовной жизни: это художественный образ, вызванный жизнью народа и окружающей его природы и служащий для выражения и сохранения в памяти мыслей и чувствований народа, его верований, поэзии и проч. Наш отечественный поэт, князь Вяземский, высказал это в следующем прекрасном стихе: «Язык есть исповедь народа: в нем слышится его природа, его душа и быт родной». По словам покойного арабиста Холмогорова, в языке народа всего более отражаются его мысль, его дух и его своеобразный взгляд на окружающую природу; в языке мы найдем более прямое доказательство умственных сокровищ народа и его способности к самосовершенствованию. Если сам народ беден понятиями, то скуден и язык его, как орган для выражения этих понятий: тогда необходимость заставляет прибегать к заимствованию чуждых слов, чтобы вознаградить недостаток, заметный в собственном языке, и много лет требуется для того, чтобы в замену пришло и выработалось самородное слово.

Всего этого успел избежать арабский язык, уже с древнейших времен являющийся как бы во всеоружии, чуждый всякого постороннего влияния, и до того обильный, что при переводе, например, с греческого языка, он, за немногими исключениями, мало принял в себя научных терминов, довольствуясь собственными средствами. Прошли целые ряды столетий пока сильная воля одного человека, в связи с историческими обстоятельствами, успела выдвинуть арабов – мусульман за пределы их прежде мало известной родины, доставила им преобладание в значительной части древнего мира, как в политическом, так и в религиозном смысле, особенно в последнем; настало новое время и с ним поднялись новые жизненные вопросы, иные деятели, иные стремления, – но язык арабский остался цел и невредим в устах народа, им говорящего, невредим, как живой родник, который выделяет из себя мелкие, разбросанные ручьи, мало отделившиеся от своего первообраза³⁴⁹.

В виду этого, нам представляется необходимым сказать об отличительных особенностях арабского языка, на котором обнародован Мухаммедом Коран³⁵⁰.

Арабский язык принадлежит к большому семейству так называемых «семитских» (семитических) языков, распространенных в передней Азии и северной Африке, и разделяющихся на три главные ветви; арамейскую, еврейскую и арабскую. По богатству и красоте своей эти языки находятся

в прямом соответствии с климатом тех стран, в которых жили говорившие на них народы. Арамейское наречие, употребляемое на севере, жестко, бедно, негармонично, отличается особенно тяжеловатостью конструкции, неприменимой к поэзии; напротив, арабское наречие, как южное наречие, отличается чудными богатствами³⁵¹.

На арабском языке говорили и до сих пор говорят жители Аравии, колыбели ислама. До появления Мухаммеда, арабский язык распадался на несколько диалектов, но они не отличались особенно резко один от другого и притом легко сливались в однородный язык под влиянием древне-арабских всенародных сборищ (ярмарок) в Дзуль-Маджазе (близ горы Арафата), в Аль-Маджанне и Мине (близ Мекки), в Оказе (между Нахлой и Тайифом) и в Хонайне (между Тайифом и Меккой), во время которых соблюдалось в Аравии общее перемирие, и враждующие колена, вместо нападений и грабежей, могли заявлять свои неприязненные чувства только в словесных состязаниях о славе своего племени и личных доблестях, да сатирами, выраженными в форме поэтической, часто в форме импровизации. Из упомянутых ярмарок самая замечательная происходила в Оказе; здесь и сам Мухаммед выслушивал речи христианского епископа Косса, красноречивейшего из древних арабов, стихи еврея Самуила-бен-Адия, и языческие арабские поэмы, следы которых еще можно узнать в некоторых изречениях Алкорана.

С появлением ислама еще большему объединению разных арабских диалектов помог Коран, написанный на наречии Корейшитов, главных представителей Мекки и окрестностей, и сделавшийся законодательным кодексом не только для всех арабов, но и для всех мусульман. С распространением ислама и язык Корана распространился до берегов Инда и за Аму-Дарью до Волги и Китая, процветал в Испании и северной Африке, подобно тому, как в средние века латинский язык Библии и католического богослужения распространился по всей западной Европе и за ее пределами. Было время, когда арабский язык служил не только языком религии и мусульманской науки, но и языком дипломатических сношений и даже частных писем³⁵². И до сих пор во всех мусульманских странах этот язык составляет важнейший предмет старательного школьного изучения, как основной классический язык, на котором написаны главнейшие сочинения мусульманской литературы. В мусульманских школах Каира, Константинополя, Бухары, Индии, Туркестана, Казани, Крыма, а также в знаменитых школах северной Африки этот язык занимает самое почетное место, и умение излагать на этом языке свои мысли, особенно по предметам веры, составляет высший

признак образованного мусульманина.

Арабский язык отличается от европейских языков не только своеобразным грамматическим строением, но и богатством лексического материала, особенной цветистостью, обилием блестящих метафор, придающих ему характер языка восточного, тропического, необыкновенной звонкостью и приспособленностью к созвучным (рифмованным) окончаниям.

Главную часть речи не только по значению, но и в отношении производства слов, в арабском языке составляет глагол, для выражения которого в коренной форме требуются три согласные звука³⁵³. Известной, точно определенной переменной гласных, оживляющих этот скелет глагольного корня, и присоединением к нему одной, двух или трех согласных получаются 13-ть своеобразных глагольных форм, заменяющих русские виды и залоги, от которых в свою очередь производятся именные формы и вообще производные слова. Так, например, из трех основных звуков к + т + б с гласным звуком а над каждым согласным³⁵⁴ образуется трехбуквенный глагол кятаба – писал. Удвоив среднюю коренную согласную, т. е. букву т, получим форму кяттаба с удвоенным переходящим значением в смысле: понуждал, приказывал писать, а также обучал письму. Удлинение гласного звука при первой коренной согласной (кятаба) придает глаголу значение взаимного действия между двумя лицами, а прибавление к этой форме слога та (в начале) усиливает идею взаимности в смысле переписки между несколькими лицами. Когда же к глагольному корню присоединяется спереди слог иста, то получается новый вид глагола со значением просьбы, желания исполнить действие, выраженное коренной формой глагола: истактаба значит: просить кого-нибудь написать и т. д.³⁵⁵

Подобная же своеобразность производных форм наблюдается и в именах: в арабском языке есть особые именные формы для обозначения места, времени, действия, орудия действия, сосуда для вмещения жидкости, изобилия, кратного имени. Кроме того, арабский язык располагает несколькими формами множественного числа³⁵⁶ с разными значениями от одного и того же имени: байт дом во множественном числе имеет две формы – буют дома и абъят стихи.

Арабский язык – корневой язык по преимуществу³⁵⁷ и потому почти совсем не имеет сложения слов, но за то изобилует синонимами. Для некоторых предметов и понятий в арабском языке арабисты находят целые сотни названий, например: для обозначения меча – 1000 слов, для обозначения слона – 500 слов, для обозначения змеи – 200, для

обозначения несчастья – 400, множество названий для меда, и особенно много для верблюда, именно 5744³⁵⁸. Родственные отношения имеют особые названия по мужской и женской линии и т. д. Покойный Г. С. Саблуков, говоря о богатстве арабского языка, замечает, что араб, одаренный от природы живым воображением, по преимуществу умел и успел выразить в своем языке всю живость своей фантазии, успел высказать на нем самые разнообразные воззрения на окружающую его природу: в его языке найдутся по несколько слов для каждого движения верблюда и коня, для каждого зверя, встречаемого им в пустыне, для каждой травки, для незначительного явления в атмосфере, для указания вида тучки на горизонте. Так, для слова идти или шел, означающего движение человека, можно насчитать 25 синонимов: одни из них выражают просто одно это движение; другие означают это явление с представлением времени, в которое совершается шествие, каковы: шел рано по утру, шел вечером, приходил утром на рассвете, приходил на другой день, приходил на третий день, приходил в вечернее время, шел ночью³⁵⁹. Иные указывают на движение с представлением направления в ходе различного отношения идущего человека к окружающим предметам: ушел прочь, прошел мимо, шел вдоль по дороге, переходил, обходил, вошел, вышел³⁶⁰. Некоторые глаголы с понятием шел соединяют в себе представление образа или качества поступи: гордо выступал, тихо шел, шел разваливаясь на стороны, шел размахивая руками, с трудом шел, как бы имея переломленную спину. Некоторые глаголы указывают вместе скорость или медленность движения: быстро шел, скоро шел, скоро и легко шел. В арабском языке еще много таких глаголов, которые указывают направление вверх, вниз, силу, звук при ходе. Много слов в арабском языке для названия коня по его возрасту, цвету, виду, породе. Слово гнездо птицы выражается пятью, чтобы указать и место, где гнездо свито: гнездо на дереве, гнездо на стене, гнездо на горе, гнездо, в котором птица ночует, гнездо на песке (страусово³⁶¹).

При таком богатстве слов, арабский язык есть язык более изобразительный, чем отвлеченный. Язык араба, составившийся под преобладающим влиянием воображения, включает множество таких слов, которыми обрисовывается предмет вместе с теми чертами, с какими видит его зритель в определенном его положении. Европейские языки, языки понятий, составившиеся под преимущественным влиянием рассудка, всегда анализирующего признаки или черты предмета при познании его, должны употребить несколько слов для выражения того, что араб обозначит одним словом. Так, следующие слова: «подошел к воде и, не

имея чем напиться, только смотрел на нее» у араба передаются одним джабаха. Множество таких слов в языке арабов дает их писателям, а особенно поэтам, удобство немногими словами, самой сжатой речью рисовать перед воображением читателя живые, ярко-цветистые картины окружающей их природы и жизни³⁶².

Но такое лексическое богатство арабского языка развилось в ущерб ясности и определенности смысла. «Напрасно было бы искать у семитов каких-нибудь природных стремлений к рациональному анализу, между тем как их литературы изобилуют истинными выражениями нравственных чувств, практическими афоризмами... Приходя в совершенное смущение перед этими длинными свиваниями предложения³⁶³, в которых греки и латиняне с таким искусством совмещают бесчисленные подробности одной только мысли, семиты наставляют лишь одно за другим предложения, ограничивая при этом все свое искусство просто связью и, составляющей тайну их периода и заменяющей для них почти все другие союзы. Семитические языки почти совершенно не знают искусства взаимного подчинения членов предложения. Гладкие, ровные, без расстановки слов, эти языки не ведают другого процесса построения речи, кроме нарастания идей, на манер византийской живописи. У них вовсе нет стилия. Соединение слов в предложении – вот последнее их усилие; сделать тоже с самими предложениями уже для них не по силам. Красноречие для семитов заключается лишь в быстрой смене одних за другими сильных оборотов и смелых образов: всякая тень ораторского искусства осталась для них неизвестной»³⁶⁴. Взамен стилистической стройности, речь арабов отличается яркостью образов, картинностью описаний и живостью чувства, чему особенно способствуют богатые и резкие метафоры, неожиданные сближения и противоположения и чрезвычайные, восточные, гиперболы. Все эти особенности придают арабскому языку характер языка тропического; речь араба восторженная, пылкая, как палящее арабское солнце. К этому присоединяется особенная, только арабскому языку свойственная, серебристая звучность арабской речи, еще более ласкающая слух мерными созвучиями, не только в стихах, но и в прозе. Даровитый араб, одушевленный предметом своего рассказа, может придать своей речи такой ритм, что она, по меткому сравнению Г. Саблукова, «то льется, как плавная струя потока, изредка слышного в своих всплесках, то кипит короткими, но звучными фразами, как игривый ручей, струящийся по каменистому руслу». Даже проза арабских писателей, в сочинениях исторических и в повестях, имеет свойства поэтической речи, а эта последняя называется на арабском языке

«низанием на нитку жемчужин». Европейец не может оценить своим ухом всей прелести хорошей арабской речи, но изучавшие этот язык и вникавшие в фонетический и стилистический его строй не могут не поддаваться очарованию, когда слушают хорошего декламатора. Г. Саблуков так передает свое впечатление от арабской проповеди (хутбы), читаемой в пятницу, во время полуденного молитвословия: «Склад периодов в хутбе и ввязе, произнесенных имамом, изменялся до трех раз. Первая часть их не могла бы понравиться слушателю, незнакомому со звуками арабского языка: каждый куплет, оканчиваясь гортанным звуком (гамзя), по качеству этого слога, перерывался вдруг, в то время, как выходил сильным дыханием из гортани. С переменой рифмы напев другой части был свободнее, хотя имел в основании ту же мелодию звуков. Сменивший его третий лад был более мягкий, был живой, ясный и звучный. Окончание ввяза (поучения) пелось так прекрасно, периоды звуков с повторением размеров повторялись в постоянно принятых изгибах голоса так верно, что начальная жесткость звуков забылась, гортанные звуки как бы умягчились, уподобляясь легким звукам флейты: все пение приняло выражение какой-то торжественности. Слушатели внимали звукам арабской речи, притаив дыхание: один только голос певца носился над этим как бы очарованным собранием; одни только звуки его декламаций игривой цепью вились под сводом мечети, и когда имам кончил проповедь, когда слова: Велик Бог! призывая к продолжению молитвы, изменили вид всего собрания, слух как бы искал исчезнувших звуков, еще хотелось слушать эту мелодию, приятную, увлекающую. Где же, спрашивает беспристрастный слушатель, крылась тут тайна такого влияния проповедника мусульманского на своих слушателей? – В строении, в звуках арабского языка³⁶⁵.

Чтобы получить более полное представление о характере арабской речи, приведем два отрывка в переводе отечественных ориенталистов.

Поэт Имру-ль-Кайс так между прочим описывает качества своего скакуна: «Рано утром, птицы еще в гнездах, а я уже мчусь на короткошерстой крупной лошади – грозе диких зверей. Нападая или отступая, подаваясь вперед или назад, она стремительна, подобно каменной глыбе, уносимой потоком со скалы. С ее гнедой спины спадает войлочная попона, подобно тому, как по гладкой скале скользит дождь. Она поджара и горяча и, когда разгорячится, топот ее подобен кипению котла. Она скачет во весь опор, когда другие скакуны от усталости поднимают пыль с жесткой и утопанной земли. Она сбрасывает со спины своей мальчика и растрепывает одежду здорового и тяжелого мужчины. Поворотлива же она, как бурколка в руках ребенка, который, туго закрутив

шнурки, последовательно подергивает их обеими руками. У нее подвздошная часть – газели, голени – страуса, бег – волка, а скок – лисенка. Зад у нее полный, а кто взглянет на нее с этой стороны – хвост густой, доходит почти до земли, прямо поставленный, закрывает от него расстояние между ногами. Когда она упирается ногами, плечи ее – точно свадебный камень, которым растирают благовония для невесты, или камень для разбивания колоконт. Кровь «вожаков стада» на груди ее, точно сок хенны в седых причесанных волосах... И вот мы наткнулись на стадо диких быков и коров, при коих последние будто девы Дувара (жрицы) в мантиях с длинными хвостами. Они устремились назад, подобные раковинам ожерелья на шее того, кто имеет в племени дядей по отцу и матери. Но мы с ней настигли вожаков, оставляя за собой остальных в неразрозненном строю. Она преследует то быка, то корову, и по очереди настигает их, нисколько не взмылившись. И было работы на целый день приготовителям мяса: одни жарили его, располагая рядами на угольях; другие варили на скоро в котле. Вечером мы возвратились. Всякий взгляд оказывается узким для нее (лошади): поводя по ней глазами вверх, невольно опускаешь их вниз. На ночь она осталась под седлом и в узде, стоя на моих глазах, а не на воле».

Или вот несколько сравнений в той же Моаллаке: Друг мой! Видишь молнию? Смотри: вот она сверкнула, подобно взмаху рук среди венца скучившихся туч. Блеск ее мерцает, точно светильник отшельника, напитавшего маслом крученный фитиль... В Тейме она не оставила ни одного пня пальмы, ни одного строения, кроме сложенных из камней. В начале дождя гора Фавор казалась старейшиной, закутанной в полосатую одежду. Утром на другой день вершина горы Мужаймора от потоков и наносов стала подобна головке веретена. А в пустыне Габит туча разгрузилась, как Яманский коробейник – разносчик товаров. Певуньи долины рано утром, казалось, были напоены превосходным вином с примесью перца, а вечером дикие звери, поглощенные потоком, валялись вдали от логовища, как корни дикого лука»³⁶⁶.

Поэт Харири³⁶⁷ заставляет Хариса рассказывать о фантастических приключениях главного действующего лица Абу-Зейда:

«Так говорит Харис, сын Хаммама: беседа³⁶⁸ внизала меня в жемчужное ожерелье друзей; обильны были речи собеседников, летели искры остроумия, но не загорался огонь спора; длились взаимные рассказы; лилась струя красноречия из родника воспоминаний на общую усладу. И вдруг предстал нам незнакомец; на нем было рубище, а в походке – хромание. «О бесценные сокровища!», сказал он: «да будет

светел круг ваш, радостно утро и сладок напиток! Но... взгляните на того, кто был и богат, и приветлив, и полон довольства: у кого были и поля, и деревни, и всегдашняя чаша пиршества! Но не отклонил я от себя гневной судьбы, нападок беды, злобных искр зависти. И гнал меня черный рок, пока не опустела рука моя, не стал просторен двор мой, пока не иссякли мои источники, не посохли луга, не рассеялись друзья пиров. И стало ложе мое жестким камнем, и все изменилось. Раздались рыдания жены и детей, когда погибли стада наши: сжалились завистники, когда не стало у нас ни скота, ни сокровищ; прослезился злорадостный, когда впали мы в жребий падения, страданий и скорби, когда изъязвились обнаженные ноги. Мы питались тоской, и тоской горела внутренность; желудок сох от голода, не приходил сон нарумянить бледные лица. Ущелье стало нам местом жилища; нога не боялась ступить на колющий терн, рука отвыкла выючить верблюда. Как благо, ждали мы разрушения; но медлил день судьбы... Кто же будет благородным ценителем, щедрым благодетелем?.. О, клянусь! Здесь цветет род Кайлата!.. А я – вечерний брат нищеты, – не имею кровли ночлега!» ...

Говорит Харис сын Хаммама: «я почувствовал сострадание к бедности; я был тронут его сладкозвучной жалобой, я вынул динар и, испытывая бедняка, сказал ему: воспой его жемчужными стихами, и, клянусь, он будет твой». Странник принял мой вызов и запел:

«Хвала тебе, желтый, блестящий, прелестный,
Далекий скиталец страны поднебесной!
Громка твоя слава, могучий динар –
Чело твое носит таинственный дар;
Успех предвещает твой лик благотворный;
К тебе все любовью горят непритворной...
Металл твой – не наш ли сердечный металл?..
Тот горд, в чьем кармане динар зазвучал!
Когда ж ты коварно блестишь в отдалении,
Тогда твои взоры полны обольщения...
Как мил ты в красивой толпе близнецов!
Ты правишь делами всех стран и веков;
Ты счастье счастливых один составляешь,
Дружину – труды забывать заставляешь.
Ты полные луны сияньем затмил;
Ты гнева каленые угли тушил.
Когда же все пленным, рабам изменяло, –
К ним светлая радость с тобой прилетала!..

Когда б не боялся я Божиих кар,
Промолвил бы смело, всемогущий динар!».

Потом он протянул руку к воспетому и сказал: «я пел от молнии обещания, предвещавшей дождь милосердия; где же гроза?». И я бросил ему динар, промолвя; возьми, – даю без сожаления! Он взял, скрыл его в устах, воскликнув «благословен Господь!» и, прощаясь с собранием, готов был опоясаться поясом путешествия. Но я почувствовал в душе веселость, щедрость и жажду добра; и не скрылась моя расточительность: я вынул другой динар, говоря незнакомцу: он будет твой, если споешь ему хулу! Быстро раздалась его звонкая песня; он пел:

«Погибни, проклятый, двуличный хитрец,
Динар желтолицый, изменник и льстец!..
И грянет над грешным гнев правый Творца
Никто без него не лишался б десницы³⁶⁹,
И реже являлись бы злобные лица;
Скупец не стерег бы пришельцев ночных,
«Богач должников не корил бы своих,
И алчного взора ничто б не страшилось...
И много, и много в нем зла затаилось:
Не будет он верен тебе до конца,
В беде убежит он стезей беглеца!..
«Блажен, кто его вниз с утеса низвергает;
И ласк обольстительный топот отринет;
И скажет ему слово правды святой:
– Прочь!.. у меня нет союза с тобой!».

О, как обилен дождь твоего красноречия! Воскликнул я. «Но да будет силен наш уговор!» говорил певец. Я подал ему второй динар и сказал: огради их святыми стихами (стихами Корана). Он бросил его в уста и соединил с близнецом; потом произнес благословение утру, хвалу собеседникам и беседе.

Говорит Харис сын Хаммама: ручалось сердце мое, что это Абу-Зейд притворился хромым. Я воротил его и сказал: сладкие песни открыли тебя – перестань хромать. Он отвечал «если ты сын Хаммама – здравствуй и будь почтен и да продлится твое благоденствие между почтенными мужами». Как идут твои дела и приключения? спросил я. И он сказал: «я вертелся между двумя краями: злом и добром, – между двумя ветрами, бурей и тихим дуновением». Но я спросил его: как же дерзнул ты притвориться хромым? И кто так шутит? Исчез с лица его блеск веселости: но уходя, он пропел:

«Я невольно хромал –
Я отрады искал,
Я стучался у двери желанья...
И отбросив узду,
Речь веду и иду
Я притворной походкой качанья.
Дурен я? – мой ответ
Не прогневайтесь: нет
Для калеки вины, порицанья!»³⁷⁰.

На таком языке изложен Коран, и это составляет особое преимущество главной вероучительной книги мусульман. В главе 2, ст. 21–22 от лица Божия сказано: «Если вы сомневаетесь в том, что Мы (Бог) ниспослали рабу нашему, то представьте хотя одну главу, подобную тому, и призовите помощников своих, кроме Бога, если вы справедливы. Но если этого вы не сделали, – да вам никогда и не сделать этого; то бойтесь огня, которому растопкой будут люди и камни, он приготовлен для неверных». Арабский язык сохранил в Коране все лучшие свои качества: богатство лексическое, изобразительность, блестящие метафоры, изысканность отдельных выражений и игривую звучность их, художественные описания картин природы, возвышенно-поэтический тон религиозного увещания и резко поражающее чувство угрозы, и, наконец, рифмованный склад речи. Коран изложен на главном самом чистом наречии Корейшитов, но в языке Корана как бы соединены все семь наречий арабского языка. Поэтому в Коране одно и то же слово в разных местах передано разными синонимическими словами³⁷¹. Кроме того, в Коране изображаемый предмет представляется в самой живой картине, состоящей из разных сопоставлений и противоположений, часто для слушателя – араба совершенно неожиданных, а для европейца мало понятных. Сближения сходных предметов и контрасты поочередно сменяются в Коране, особенно при описаниях; метафоры Корана резки, гиперболы необыкновенны, и стиль этой книги представляется европейцу изысканным, надутым и бьющим в глаза яркостью картины, как ярко блестит солнце в Аравии. Вот образцы отдельных выражений Корана: кочующие по пустыне размышления; – не облакайте истину одеждой лжи, – прикрывай верующих крылом сердечной ласковости; – вкусите одежды голода и жажды; пролить бич наказания – низвести тайны неба и земли, т. е. дождь и растения. Было бы долго и утомительно приводить здесь подлинные отрывки Корана в доказательство указанных выше особенностей языка этой книги; поэтому ограничимся следующими двумя

местами. Первое место в переводе читается так: «Клянусь посылаемыми поочередно (разумеются ангелы), несущимися быстро; клянусь показывающимися ясно, различающимися верно, передающими наставления, прощение и угрозу: предвозвещенное вам уже готово совершиться. Когда звезды уничтожатся, когда небо расколется, когда горы сдвинутся с оснований, когда пророки предстанут в определенное время; тогда до какого дня будет еще отсрочено? До дня разделения. О если бы ты узнал, что такое день разделения! В тот день горе верующим в ложь! Не погубили ли Мы (Бог) прежних, и потом не заменили ли их другими? Таковы наши действия с законопреступниками. В тот день горе верующим в ложь! Не творим ли Мы вас из презренной влаги? А потом помещаем ее в надежном месте, до определенной чреды? Так Мы учредили: а потому какие Мы превосходные учредители! В тот день горе верующим в ложь! Не сделали Мы земли помещищем для живых и мертвых? Мы поставили на ней высокие горные твердыни и поим вас вкусной водой. В тот день горе верующим в ложь! Идите к тому, что считали вы вымыслом; – идите в тьму, извергающую три столба дыма, которые ни тени ни даст, ни от пламени не защитит: он будет извергать искры, величиной как башни, цветом как желтые верблюды. В тот день горе верующим в ложь! Это такой день, в который не выговорят слова, в который им не будет позволено оправдываться. В тот день горе верующим в ложь! Таков день разделения. Тогда Мы соберем и вас и прежних. Если у вас есть какая хитрость, то ухитритесь против Меня. В тот день горе верующим в ложь! Благочестивые будут под сенью и среди источников и плодов, каких только пожелают. «Кушайте, пейте на здоровье, в награду за ваши дела!». Так награждаем добродетельных! В тот день горе верующим в ложь! «Кушайте и наслаждайтесь ненадолго; потому что вы законопреступны». В тот день горе верующим в ложь! Когда им говорят: поклоняйтесь Богу, они не поклоняются. В тот день горе верующим в ложь. После сего, какому новому учению поверят они!». – Другой отрывок считается образцом художественности стиля: «Когда солнце обовьется (мраком), когда звезды померкнут; когда сдвинутся с мест своих горы, когда девять, месяцев сужеребые верблюдицы окажутся праздными; когда столпятся звери, когда моря закипят; когда души сопрягутся с телами, когда похороненная живой будет спрошена: за какой грех она убита? Когда свитки разовьются, когда небо, как покров, снимется, когда ад разгорится и когда рай приблизится: тогда душа узнает, что заготовила она себе. Клянусь планетами; скрывающимися кометами; клянусь ночью, когда она темнеет, «клянусь утром, когда оно прохладой веет; действительно, он (Коран) – слово

посланника, славного, сильного перед властителем престола, полномочного, покорночтимого, верного. И согражданин ваш не беснующийся: он некогда видел его на светлом небосклоне; у него нет недоумения о таинственном (о невидимом мире). Он не есть слово сатаны, прогоняемого камнями. Зачем же вы идете прочь? Он увещание мирам, тем из вас, которые хотят идти прямо. Но вы можете хотеть только того, чего хочет Бог, Господь миров»³⁷².

По словам Ренана, Коран был точно также знаменем литературного переворота, как и религиозного; он обозначает у арабов переход от стихотворного слова к прозе, от поэзии к красноречию, что весьма важно в умственной жизни народа. В начале 7 века великое поэтическое поколение Аравии сходило со сцены; повсюду проявлялись признаки утомления; идеи литературной критики являлись как дурное предзнаменование для гения. Антар, это натура араба столь искренняя и столь ненасытная, начинает свою моаллакату словами, точно поэт времен упадка: «Чего только поэты не воспевали? Громадное удивление встретило Магомета, когда он явился среди истощенной литературы со своими живыми и убедительными рассказами. В первый раз как Отба, сын Рабия, услышал этот язык сильный, звонкий, полный рифмы, хотя и не стихотворный, – он вне себя вернулся к своим. «Что случилось? спросили его. – Право, сказал он, Мухаммед говорил со мной таким языком, какого я еще никогда не слышал. Это не поэзия, не проза, не жизнь магов, но что-то весьма трогательное». Мухаммед не любил утонченную просодию арабской поэзии; он делал ошибки, когда говорил стихи и даже сам Бог позаботился оправдать его в Коране: «Мы не учили его нашего пророка стихосложению». Мухаммед постоянно повторяет в Коране, что он не поэт, не маг; толпа действительно, постоянно готова была смешать его с этими двумя классами людей, и правда, что его рифмованный и поучительный слог имел некоторое сходство со слогом магов. Конечно, теперь нам невозможно понять обаяния, какое Коран производил при его появлении. Нам он кажется напыщенным, монотонным, скучным; последовательное чтение его для нас почти невыносимо³⁷³; но надо помнить, что Аравия, никогда не имевшая понятия о пластических искусствах и о великих красотах поэзии, совершенство формы основывала исключительно на подробностях слога. Язык в ее глазах был чем-то божественным; самый драгоценный дар, данный Богом арабскому народу, самый верный признак его первенства, – это именно арабский язык с его ученой грамматикой, его бесконечным богатством и его тонким изяществом³⁷⁴. Нет сомнения, что Мухаммед обязан своими важнейшими

успехами оригинальности своего языка и новому обороту, данному им арабскому красноречию. Самые важные обращения, как, например, поэта Лебида, происходили благодаря некоторым местам Корана, а тем, которые просили у него знамения³⁷⁵, Мухаммед не давал другого ответа, кроме самого чистого арабского языка, на котором он говорил и кроме очарования нового слога, секретом которого он обладал³⁷⁶.

В заключение должно упомянуть здесь, что язык Корана считался среди мусульман языком божественным³⁷⁷, а современный Делийский ученый Хаджи-Рахматулла в своем двухтомном полемическом труде «Изгаруль Хакк» посвящает особую главу высоким качествам языка Корана и считает их одним из доказательств божественного происхождения самого Корана. Он говорит, что красноречие Корана не заключается в описаниях видимой природы, женщины, животных, сражений, путешествий и, следовательно, оно не заимствовано у арабских поэтов; Коран постоянно точен (!) и красноречив, не делая уступок ни воображению, ни лжи, в противоположность поэтам, которые часто допускают ложь; в Коране, не смотря на его обширность, все (!) изложено одинаковым, превосходящим человеческие способности, красивым стилем; в Коране все повторяющиеся рассказы, описания и наставления каждый раз представляют новые красоты; в Коране даже юридические правила, догматы веры и подобные предметы, мало поддающиеся стилистической отделке, излагаются одинаково красноречиво; язык Корана совершен во всех родах слова – в обещаниях, угрозах, увещаниях; предписания, рассказы, угрозы, обещания, доказательства чередуются в Коране без замешательства, без перерыва в общей связи мыслей, и таким возвышенным слогом, что самые великие мастера арабского красноречия поражаются этим; в Коране (напр. в гл. 38) в нескольких словах выражаются сложные и глубокие предложения, в нескольких стихах излагаются страсти, волнующие верных, и кара их ожидающая, преступления и кара древних народов и история древних патриархов и пророков; красноречие и краткость редко соединяются в произведениях поэтов, между тем как в Коране эти два качества стиля всюду соединены; и Коран заключает в себе все красоты красноречия: и в своих утверждениях, и в сравнениях, и в метафорах, и в вступлениях, и в переходах, и в перестановках и т. д. В нем не встречается ни слабых, ни тривиальных выражений, ни неупотребительных слов, ни неправильностей в конструкции фраз. Коран, по словам Рахматуллы, достиг самого совершенного красноречия, которого никогда не будет в состоянии достигнуть человек. Чем лучше бываешь в состоянии понять тонкости

арабского языка и то, что ценится в арабском красноречии, тем больше оцениваешь и наслаждаешься красотами Корана³⁷⁸.

Изложенные Рахматуллой-Ефендием доказательства превосходства языка и стиля Корана искусственны, преувеличенны новейшей мусульманской апологетикой и невольно обращают на себя внимание. В основе этого преувеличения лежат своеобразные красоты арабского языка, не всегда понимаемые европейцами, но для восточных жителей кажущиеся несравнимыми. Появление же сочинения «Изгаруль-Хакк» в переводе на французский язык указывает на желание автора Рахматуллы-Ефендия распространить свои взгляды на Коран и среди европейцев и тем уверить последних, что богословствующая мысль и полемическая тенденция не умерли среди современных мусульман, а возрождаются с новой силой под влиянием европейской образованности и религиозной индифферентности европейцев. Пережитые годы последнего десятилетия должны убедить каждого в реальном осуществлении нескрываемой тенденции передовых мусульман – занять если не первое, то и не последнее место в ряду культурных народов старого и нового света, причем, арабский язык выдвигается на первый план, как язык классического периода отжившей свой век мусульманской образованности. Об этой тенденции современных мусульман можно читать в мусульманских газетах и журналах последнего времени³⁷⁹.

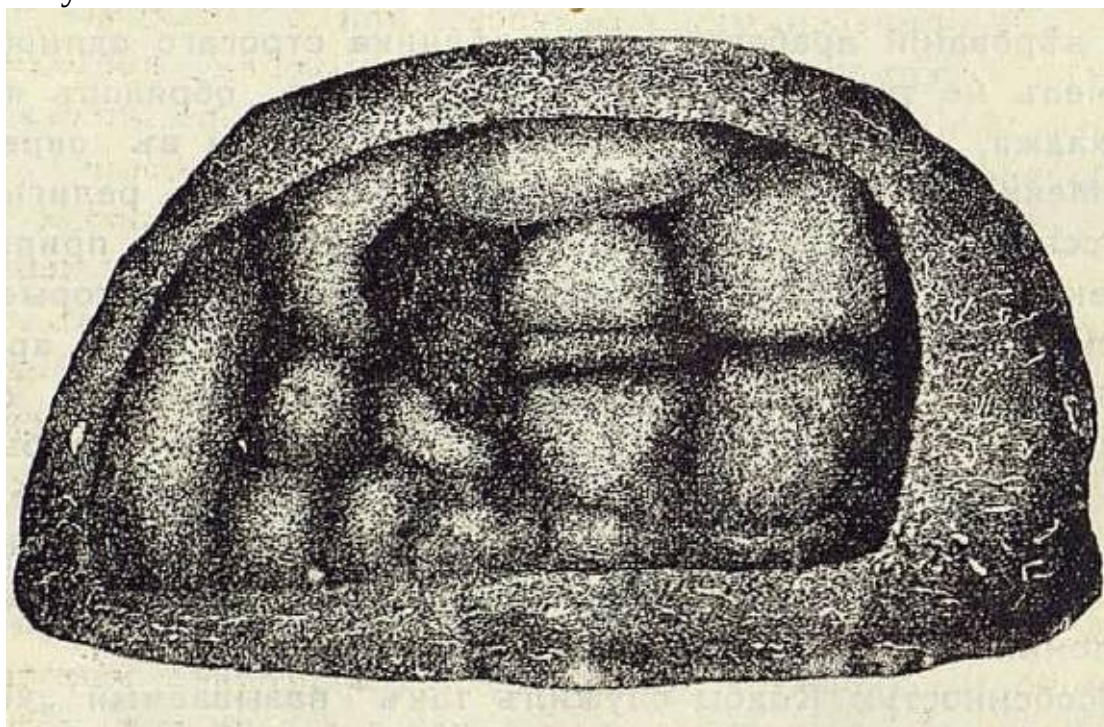
Кааба и обряды хаджа у древних арабов

«Поистине поражаешься – говорит Э. Реклю³⁸⁰ – когда приходится констатировать, что ни одна из старинных религий не исчезла совершенно: все они продолжают более или менее активную жизнедеятельность и следуют тем же ритуалам, как и тысячелетия тому назад». – Так и мусульманский «хадж». Его не установил основатель монотеистического ислама, а целиком узаконил в той форме, в какой его совершали арабы-многобожники, с теми изменениями, каких требовала новая форма богопочитания, указанная в Коране. Основатель ислама в этом случае позволил себе более, чем требовало от него его положение – обличителя старых (языческих) верований арабов и проповедника строгого единобожия: Мухаммед не только не отменил древних обрядов языческого хаджа, совершавшегося вокруг Каабы и в окрестностях Мекки, но укрепил в сознании арабов религиозную неприкосновенность древне-языческого святилища, приписав построение его праотцам Аврааму и Измаилу, которые, по словам Корана (гл. 2, ст. 118–123), научили древних арабов обрядам хаджа... Можно сомневаться, даже прямо не соглашаться с указанием Корана на такую древность Каабы, но нельзя отрицать, что существование ее восходит к первому веку до Р. Хр., так как современник Юлия Цезаря и Августа, греческий путешественник-писатель Диодор Сицилийский упоминает об этом храме древних арабов³⁸¹.

Особенностью Каабы служил так называемый «черный камень», вставленный в угол северо-восточной стены ее, в которой находится дверь. По отношению к входящему в эту дверь богомольцу камень находится с левой стороны и составляет самую главную святыню Каабы. По единогласному преданию мусульман, камень этот небесного происхождения, а по мнению европ. ученых – аеролит, упавший на землю (см. рисунок). Мусульманские предания уверяют, что «черный камень» имеет чудесное райское происхождение, что он упал на землю с неба в то время, когда Авраам строил Каабу, а по более наивно-благочестивой легенде это был ангел, сброшенный с неба, в виде светлого камня, который потом постепенно утратил свой первоначальный блеск от прикосновения к нему бесчисленных грешников-арабов, обязанных целовать его своими греховными устами во время совершения обрядов хаджа. Один писатель (Аль-Азраки), отрешившись от мусульманской легенды, высказывает предположение, что темный цвет этого камня получился от действия на него огня; но вернее думать, что его шоколадный цвет присущ ему, как

аеролиту.

По

соображении всех рассказов о происхождении «черного камня», можно думать, что этот камень был когда-то найден суеверными бедуинами в меккском ущелье и принят ими за фетиш, а затем был выставлен для всеобщего поклонения, причем, Кааба была первоначально жертвенником и местом хранения в ней жертвенных приношений. Эта святыня, в руках сообразительных охранителей ее, уже задолго до Мухаммеда, сделалась местом ежегодных многочисленных собраний богомольцев и одновременно торговцев так как находилась на большом караванном пути с юга Аравийского полуострова на север и далее – в Сирию. Свое название Кааба получила от формы постройки, хотя, при отсутствии архитектурного искусства и надлежащего строительного материала у северных арабов, она не могла получить того вида и размеров, которые оправдывали бы ее название, означающее куб³⁸². За неимением искусственных материалов в меккской долине и мастеров, стены Каабы были сложены из грубых, необделанных камней местных горных пород и имели первоначально размеры: в длину 32 локтя, в ширину 22 локтя и в высоту 9 локтей. Несомненно, что эти размеры указаны в предании не точно, ибо кому тогда, т. е. во время первоначальной постройки этого святилища могла прийти в голову мысль об измерении стен ее... Но во всяком случае, из приведенных рассказов можно признать достоверным то, что эта постройка имела форму неправильной четырехсторонней фигуры,

указывавшей на четыре страны света. Появление Каабы, или, по крайней мере, черного камня предшествовало по времени возникновению Мекки: обожествленный камень, упавший с неба, стал привлекать к себе рассеянных богомольцев, а затем послужил центром небольшого поселения вокруг святыни. Само название Мекки в древней передаче греческих географов Макораба может, по нашей догадке, указывать на сокращенное слияние двух арабских слов – макан (место) и Рабб (Господь) т. е. «место Господне», место, отмеченное присутствием божества (упавший с неба камень). Избранию этого места для богопочитания и паломничества (хадж) способствовали не только своеобразная пустынность его, отдаленность от морского берега и прикрытие его соседними горами³⁸³, но и подземный источник воды «Замзам», обеспечивавший богомольцам и торговцам возможность утоления жажды во всякое время года, а не во время только дождевых потоков (сайль).

Первоначальная постройка Каабы не отличалась прочностью и при Джорхомитах подверглась разрушению от напора дождевого потока. При восстановлении священного здания, Джорхомиты допустили изменения в его первоначальной форме: они подняли дверное отверстие над уровнем земли, поставили три столба внутри здания для поддержания его двойной крыши и устроили особый желоб для стока воды с крыши, а над источником Замзам поставили навес. Внутри Каабы было подземное помещение, в котором хранились драгоценности, приносимые в дар Каабе.

Обряды Ходжа развивались постепенно, но в основе их лежат так называемые тавафы, т. е. семикратные обходы вокруг святыни, напоминавшие с одной стороны круговое движение небесных планет, причем, число семь считалось символическим не у одних арабов, а еще ранее у евреев.

Сначала нравы Джорхомитов были строги, и не запиравшаяся Кааба была обеспечена от посягательств на ее неприкосновенность от дурных людей; но с течением времени нравы Джорхамитов подверглись порче, и однажды была сделана попытка на ограбление сокровищ, хранившихся в подземном помещении Каабы, а в другой раз в самом святыне было совершено прелюбодеяние (Исаф и Найла). Дерзкие преступники были, по преданию, превращены на месте в каменные статуи, которые потом вынесены из Каабы и поставлены вне ее, на холмах Сафа и Марва. Не понятно, по каким побуждениям холмы эти посещались богомольцами, которые совершали семикратный бег между ними, на расстоянии 600 шагов: четыре раза пробегали от Сафы к Марве и три пробега от Марвы к Сафе: но так сохранился этот обычай до Мухаммеда, узаконившего его в

Коране (гл. 2, ст. 153), причем стоявшие на холмах идола Исафа и Найлы были разбиты, по распоряжению проповедника чистого единобожия – Мохаммеда.

Развращение нравов среди Джоргомитов продолжалось и посягательства на сокровища Каабы не прекращались, так что лучший из них (Модзар, сын Амра) был вынужден вынуть из подземелья два золотых изображения газелей, брони и сабли и тайно зарыл их вблизи Каабы. Такая развращенность Джоргомитов вызывала в населении явное недовольство и подрывала их нравственный авторитет; когда же, в начале 2-го века по Р. Хр. племя Хозаитов, принимавшее участие в изгнании нечестивых Джоргомитов возвысило свой нравственный авторитет в глазах жителей Мекки и пыталось захватить в свои руки управление Каабой, то встретило сопротивление со стороны других участников в изгнании Джоргомитов. В происшедшем столкновении Хозаиты одержали верх, но побежденные противники их, оставляя Хиджаз, вынули из стены Каабы священный «черный камень» и зарыли его в земле. Одна хозаитка узнала об этом и тогда только указала это место, когда потомки Модзара согласились уступить Хозаитам права по управлению Каабой.

Так усилились в Мекке и во всем Хиджазе Хозаиты, а потомки Модзара получили право на сохранение за собой должностей распорядителей обрядами Хаджа. Но вскоре Хозаиты впали в нечестие: Амр-бен-Лохай (207–240 г.г. по Р. Хр.) ввел поклонение идолу Хобалу, сердоликовое изображение которого он принес из страны Балки³⁸⁴ и поставил на крыше Каабы. Хобал имел вид бородатого старца, державшего в правой руке семь стрел, при помощи которых арабы гадали о судьбе своих предприятий³⁸⁵.

Был ли Амр первым распространителем идолопоклонства в Мекке, при Каабе, с точностью утверждать нельзя, да это и несущественно, а важно утверждение, что Амр ввел при Каабе поклонение Хобалу. Кроме этого идола, при Каабе были и другие изображения языческих богов разных арабских племен, а также изображения Исаи и Девы Марии с Младенцем Иисусом, так что общее число всех идолов и статуй, находившихся там, доходило до 360-ти. Такое сосредоточение божеств около Каабы делало ее пантеоном, если не для всей Аравии, то для северной и средней ее частей и таким образом возвышало ее авторитет в глазах арабов. По их верованию, Кааба была не просто священным домом, но и неприкосновенной святыней, находившейся под непосредственной защитой многочисленных народных арабских божеств, под главенством верховного божества, Аллаха. Известен рассказ о том, как Еменский Тобба

Асад Абу-Кариб, живший (по арабскому лунному счислению) за 700 лет до Мухаммеда (т. е. в первом веке до Р. Хр.), был соблазнен хитрыми Худзайлитами ограбить Каабу и как Абу-Кариб вместо того оказал святилищу благоговейное почтение, совершив священные обходы вокруг него и разделив обильную жертву жителям Мекки. Тобба сделал это из боязни навлечь на себя гнев божеств, покровительствовавших Каабе. Абу-Кариб впервые окружил Каабу двором, привесил к ней дверь с замком и накрыл ее суконным покрывалом, а затем улучшил этот покров³⁸⁶ и вверил охранение святилища Хозаитам, которые держали в своих руках ключ от ее двери, а вместе с ключом пользовались властью над всей областью.

За двести, примерно, лет до рождения Мухаммеда, среди измаилитских племен возвысился Фахр, потоком Аднана, сына Измаилова. Он был родоначальником племени Корайш³⁸⁷, которые, усиливаясь постепенно, овладели, наконец, ключами Каабы и вместе с тем заняли первое место в Мекке. В 398 году нашего летосчисления в этом племени родился приобретший себе известность в арабской истории и генеалогии Мухаммед Косай, сын Кяляба и Фатимы, отличавшийся духовными качествами и потому уважаемый корейшитами. Косай женился на Хоббе, дочери хранителя ключей Каабы – Холяйля и имел от нее, в числе других детей, Абд-Манафа, считающегося предком Мухаммеда. Сделавшись постепенно видным и влиятельным представителем рода в Мекке, Косай задумал упрочить свое влияние и закрепить его за своим потомством, устранив от Каабы пришельцев – Хузаитов. В своем честолюбивом замысле Косай нашел необходимую помощь со стороны своей жены Хоббы. Она, по болезни своего престарелого отца (Холяйля), хранила у себя ключи Каабы и передала их своему мужу, который иногда, вместо своего тестя, отпирал и запирали двери Каабы. Такое случайное выступление в роли хранителя ключей от двери святилища еще более возбуждало самолюбие Косая и его честолюбивой жены Хоббы. Перед смертью своего отца, она просила его назначить своим преемником ее мужа (Косая), но старик Холяйль передал право хранения ключей Каабы мало известному и не отличавшемуся никакими духовными качествами Абу-Губшану, в руках которого ключи и оставались по смерти Холяйля, несмотря на домогательство дочери его и зятя. Соплеменники Абу-Губшана поддерживали своего сородича и тем еще более возбуждали честолюбивого Косая. Не имея успеха в прямых способах добиться власти и чести, Косай решил воспользоваться слабостью Абу-Губшана к вину – и, напоив его однажды допьяна, выманил у него ключи Каабы вместе с

правом постоянного хранения их у себя и распоряжения ими, а опьяневшему Абу-Губшану подарил за это еще бурдюк вина. Сделка была столь невыгодна для Хузаитов, что имя Абу-Губшана вошло потом в поговорку³⁸⁸. Обеспечив себя после этого на случай насильственных действий со стороны Хузаитов и их союзников, Косай воспользовался временем хаджа, в продолжение которого враждебные действия не допускались, и объявил собравшимся богомольцам, что право распоряжения порядком совершения священных обрядов принадлежит теперь ему, а никому другому. Из происшедшей затем междуплеменной схватки победителями вышли Косай и его союзники³⁸⁹, хотя число убитых с обеих сторон было почти одинаково. На последовавшем затем третейском разбирательстве право обладания ключами Каабы было подтверждено за Косаем, а его противники, не желая переносить своего позора, должны были удалиться из Мекки в место прежней своей стоянки – в Батн-Марру.

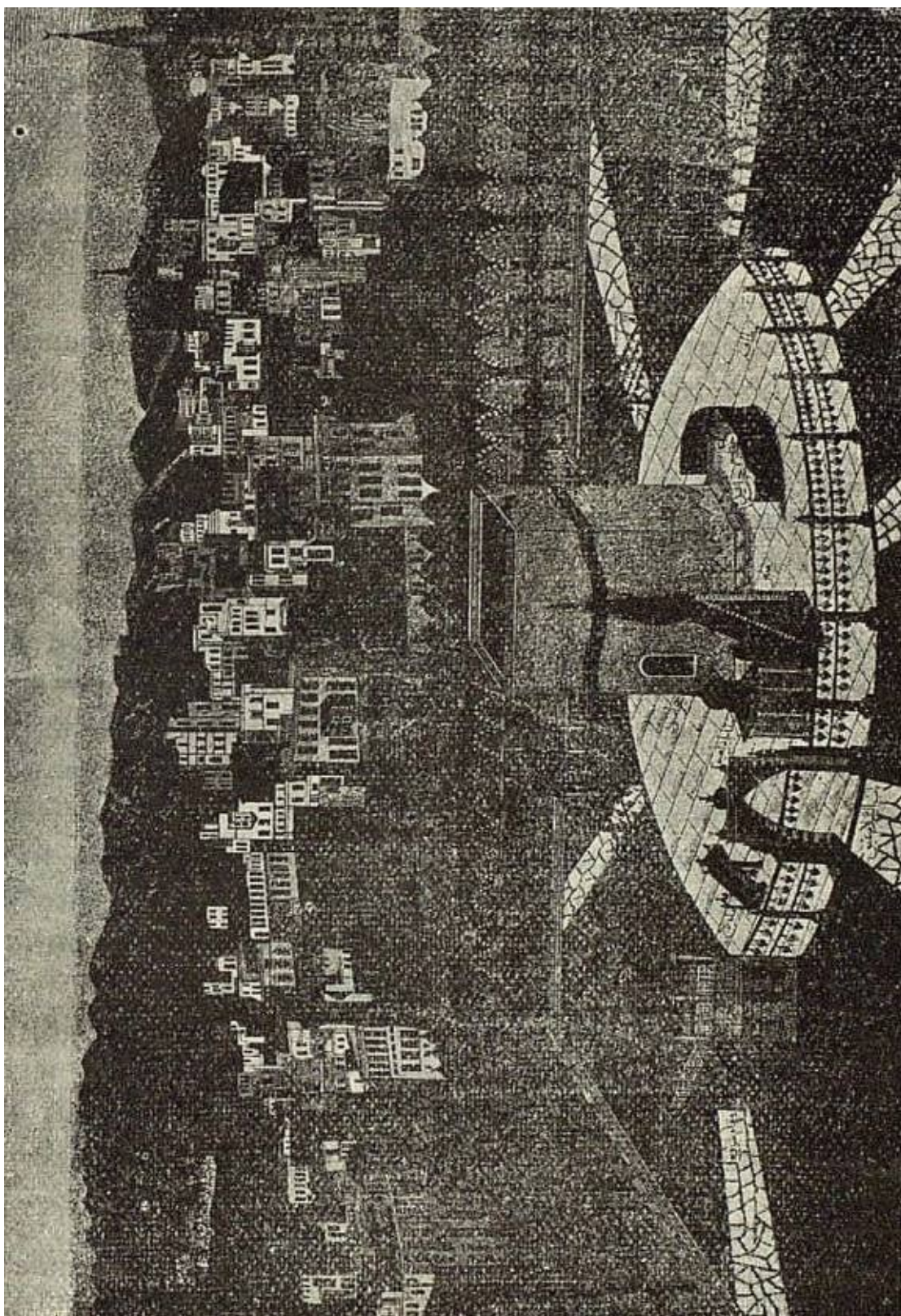
Освободившись от соперников-хузаитов, Косай проявил в себе другой талант более высокого качества – государственное строительство. До него вокруг Каабы не было постоянных жилищ арабов, которые только в продолжение дня расставляли свои палатки по близости к святилищу, а на ночь снимали свои шатры и уходили в соседние ущелья. Косай задумал упрочиться навсегда вблизи Каабы и, собрав рассеянных по окрестностям корайшитов, разъяснил им всю невыгодность разрозненной жизни и предложил построить постоянные жилища вокруг Каабы, которую они обязаны были охранять и ради которой сами пользовались почетом и уважением со стороны всех других арабских племен. Непонимание корайшитами политических выгод от предложения Косая усиливало затруднения в данном случае: корайшиты считали грехом и боялись пользоваться строительным материалом для своих жилищ, какой находили в окрестностях священного округа. Но Косай дал первый пример в этом беспримерном деле, – и мало-по-малу вокруг Каабы появились постоянные жилища корайшитов, послужившие основанием для города Мекки³⁹⁰.

Для свободного совершения богомольцами религиозных обходов вокруг Каабы, оставлено было свободное пространство со всех сторон ее, которое впоследствии было окружено стеной, вымощено каменными плитами и составило так называемое «Аль-матафу-шариф», т. е. священное место обходов вокруг Каабы. Осуществленное распоряжение Косая послужило началом к дальнейшей административной его деятельности. Появившееся постоянное население вокруг Каабы вызвало

необходимость в обсуждении разных общественных вопросов, а для этого нужно было устроить особое здание, в котором собирались члены совещательного собрания, имевшие 40-летний возраст, и все сыновья Косая, хотя бы и не достигшие таких лет. Здание это носило особое название «Дару-н-надуа». В нем обсуждались все важные семейно-общественные дела корейшитов: браки, походы против неприятеля, порядок совершения хаджа и нужды богомольцев. Любопытны некоторые подробности. Девицу, достигшую совершеннолетия, приводили в собрание и, по удостоверении в ее возрасте, надевали на нее особую тунику – (дир). Перед выступлением в поход, предводитель отряда получал от Косая знамя – (Лива), представлявшее собой обыкновенное копье, к которому привязывался белый шелковый платок. В пользу богомольцев, по предложению Косая, корейшиты были обложены особым ежегодным сбором (рифада), который поступал в руки самого Косая и расходовался им на приобретение съестных припасов для бедных богомольцев в дни пребывания последних в долине Мина, где приносились установленные животные жертвы. Точно также озабочивало Косая и снабжение хаджиев питьевой водой, для чего была учреждена особая должность водовозов – (сикайя), обязанных доставлять в Мекку из окрестных источников воду и распределять ее между жителями города и прибывшими богомольцами. Эта должность сохраняла свое значение до тех пор, когда в самом городе было устроено водоснабжение. Для руководства богомольцами во время совершения обрядов хаджа существовали должности: иджаза, арафа, ифаза, муздаляфа и джамигу-иля-ль-мина. Представители этих должностей распоряжались порядком сбора и выхода богомольцев по племенам, или по родам, что и выкрикивал распорядитель во всеуслышание. Наконец, хранение ключей Каабы и распоряжение самой Каабой находилось в руках особого лица, называвшегося по должности – хиджаба.

Удерживая в своих руках общее управление делами, Косай, в видах возвышения корейшитов, роздал им главные должности, а второстепенные – другим племенам. Должности эти составляли их наследственное преимущество.

Установив таким образом возможный порядок в управлении общественными и религиозными делами в Мекке, Косай приступил к важнейшему делу – перестройке Каабы здание которой, построенное при

Джорхомитах, начало разрушаться. Чтобы придать постройке большую прочность и нисколько другой внешний вид, Косай в 450 г. по Р. Хр.

старое здание совершенно разобрал и построил новое, которое имело в длину 24 локтя, в ширину 23 локтя и в высоту 27 локтей³⁹¹.

Современный вид Каабы

Вскоре по окончании и перестройки Каабы, Косай умер и управление делами Мекки, Каабы и Хаджа находилось сначала в руках потомков старшего его сына, а потом было разделено между потомками двух сыновей – Абду-д-дара и Абду-Манафа. Вторым сыном Абду-Манафа, Хашим сделал удачную попытку к расширению внешней торговли Мекки: он установил обычай отправлять ежегодно по два каравана – зимой (в Емен) и летом (в Сирию), и Мекка приобрела значение главного торгового центра для всей Аравии. По смерти Хашима, делами Мекки и Каабы управлял его брат Муталлиб, а после него, сын Хашима, Шейба, которого за смирение и нестяжательный характер прозвали «рабом Муталлиба» (Абдул-Муталлиб). Это был дед Мохаммеда, нашедший в 520 г. по Р. Хр. зарытые Джорхомитом Модзаром сокровища, принадлежащие Каабе; он же открыл источник Замзам, находившийся внутри ограды Каабы и пользующийся теперь среди паломников известностью. Абдул-Муталлиб из доставшихся ему сабель и брони приготовил для Каабы новую дверь, которую украсил золотыми изображениями двух золотых газелей, доставшихся по жребию Каабе. О нем известно также, что он принес в жертву Аллаху сто верблюдов вместо старшего сына своего Абдаллаха³⁹². При нем же (в 570–571 г. по Р. Хр.) состоялся поход Еменского правителя христианина Авраама (Абраха) на Мекку, предпринятый в отмщение за осквернение корейшитами христианского храма, построенного в городе Сане³⁹³. Поход этот, как видно из Корана (гл. 105) сопровождался гибелью всего войска Абрахи и совпал с годом рождения Мохаммеда. Мохаммед, когда ему исполнилось 35 лет, участвовал в перестройке Каабы, стены которой сильно пострадали от огня. Это важное для Мохаммеда событие, возвысившее его в глазах мекканцев, относится к 605 г. по Р. Хр. и состояло в том, что Мохаммеду было предложено вложить «черный камень» в угол перестроенной Каабы, а он, во избежание пререканий, избрал 4-х представителей корейшитов и дал им держать за углы распростертый плащ, поддерживавший «камень» и, когда камень был поднят всеми представителями на соответствующую высоту, Мохаммед взял его своими руками и вставил на предназначенное место в углу северной и восточной стен Каабы.

По выступлении на проповедническую деятельность, Мохаммед часто ходил к Каабе, совершал вокруг нее древнеязыческие обходы и проповедовал там единство Аллаха, поставленное им в основу новой

религии, а затем уже в Медине обнаружил откровение, подтверждавшее древность Каабы и священное значение обрядов хаджа³⁹⁴, совершение которых с тех пор служит для мусульман всех стран одной из главных пяти религиозных обязанностей последователей Корана.

Описание обрядов хаджа при жизни Мохаммеда и после до настоящего времени не входит в задачу настоящего издания, и мы заканчиваем главу о Каабе и хадже упоминанием о том, что одновременно с Каабой в разных частях Аравии существовали храмы: в Емене – в городе Сане, в Наджде, в Ираке, в городе Таифе, в долине Нахле и близ Красного моря – в северной части Аравии. Эти храмы имели священное значение для одного или для нескольких арабских племен, но они утратили свое значение с признанием Каабы единственным священным храмом для поклонения и богослужения всех арабских племен, храмом Авраама и Измаила, признаваемых праотцами арабов, а особенно после торжества ислама в Аравии, когда идолы арабских племен и храмы, находившиеся при них, были разрушены и когда «вера Авраама» была восстановлена и культ единого Аллаха восторжествовал над политеизмом арабов-многобожников (мушрик). В этом культе несомненно удержались и некоторые языческие обряды, к числу которых принадлежат и обряды хаджа. Поэтому напомним сказанное в начале главы, что и в религиозном культе не только возможны, но и неизбежны переживания, как и в других проявлениях человеческого духа³⁹⁵.

При жизни Мохаммеда, арабские богомольцы, вступая в священную область, окружающую Каабу в разных расстояниях от Мекки, по караванным путям, брили головы и снимали одежды и приближались к священному дому (Каабе) нагими. Они воздерживались от враждебных действий, от сношения с женщинами и от употребления в пищу своих путевых запасов; им разрешалось, очевидно, в корыстных целях корейшитов, питаться тем, что продавалось в священной местности. В Мекке богомольцев встречали радушно: правитель Мекки, по обязанности сикайя, распределял между хаджиями воду и, конечно, получал за это плату, хотя, может быть, и без особых вымогательств. В Мекке богомольцы направлялись прямо на площадь Каабы, вокруг которой совершали семикратные обходы (таваф), по примеру праотцов Авраама и Измаила, которые были научены самим Богом и научили этим обрядам всех людей (Коран, гл. 2, ст. 119. Богомольцы совершали обходы вокруг Каабы, обернув тело бумажной материей (хум), а при невозможности достать таковую – в своей обыкновенной одежде, которую обязаны были бросить потом, чтобы никто уже не носил ее. Арабы предпочитали делать

обходы вокруг Каабы совершенно нагими потому что считали одежды «знаками преслушания» заповеди Божией в раю Адамом и Евой. Женщины при этих обходах сначала удерживали на себе рубашку, а затем предпочитали оставаться нагими. В таком странном виде, т. е. без одежды, с бритыми головами, богомольцы семь раз обходили ускоренными шагами вокруг Каабы, причем от религиозного восторга хлопали в ладоши и свистели. При каждом круговом обходе передние богомольцы целовали черный камень, а задние только прикасались к нему. Рукоплескания и свист хаджиев осуждены в Коране (гл. 8, ст. 35). От Каабы богомольцы переходили к холмам –Сафе и Мярве и также семь раз вприпрыжку бегали взад и вперед.

Следующий обряд состоял в посещении горы Арафата, находившейся в окрестностях Мекки и, по данному распорядителем хаджа знаку (нджиза-и-арафа), переходили в ближайшую долину Муздаляфа. В день жертвоприношений, по данному знаку исправляющего должность иджаза-и-муздаляфа, богомольцы отправлялись в долину Мина. Бедные богомольцы получали здесь съестные припасы, за счет корейшитов, обложенных со времен Косая особой податью (рифада). Здесь же, по данному знаку, богомольцы бросали семь раз камешки и приносили в жертву верблюдов и овец, шерсть и рога которых закапывали в землю. Наконец, исправляющий должность иджаза-и-мина вел отсюда богомольцев в Мекку.

Перечисленные обряды исполнялись всеми богомольцами; только корейшиты, после поражения войска Абрахи, были освобождены от посещения Арафы и от путешествия в долину Муздаляфу. Некоторые богомольцы, возвратившись домой, имели обыкновение входить в свои дома не через обыкновенные двери, а через нарочно сделанное для этого новое отверстие в задней части дома. Этот суеверный обычай был впоследствии отменен Мохаммедом: «Благочестие, говорил он, не состоит в том, чтобы вы входили в ваши дома в отверстие, сделанное сзади; благочестие состоит в страхе Божиим. Входите в ваши дома входной дверью и бойтесь Бога»³⁹⁶.

Обставленный таким формальным образом хадж в доисламическую эпоху мало влиял на улучшение нравов арабов; но он поддерживал среди них политическое единство. Хотя некоторые арабские племена³⁹⁷ не совершали хаджа, однако в Мекку со всех сторон шли огромные толпы богомольцев, которые сблизжали разрозненные между собой арабские племена, напоминая им, что все они составляют один народ, говорящий одним языком, и принадлежат к одной религии.

С незапамятных времен арабы придерживались лунного счисления времени: год состоял из 12 месяцев. Из них четыре месяца³⁹⁸ считались священными и потому в продолжение их запрещались как ведение войны, так и всякие враждебные действия. Такой обычай, спасая враждующие племена от разорения и истребления, способствовал торговле и совершению религиозных путешествий с большей безопасностью, чем в другое время года. А так как лунный год на 11 дней короче солнечного, то начало каждого года и начало хаджа наступало на 11 дней раньше предыдущего года, и время совершения хаджа происходило таким образом последовательно через все времена года. Очень часто случалось, что время хаджа падало на весеннее время, когда уже не было запасов предшествующего года, а плоды текущего года не были еще собраны. В такое время богомольцам трудно было доставать себе пищу. Для устранения этого неудобства, арабы со времен Косая прибегали к системе вставок (наси – замедление), – заимствованной от ятсрибских иудеев, и стали прибавлять к каждому третьему году один лишний месяц – 13-й. С этого времени арабский календарь сделался лунно-солнечным.

Спустя 51 год после этого нововведения, в 413 году по Р. Х. время хаджа совпало с первыми днями сентября, когда плоды в Аравии были уже собраны. Обязанность возвещать народу о вставочном месяце лежала на особых людях, называемых насаа; впоследствии эти лица получили право переносить привилегии священного месяца с Мухаррама на следующий за ним месяц –Сафар. Такое произвольное распоряжение должно было печально отзываться на судьбе многих богомольцев, возвращавшихся на родину. Но так как и при системе вставок лунный год не вполне соответствовал солнечному³⁹⁹, то время хаджа стало последовательно переходить на август, июль, июнь и т. д. Таким образом, снова явились прежние неудобства. – Здесь кстати заметим, что у древних арабов было в обыкновении, кроме обязательного хаджа, совершать еще частные путешествия ко св. местам. Эти путешествия назывались умра и совершались в какое угодно время года, не будучи соединены со столь многочисленными обрядами, как хадж⁴⁰⁰.

Арабы и христианство

Религия народа, по своей природе, относится к духовной области, как факт народной психики: ее зарождение, развитие и изменение происходят в глубине человеческого духа. По великому значению в духовной жизни человека и по отношению к ней самого человека, религия составляет святое святых его души, в которое он входит с благоговейным мистическим страхом, которое он чтит и с которым нелегко расстается. Поэтому перемена религии подготавливается постепенно и бывает только внешней, формальной, если не захватывает самих верований человека, если не сопровождается внутренним процессом обсуждения и убеждения, действующим и на чувство. Для столь сложного психологического процесса необходимо стороннее побуждение – проповедь миссионера, как это известно из истории религий: Моисей и другие пророки еврейского народа, Иисус Христос, апостолы и миссионеры христианской церкви неизбежно обращались с проповедью к своим слушателям и, призывая их к новой вере, вызывали их на сравнение проповедуемой веры с прежними верованиями, обличали религиозные заблуждения, увещевали и угрожали наказаниями Божьими в этой и будущей жизни. Так после поступал и Мохаммед. Но сколь ни убедительны, сколь ни увлекательны были увещания и проповедь новой веры, сколь ни страшны были угрозы проповедников, ни один народ никогда легко не расставался со старой своей верой, потому что ум и чувство его в течение веков сроднялось с верованиями предков, согласно с которыми складывалась вся народная жизнь. Поэтому каждый новообращенный народ стремился удержать в своей душе что-нибудь из прежних верований, или приспособить их к новым религиозным представлениям и верованиям. Таким образом получалось на первых порах так называемое двоеверие, известное в религиозной жизни всех народов, менявших одну веру на другую. Тот же внутренний психологический процесс переживали и арабы, когда от древнего язычества переходили сначала в иудейство или христианство, а потом в мусульманство. Для более или менее полного религиозного перерождения народа непременно требовалось продолжительное время в соответствии с духовным развитием народа и содержанием новой религии, как и для прорастания известного растительного семени необходима соответствующая его природе почва и атмосфера, о чем наглядно изъяснено в евангельских притчах и как это известно из истории человеческой культуры: одни и те же семена на разных почвах и при

неодинаковых климатических условиях произрастают неодинаково, приносят разные по качеству плоды, а иногда совсем вырождаются...

Эти общие рассуждения особенно приложимы к судьбе христианства в Аравии. И здесь, принятие христианства должно было сопровождаться оставлением или забвением прежней языческой религии; но сложный внутренний процесс перерождения низменного арабского язычества в возвышенное христианство не был, как следовало, тщательно подготовлен... Очевидно, полудикие кочевники-арабы только внешним образом были обращены в новую веру, были крещены, не быв надлежащим образом просвещены светом евангельского учения; чисто внешние воздействия не коснулись религиозных верований и чувств арабов, а потому нравственный уровень их остался прежним. Христианство переделало только некоторые религиозные особенности, а после ислам остался более всех других верований – религией арабов.

Как изложено в гл. 6 настоящего исследования, религиозные верования арабов стояли на низшей ступени развития: арабы почитали фетишей – поклонялись первому необыкновенному предмету, который останавливал на себе их внимание: камням, деревьям, горам, также, может быть, и животным. Два противоположных ощущения – страх и доверие обнаруживались в религиозных чувствах арабов по отношению к этим предметам: одних он страшился, к другим обращался с просьбой о помощи. Однако, история не знает ни одного народа, который бы этим удовлетворился: человечеству врождено стремление к общему, к идее, – и скоро взор его обращался к звездам, которые своим неизменным движением указывали на идею порядка и законообразности во вселенной. Поэтому арабы были также звездопоклонниками. Несомненно, что и в этом отношении они отстали от вавилонян и египтян, так как им не доставало понятия о звездной группе, состоящей из несколько планет. В Коране они называются «Сабеями» (гл. 2, ст. 59; гл. 5, ст. 73).

Язычество арабов состояло в том, что у них не только в каждом семействе, но и во всякой более крупной родовой группе был свой бог. Существовали родовые боги и примитивные кумирни для них. Святыня Мекки (Кааба) объединяла разрозненные племена аравийского полуострова в одно целое: там издавна существовал один общий для всех культ. Странно, однако, говорит Bestmann, что этот культ был связан не с идеей о верховном божестве – Аллахе, а с существованием «черного камня», который давно почитался, как особая святыня. По соображениям того же автора, в этом случае у древних арабов проявилось сходство с древней Грецией. Там одним из древнейших божеств была Деметра; ей в

Фермопилах приносили жертвы члены Амфикиониона союза. Эта община впоследствии разрослась и образовала Дельфийский союз, в котором председательство принадлежало племени ахейцев. Тоже было и на Элейском празднестве в Олимпии и в других местах. Здесь и там происходили встречи греческих племен, которые собирались для принесения жертв и для совместных игр. Это были первые начала национального союза, который должен был привести воюющие племена к миру, к укреплению их правовых отношений. С тем и другим союзом было связано священное время вооруженного мира. Подобно этому, главной причиной устройства меккского празднества (хадж) была политическая потребность в прекращении племенных раздоров арабов. Хранители общей святыни – Каабы менялись; но они должны были назначать 4 священных месяца, когда снимались острия с копий, т. е. когда оружие бездействовало, а сами арабы пользовались правом неприкосновенности. Как раньше у греков отправлялось торжественное шествие из Пилей в Дельфы, так и путешествие из Мекки к горе Арафату наводит на мысль о когда-то заключенном договоре или мире: особый союз (фузул) в Мекке ограждал священные владения от всякого преступного покушения. Когда впоследствии политическое развитие греческого народа переросло эти первые начатки национальной общины, то в союзе амфикиониев усматривали уже только религиозное собрание, и на Олимпийские игры смотрели лишь, как на самостоятельное художественное представление; так и путешествие в Мекку вскоре получило (как посольство на Делос) преимущественно религиозный отпечаток, что нисколько не умаляло и его торгового значения⁴⁰¹.

Несомненно, что и нравственность арабов, при их неустойчивых религиозных представлениях, была также неустойчива, как это видно из представленного выше описания характера и нравов древних арабов (гл. 5). В их нравственно-религиозной жизни не доставало идеала нравственного совершенства, что могло дать им только христианство, (Мф. 6:48) почему в этой главе приводятся исторические сведения о судьбе христианства в Аравии – северной и южной.

Еще в первые века христианской церкви евангельское учение было распространено в северной и особенно в южной Аравии и держалось там до распространения ислама. Кроме упоминаемого в посланиях ап. Павла (Гал. 1:17) путешествия его в Аравию (Сирию), памятники христ. литературы свидетельствуют, что св. Тимон, один из 70 апостолов, был первым епископом Бостры (Бассоры), которая считалась митрополией аравийских церквей. Из этого города евангельское учение

распространилось в аравийских пределах. Св. Ириней, еп. Лионский 2 века по Р. Хр., точно обозначает аравийские церкви, которым христианская вера была проповедана апостолами. В 3 веке у св. Епифания упоминаются разные еретики аравийские и между ними скопцы-валесиане, которые оскотляли своих приверженцев и воспрещали им употребление мяса. В 244 г. аравийские епископы приглашали в Бостру знаменитого Оригена для обличения епископа Бирилла в его заблуждении относительно божества Христа. В 247 г. Ориген, присутствуя на епископском соборе в Бостре, обратил в православие некоторых арабских христиан, думавших, что душа человека, умирает вместе с телом, но воскреснет с ним. В то же время в Петрейской Аравии распространилась ересь элкесаитов, отвергавших послания ап. Павла и в то же время искажавших другие священные книги христиан, причем они похвалялись особой книгой, упавшей к ним с неба, и считали делом безразличным наружное отречение от веры, сохраняя ее в сердце. Неудивительным должно казаться после этого учение Мохаммеда о том, что Иисус Христос не имел божеской природы и что христиане искажали свои священные книги⁴⁰².

Заслуживает внимания мысль автора ст. «Христианство в северной Аравии» о том, что эта окраина римской империи не отличалась просвещением и что в эту заброшенную страну стекались поддони римского общества – ссыльные преступники и добровольные беглецы, а также и гонимые за веру⁴⁰³. Мохаммед, во время своих торговых странствований и остановок в разных пунктах северной Аравии мог встречаться с теми и другими представителями христианства и получать от них правильные и ложные сведения о христианской религии, следы которых сохранились в Коране⁴⁰⁴.

При других условиях христианство распространялось в южной части Петрейской (Каменистой) Аравии: в 249 г. по Р. Хр., во время гонения на христиан в Египте, на Синай бежал Херемон, престарелый епископ Никополя, а вслед за ним туда же укрылись и многие другие христиане, приходившие в соприкосновение с кочевыми арабами. Тогда же, на сопредельном с Аравией Синайском полуострове началось христианское пустынножительство, распространившееся и на Петрейскую Аравию. Во второй половине 3 века упоминается епископ Бострийский Максим, присутствовавший на Антиохийском соборе 1269 г.). Около этого же времени, к северу от Бостры, в нынешнем Хауреме, еменские выходцы основали Хассанидское царство, в котором было не мало подданных христиан.

В «Historia anfeislamica» Абульфеды упоминается, что сын первого

Хассанидского царя – Амру исповедывал христианскую веру и основал в начале 4 века несколько христианских монастырей в своих владениях. Во время гонения (303–312 гг.) св. Кир удалился из Александрии в Аравию, где своей святой жизнью и врачеваниями приобрел большую известность среди туземцев⁴⁰⁵. При Диоклетиане было много пострадавших христиан из Аравии. На первом вселенском соборе (325 г.) присутствовали шесть епископов из Аравии, в числе которых названы: Никомах из Бостры, Петр из Айлы. Кирион из Филадельфии (др. страна Аммонитян). На четвертом вселенском соборе (451 г.) Бостра и Петра были сделаны митрополиями аравийских церквей и под актами собора подписались несколько епископов Бостры и Петры, с указанием на места их епископий, обыкновенно не известных в существующих географиях Аравии⁴⁰⁶. Вместе с этими известиями церковные историки сообщают, что во второй половине 4 века в Аравии распространились две ереси: Коллиридиане, признававшие у Девы Марии божескую природу, и антидикомариониты не воздававшие ей установленной церковью почести. Кроме того, там были известны евтихияне, несториане и докеты. От второй половины 5 в. также известны имена митрополитов и епископов северной Аравии: Иоанн – митрополит Петры, Антипатр – митрополит Бостры, Петр 2-й – епископ кочевых арабов и Павел – архиепископ Айлы (около 490 г.), упоминаемый в житии препод. Саввы Освященного.

В шестом веке, вследствие смут в южной Аравии, караванная торговля через Петру прекратилась и получила направление через Персидские владения. В тоже время уменьшились военные силы в Петрейской Аравии вследствие частых войн императ. Юстиниана с Персией. От этих двух причин уменьшились городские поселения, и сама Петра, бывшая еще в 562 г. (главным городом в Петрейской Аравии, сделалась незначительным местечком⁴⁰⁷, а сами арабские кочевые племена были соращены в монофизитскую ересь и стали враждовать – против римской культуры и православного христианства, оплотом которого оставался Синайский монастырь. Из епископов этого времени упоминаются: Полихропий Ареопольский, Петр Фенонский, Валент – арабских поселений, Григорий Бакатский, Феодор Петрейский, Иоанн Августопольский, Макарий Ариндельский, Стефан Ардонский, Димитрий Харакмовский, Илия Ареопольский, Зиновий Елузский, Иоанн Фенонский, Павел Айганский⁴⁰⁸ и Барак Бакатский. Все они были защитниками православия от монофизитов. Во второй половине шестого века архиепископская кафедра из Айлы была перенесена в Синайский монастырь, очевидно, по недостаточности православных жителей в этом историческом пункте⁴⁰⁹.

Около 600 года по Р. Хр. упоминается Афиноген, епископ Петры, давний большой биографический материал составителю «Лимонаря» – Иоанну Мосху, а в 606 году скончался знаменитый составитель «Лествицы» препод. Иоанн Лествичник. Оба эти христианские подвижники окончили свое земное существование незадолго до выступления Мохаммеда на общественную проповедь нового религиозного учения (ислама), сменившего в Аравии христианскую веру и церковь. Эта смена двух различных, взаимно исключаящих себя религиозных учений произошло естественно под влиянием современных исторических событий. Можно с большой вероятностью предполагать, что христианство, насажденное в северной Аравии, не успело еще пустить глубокие корни на арабской почве, особенно среди кочующих «сынов Измаила», как уже было заглушаемо сорными травами – еретическими учениями. Не говоря собственно об арабах, которые едва ли могли сознательно проникнуться высоким учением христианской церкви без просвещения, без школ (о чем в исторических памятниках не упоминается), приходится остановиться на личностях самих руководителей новопросвещенных арабов – на епископах и пресвитерах, из которых многие сами колебались в своих религиозных взглядах и верованиях. Так, Бострский епископ Берилл сам нуждался в увещаниях, как заблудший. Могло ли быть действительное общение епископов *saracenorum civitatis* или *gentis saracenorum*, как они подписывались под соборными актами, с кочевниками арабами⁴¹⁰ исконно жившими грабежами и поклонявшимися небесным светилам, особенно Утренней Звезде, которой приносили человеческие жертвы⁴¹¹. Не ограничивалось ли в этом обращение арабов одним формальным крещением их без достаточного научения новопросвещенных истинам веры? Не было ли такое же формальное отношение к ним со стороны пастырей? Кто были эти пастыри и как они поучали свою полудикую паству? – Знали ли они язык пасомых? Имели ли арабы переводы св. книг и богослужебных на родной язык? Где и как они молились и учились? Вот вопросы, остающиеся без ответа и допускающие невыгодные для дела предположения по аналогии с подобными же фактами из жизни крещеных инородцев России.

Результаты такого печального положения дела не замедлили сказаться: Петрейская Аравия уже в начале 7 века по Р. Хр. стала испытывать запустение, а политические события того времени способствовали этому: опустошительные походы персидских войск, сопровождавшиеся грабежами и разорением городов, сел, монастырей и церквей, избиением и уводом в плен жителей всякого возраста и пола

обезлюдил страны новопросвещенных арабов, наполнив их развалинами и обратив в дикие пустыни. Петра уже не восставала из своих развалин, как и многие другие епископские кафедры. При этом замечательно, что епископ Бакатский Антоний и Фаранский епископ Феодор сами впади в монофелитскую ересь и в половине 7 в. были последними епископами тех мест, о которых упоминается в церковных памятниках⁴¹². Окончательный удар христианству в Петрейской Аравии был нанесен овладевшими ей арабами-мусульманами. В 624 году сам Мохаммед, только еще начавший свою политическую карьеру в Медине, обещал покровительство христианам северной Аравии, которых он рассчитывал склонить на свою сторону, а в 630 году христианский князь Айлы – Иоанн попросил у него мира за плату ежегодной дани. Но обаяние ислама – национальной религии арабов – произвело свое отрицательное действие на христианское население страны: извращенное примесью монофизитства, несторианства и разных персидских и отечественных суеверий, христианство греческой церкви испытало то, что испытывает в настоящее время церковь русская – отпадения новообращенных христиан... В 632 году, в год смерти Мохаммеда, христианский князь царства Гассанидов был вынужден бежать из пределов Бостры в Константинополь, а римские войска потерпели поражение от мусульман при Муте... Тогда уже исчезла всякая надежда христианства на внешнюю поддержку в Аравии, а внутренней силы арабское христианство, очевидно, не имело для неизбежной внутренней борьбы с исламом... На сколько слабо укоренилось христианство в северной Аравии видно из того факта, что в правление халифа Абдул-Малика (конец 7 в.) ислам проник даже в семейства монастырских рабов, поселенных импер. Юстинианом близ Синая, которые вступили в междоусобную борьбу с христианами. В этой борьбе часть христиан погибли, часть бежали, а среди оставшихся христианство постепенно угасало и в 1750 году по Р. Хр. скончалась последняя представительница христианства среди северных арабов, как утверждает Арх. Порфирий⁴¹³.

Судьба христианской Айлы была не более отрадна: находясь на пути египетских мусульманских паломников в Мекку, она постоянно подвергалась нападениям мусульман, так как считалась важным пунктом⁴¹⁴. Крестоносцы завладели было Айлой, но в 1170 году египетский султан Саладдин изгнал оттуда крестоносцев, а с ними и христианских жителей города. Через 659 лет, в соседней Раифе, после чумы 1829 года, оставались только 80 православных христиан. В самом городе Петре христианский храм подвергся запустению в 1834 году. О

полуразрушенной христианской крепости времен крестоносцев – Кераке, в Каменистой Аравии, также известно, что там до 19 столетия уцелело не более 200–300 душ христиан обоюбого пола, которые, вследствие редких сношений с христианами соседней иерусалимской патриархии и невольного (?) безучастия последней к судьбе арабских христиан, сделались не то мусульманами, не то христианами. Замечательно, что только в 1849 году митрополит Петрейский Мелетий решился построить в Кераке вместе с церковью и школу! Когда церковь и школа были отстроены, митрополит Мелетий, как истинный просвещенный пастырь самолично отправился на место, освятил храм, открыл школу, рукоположил двух священников (одного из местных христиан), привез с собой учителя для новой школы из Иерусалима, и в двухмесячное пребывание в Кераке наставил, одарил всех и каждого и своими отеческими ласками и убеждением успел возвратить в православие несколько омусульманившихся семейств, совратившихся в ислам вследствие своего глубокого невежества, по неимению опытного руководителя в лице священника. В последнем христианско-арабском пункте – Филадельфии (др. Равафа Аммонитская) в 1838 году числилось христиан до 400 человек, окруженных 3000 мусульман: христиане имели там церковь и священника, но их существование было едва заметно. О современном состоянии христиан этих местностей сведений нет.

Не менее печальна история христианства в южной Аравии. Древние христианские писатели (Ориген, Руфин, Иероним, Софроний и Филосторгий) утверждают, что христианство в южной Аравии было впервые проповедано ап. Варфоломеем, который оставил новообращенным арабам-химьяритам евангелие от Матвея. Около 190 года по Р. Хр. новообращенных арабов посетил известный философ-стоик Пантен. Химьяритский царь Абд-Джелаль бен-Максуб (около 250 г. по Р. Хр.) был тайным христианином, а при внуке его Вакие, около 320 г. по Р. Хр., христианство имело уже значение в Емене, жители которого, по свидетельству Евсевия, относились человеколюбиво к христианам, бежавшим к ним от сирийских и египетских гонителей, а также и к пленным. В правление Вакии, персидский царь Сапор 2-й воздвиг гонение на Еменских христиан и казнил их тысячами, так что в половине 4 века в южной Аравии, по-видимому, исчезли следы христианства. Но с утверждением христианства в Абиссинии, император греческий Констанций⁴¹⁵ послал к химьяритам миссионера Феофила, под влиянием которого царь их принял христианство и построил три церкви в Зафаре, Адене⁴¹⁶ и Ормузе (334–356 г.). О городе Наджране, находившемся между

Аденом и Хадрамаутом, верст 200 от города Сана, сохранились известия, как о городе большом и многолюдном, в котором были церкви и процветало благочестие – учение христианское распространялось, умножалось число иноков и устроились монастыри. Среди жителей города не было никаких иноверцев, а были только «единые матери соборные апостольские церкви чада». В 5 веке христиане-химьяриты были настолько проникнуты духом христианства, что ходили за духовным наставлением к известному ливанскому подвижнику Симеону Столпнику⁴¹⁷. В начале 6 в. Византийские императоры Юстин I и Юстиниан I (518–527), в видах противодействия персам⁴¹⁸, оказывали поддержку абиссинскому вассалу в Емене; но христианство имело злейших врагов в лице местных представителей власти – князей Емена, стремившихся распространить среди своих подданных иудейство. Такой враждой и даже гонениям на христиан еменских особенно был известен Тобба Зу-Навас⁴¹⁹, власть которого была уничтожена Абрахой, погибшим после неудачного похода на Мекку, в год рождения Мохаммеда. При жизни Мохаммеда христианство навсегда утратило свою историческую миссию в Аравии. Поэтому по поводу цитированный выше католический автор Н. I. Bestmann говорит, что превосходство христианских идей над религиозным мировоззрением арабов было, а под влиянием этих идей среди арабов распространилось скептическое отношение к своей вере, как это видно из рассказа Ибн-Хишама⁴²⁰: «В одном из языческих праздников, посвященных одному почитаемому идолу, собралось много корейшитов, которые перед этим идолом приносили жертвы и совершали свои торжественные обходы вокруг идола, как это бывало ежегодно. При этом четыре араба держались вдали от сборища: Варака бен Науфал, Абдулла бен Хаджаш, Осман бен Альховайрит и Зяйд бен-Амр бен Найфаль. Каждый из них говорил своему товарищу: «истинно, наш народ потерял правую веру. Религия Авраама изменена. К чему нам «камень», который не слышит, не видит, не может ни вредить, ни пользы приносить». После этого они разошлись по разным странам, чтобы найти истинную веру Авраама.

Варака, вследствие своих связей с евреями и христианами, среди которых он постоянно вращался, превосходил своих товарищей энергией и последовательностью мышления. От евреев он часто слышал об имеющем явиться Мессии, посланнике Божиим, который спасет евреев и очистит старую веру; многие иудействующие христиане говорили ему в том же смысле, и Варака был глубоко убежден, что этот посланник произойдет из арабов. Существует указание, что Варака под конец жизни своей принял

христианство, прилежно изучил Ветхий Завет и часть Евангелия перевел на арабский язык.

Осмал-бен-Аль-ховайрит, двоюродный брат Вараки, за свою храбрость был глубоко уважаем своими современниками; но это была слишком глубокая натура, чтобы довольствоваться своей славой и удовлетвориться бессмысленной верой арабов. Таким образом он тоже отправился путешествовать и, как говорят, также перешел в христианство.

Абдулла, владевший в Мекке большими поместьями, хотя только с материнской стороны принадлежал к корейшитам, но также пользовался большим почетом среди них. Однако его искания истинной веры остались к его глубокому огорчению безуспешными, и он не мог прийти ни к какому решительному убеждению. Но когда Мохаммед выступил пророком, Абдулла полагал, что нашел столь давно и тщетно искомую истину и тотчас последовал за Мохаммедом. Впоследствии он оставил ислам и перешел в христианство.

Наконец, четвертый из названных арабов, Зяйд-бен-Амр, двоюродный брат Омара (впоследствии Халифа), также хотел отправиться путешествовать с целью розыскания истины; но родной его дядя Аль-Хаттаб (отец Халифа Омара) упорный последователь меккского политеизма, узнав о намерении своего племянника, которого глубоко презирал, принял все находившиеся в его распоряжении меры, чтобы помешать Зяйду. Поэтому, как ни старался Зяйд, Аль-Хаттаб всегда умел останавливать его, и Зяйд был вынужден оставаться в Мекке. Но у Зяйда было слишком глубоко желание найти истинную веру: он ежедневно отправлялся к Каабе и там молился о просвещении его ума и сердца. Прислонившись спиной к стене меккской святыни (Кааба), он предавался религиозному размышлению и постоянно восклицал: «Боже! Если б я знал, как Тебе служить и молиться, я был бы послушным Твоей воле; но я не знаю» ... Зяйд не мог примириться ни с верой евреев, ни с верой христиан, и путем собственного размышления искал ту веру, которую, по его мнению, исповедовал Авраам. Поэтому он составил собственную религиозную систему, главным догматом которой была вера в единство Божие. Он энергично боролся против многобожия и безнравственных поступков своих сограждан, как например, против – обычая их хоронить заживо своих малолетних дочерей, чтобы избавиться от забот по воспитанию их. Бодро выступал он против господствовавшего в Мекке суеверия и безверия и, вероятно, имел большое влияние на своих сограждан. Только этим можно объяснить, почему Аль-Хаттаб нашел нужным удалить своего племянника из Мекки, отведя его на гору Хиру,

где и содержал его под строгим арестом. Но Зяйду удалось бежать из этого заключения, и он отправился искать веру Авраама и расспрашивал о ней еврейских раввинов и христианских монахов. Он проехал Месопотамию, был в Моссуле, посетил Сирию и нашел там монаха, считавшегося одним из ученейших христиан. Зяйд спросил монаха об истинной религии Авраама, и монах ответил ему: «ты ищешь религию, которой тебя никто теперь научить не может; но близко время, когда в стране, из которой ты пришел, появится пророк, посылаемый Богом с истинной верой Авраама; последуй за ним» ... После этого Зяйд уехал домой, но на дороге подвергся нападению арабов-лахмитов, был ограблен и убит ими⁴²¹.

Сколько бы ни существовало сказаний о судьбе этих четырех замечательных арабов до-Мохаммедова времени, но общая им всем черта несомненно верна исторически, именно; стремление их к чему-то новому, лучшему в области религии, – надежда, что появится пророк, который сумеет положить конец безотрадному состоянию религии, чья проповедь будет в состоянии воодушевить к новой духовной жизни заблудившийся народ. Они удалились от шумного меккского идолопоклонства, так как не могли найти в нем нравственного успокоения для себя. Неудовлетворенное состояние их духа с неотразимой силой влекло их к чистому, высшему религиозному познанию, к познанию высшей чистой веры, которой жили их предки и которая была затеряна современным поколением, довольствовавшимся внешним почитанием Высшего существа и идолопоклонством и не стремившимся познать это Высшее существо. Мысль о бессмертии души у их современников была совершенно поглощена другими постоянными думами об удовольствиях и радостях ежедневной жизни⁴²².

Хотя эти четыре араба стоят обособленно, но мысли их и сознание ненормальности существующего порядка были присущи и многим другим арабам, которые более или менее ясно сознавали это. Для Аравии наступало новое время; новые религиозные идеи с неотразимой силой охватывали сперва единичных мыслителей, затем все более и более водворялись и распространялись, пока, наконец, не появился Мохаммед, который был в состоянии открыто выступить со своим учением и бороться за него.

Большинство мекканцев не соглашались с ним и не хотели отказаться от своих идолов. Они находили странным, что Мохаммед хотел поставить одного Бога на место их многочисленных богов; не могли допускать и разных других оттенков христианских верований; только ханифская вера удержалась среди арабов, и Мохаммед считал первоначально свою

религию ханифской⁴²³.

Но большинство мекканцев не было расположено отказаться от своих идолов. Они находили странным, что Мохаммед хочет целый ряд их прежних богов заменить одним только Аллахом и себя выдает за посланника Божия, обещанного арабам и предсказанного в св. книгах евреев и христиан⁴²⁴; но он настаивал на этой мысли, утверждая, что сам Бог избрал его как Мессию для арабов⁴²⁵. Эта мысль находила благоприятную почву среди арабов, – хотя их вожди и сомневались в каноническом значении пророческих писаний. Именно иудействующие христиане находились достаточно близко к северным арабам, чтобы склонить арабов на свою сторону. Близ Петрейской Аравии были известны Сампсеи, которые поклонялись единому Богу, строго исполняли омовения – (воду почитали почти как божество), – но не признавали пророков и апостолов. Некоторые из них воздерживались также от питания живой тварью. Поэтому имеет основание мнение св. Епифания, который ставит Сампсеев на пограничной линии между иудейством и христианством, – так как они все-таки исповедовали Христа. Они видели в Нем существо, обладавшее ангельской силой, которая впервые наблюдалась у Адама и затем снова проявлялась время от времени⁴²⁶. Эта идея была усвоена Мохаммедом, который построил на ней историю пророчества⁴²⁷.

При этом возникает вопрос – насколько глубоко проникло это родственное иудейству христианство к арабам, живущим на севере? В действительности нет никаких достоверных данных для подтверждения такого предположения. Во всяком случае надо сказать, что небольшое число христиан северной Аравии не могло повлиять определяющим образом на религиозное развитие арабского племени, как и на самого Мохаммеда. Он значительной долей коранических рассказов был обязан христианству, только не в чистом его виде, как это видно из сличения Корана с христианскими апокрифами⁴²⁸, но тем не менее христианство было с корнем уничтожено в Аравии, и в настоящее время в пределах собственно Аравии нет христианства⁴²⁹. Можно сказать с уверенностью, что христианская догматика была недоступна пониманию арабов, не отличавшихся склонностью к философствованию, а систематического просвещения особенно кочевые арабы не знали. И оседлым арабам было трудно изучать сложный и мудреный христианский катехизис. В результате оказалось тоже, что мы видим в приволжской России: огромное число инородцев (более 40 тысяч), когда-то крещенных, но своевременно не просвещенных христианской школой, формально отказались от христианства и перешли на сторону того же ислама, который в 7 веке по Р.

Хр. вытеснил слабое христианство из пределов Аравии⁴³⁰.

Современное положение Аравии и взгляд на будущую судьбу ислама

Из напечатанных в этой книге глав видно, что вся история Аравии проникнута религиозным характером, именно как страна, предназначенная Провидением служить религиозным целям, что она и оправдала фактически, сделавшись колыбелью ислама, – одной из главных религий человечества. Кроме того, Аравия с ее священными для мусульман всего мира городами – Меккой и Мединой – до сих пор служит центральным пунктом, в котором во время хаджа встречаются и сближаются представители ислама всех частей света и откуда разносят потом по всем странам мира объединяющий их принципы «мусульмане – братья друг другу и самый лучший народ из всех». Из этого очевидно всемирное политическое значение хаджа.

Не вдаваясь в разъяснение этого факта, понятного каждому, заметим только, что святыня христиан – Иерусалим и другие города Палестины никогда не имели, а в наши дни тем менее оказывают политическое влияние на христианскую Европу, оставаясь для удовлетворения исключительно религиозной потребности посещающих «Святую Землю» христиан. В этом заключается огромное, и притом существенное отличие мусульманского хаджа от христианского паломничества, тем более, что Палестина находится во власти турок-мусульман и что мечеть Омара высится и красуется над постройками св. города, а храм Воскресения Христова, охраняемый турецкими солдатами, напоминающими евангельскую кустодию, почти не приметен среди других городских зданий. Столь неисповедимы судьбы Божии! При этом Палестина и ее святыне места, по самому характеру универсального христианства, одинаково доступна христианам и всем иноверцам, между тем как св. города мусульман, по исключительному, фанатическому духу ислама, недоступны посещению иноверцами, – и только немногие христиане имеют правильное представление о Хиджазе. Воспользуемся поэтому живым словом современного публициста Т. Холмского, описавшего впечатления паломников в Мекке⁴³¹.

«Хиджас или Геджас – священная земля мусульман, где зародилось и откуда разлилось по всему Востоку учение Магомета, где жил, учился и умер создатель одной из распространеннейших религий мира, – представляет собой безотрадную, выжженную солнцем полосу земли в 1500 верст длины и от 150 до 300 верст ширины. Глубокие, почти зыбучие

пески, без малейшего признака растительности, с очень редкими скудными источниками полусоленой воды, тянутся вдоль моря; параллельно им, в 50–60 километрах от берега, идут горы, сплошь каменистые, голые, такие же безжизненные, как и пустыня.

«Но если природа обделила эту печальную землю своими дарами, за то вера и воображение человека щедро скрасили ее легендами и преданиями, превратив ее знойные пески и серые камни в колыбель человеческих религий. Через весь Геджас, на Синай и далее до Палестины, идут места, которые сначала евреи, потом христиане, и наконец мусульмане связывали с библейскими воспоминаниями, или почитали за священные места, где Бог являлся человеку. Уже в самой Джедде показывают курган Мона-Хава, где по преданию была погребена Ева; несколько далее на северо-восток от Мекки, у подножия горы Арафат, Адам и Ева соединились после своего изгнания из рая, и здесь Ева родила своего первенца; недалеко отсюда находится гора Мина, особенно почитаемая мусульманами, – место, где Авраам хотел принести в жертву своего сына. Печальные пустыни Геджаса приковывали к себе внимание не только религиозной мысли человека, но и вдохновение поэтов; именно в Джедде было место действия, столь воспетого восточными стихотворцами романа между «Мажнун и Ляйля» – этих «Наль и Дамаянти» Аравии.

«Поэтому постоянной мечтой и задачей турецких султанов было подчинить отечество пророка своему владычеству. Под мечом султана Селима в 1517 г. пал наконец арабский калифат, и северная Аравия вошла в состав Турецкой империи, как часть Багдадского вилаята. Трудность управления многочисленными арабскими племенами и значительная отдаленность от империи делали владычество турок в Геджасе номинальным. Религиозное, пуританского оттенка движение, вспыхнувшее в середине 18 столетия среди арабского племени вахабитов, в соседней с Геджасом провинции Наджд, уничтожило надолго даже последние следы этого владычества; крайне воинственные и фанатичные вахабиты взяли в 1799 г. Мекку, а четыре года спустя и Медину, совершенно изгнав турок из всей страны. Только с этого времени турецкое правительство решает начать серьезное наступательное движение. По приказу из Константинополя, египетские войска, под начальством Ибрагим-паши, снова завоевали Геджас и в 1818 г. вторглись в сам Наджд и разрушили столицу вахабитов – город Дарайя. Однако, с уходом египтян восстание вспыхнуло с новой силой, и в 1876 г. потребовалась новая экспедиция Митхад-паши, которому удалось привести арабские кабили

(племена) в некоторое повиновение. В 1884 г. Геджас был преобразован в самостоятельное валийство, подчиненное только Константинополю.

«Несмотря на свое долголетнее господство в этой части Аравии, турки, до провозглашения июльской конституции, ничего не сделали, чтобы водворить и упрочить в ней порядок, успокоить и привязать к себе население. Администрация, начиная от мелких чиновников до самого вали, получая назначение на свои посты за очень большие деньги, смотрела на них, как на доходные места, откуда нужно и можно выжать как можно больше денег. Эта система управления получила особенно широкое развитие при Абдул-Гамиде, которому геджасские вали были обязаны ежегодно посылать «подарки» в несколько сот тысяч турецких лир. Чтобы выжать эти деньги с населения, турецкая администрация не останавливалась ни перед какими средствами; так, например, последний перед конституцией вали Ахмет-Ради́ф-паша приказал, несмотря на то, что город Джедда очень страдает от отсутствия воды, завалил камнями и мусором найденный в окрестностях города источник только для того, чтобы на вес золота продолжать продавать воду из своих цистерн. Таких примеров самой беззастенчивой и даже преступной эксплуатации числится за каждым турецким чиновником в Аравии без счета. Единственный турецкий вали, о котором в населении сохранилась добрая память, был знаменитый Осман-паша; но он оставался весьма недолго и мало что успел сделать. Непрерывные поборы администрации, произвол и насилия их над арабским населением и были главными причинами постоянных волнений и восстаний. Арабы жалуются, что и конституционное правительство Турции идет в этом отношении по старому пути и незаконно пользуется тем, что ему не принадлежит; в частности, они указывают, что турецкие власти даже теперь не отдают населению те 3–4 тысячи лир, которые египетское правительство ежегодно уплачивает арабским племенам, как плату за проход священного каравана по принадлежащей последней территории. С другой стороны надо указать, что действительно Турция до сих пор ничего не сделала ни в деле поднятия народного образования, ни упорядочения суда, ни проведения путей и т. д. Единственно, что им устроено – это турецкая начальная школа в Джедде, куда арабы не отдают своих детей благодаря грубо-тюрко-затурской ее тенденции. Единственная железная дорога, проведенная турками в этой громадной по пространству стране – дорога от Бейрута на Медину, или, как ее называют, Геджасская. Но несмотря на то, что на постройку ее были собраны громадные деньги, дорога весьма плохо выстроена, еще хуже оборудована, а правительство не только не думает о

сооружении новых путей сообщения, но и не поддерживает даже существующую дорогу. В этом году на ремонт последней, кстати сказать непрерывно разрушаемой то бедуинами, то муравьями-термитами, ассигнована до смешного малая сумма – 160 тысяч лир. Охрана дороги весьма слабая так же, как и охрана тракта от Джедды в Мекку; привезенный 11/2–2 года назад железнодорожный материал для проектированной дороги из Джедды в Мекку целиком давно уже расхищен и от него не осталось и следа. Притом военные силы, имеющиеся в стране, слишком ничтожны, чтобы не только обезопасить сообщения и внушить полудиким арабским кабиллям страх и уважение к власти, но наоборот, своей слабостью и малочисленностью они подталкивают арабов на самые дерзкие грабежи и нападения, так как все они остаются безнаказанными. Новый режим в Турции в этом отношении, к сожалению, мало сказался. Рассказывают, что, когда в прошлом году арабские племена подступили к самой Джедде, и некоторые европейцы советовали каймакаму города воспользоваться имевшимися в его распоряжении 32 вполне исправными пушками, в гарнизоне Джедды нашлись всего два солдата знакомых, и то весьма слабо, с артиллерийским делом.

«Не лучше и в этом году: вдоль всего побережья Геджаса идет очень сильная контрабандная торговля оружием, доставляемым французскими купцами из Джибутти на столько открытая и дерзкая, что на глазах у всех были выгружены 2 пулемета; стоявшая на рейде Джедды турецкая канонерка, со специальной целью наблюдения за побережьем, бессильна что-либо предпринять против контрабанды, потому что у ее пушек нет снарядов⁴³².

Еще более вызывает удивления продолжающаяся здесь торговля рабами. Один прогрессивный мусульманин много лет проживающий в Джедде, так писал об этом грубом остатке древних времен: «Да, да, не удивляйтесь: у нас продают живых людей, как баранов... И это в то время, когда Турция сбросила ужасное прошлое и стала в ряды цивилизованных государств... Мы давно ожидали, что правительство раньше всего обратит внимание на позорный обычай, существующий, к сожалению, в самом сердце нашей святыни, а именно в Мекке, – продажу рабов. И что всего обиднее, этот ужасный торг происходит около Каабы, на базаре Зуунка.

Здесь несколько лавок торгуют специально людьми, и можно наблюдать, как приехавшие на богомолье хаджи толпятся вблизи этих лавок. Продаются мужчины и женщины, причем первые обыкновенно закованы в железо. Иногда просто не верится, что дело происходит в такие времена. Необходимо об этом кричать повсюду и, может быть, наше пра-

вительство⁴³³ решительно прекратить позор не только для него, но и для всех мусульман. Негры и негритянки очень дешевы, а цена на них колеблется, от пяти до десяти турецких лир⁴³⁴; но абиссинянки, в особенности чуть-чуть смазливые, доходят до ста лир⁴³⁵. На них всегда покупатель налицо. Позорно, что продают наших единоверцев, в особенности у святыни, потому что все эти несчастные – исключительно мусульмане⁴³⁶. Само собой, (разумеется), что не все ходят на свой позор, но любители толпятся с утра и до утра. Рабов продают для разного употребления, и вы догадаетесь – для чего приобретают рабов. Достаточно этим негодьям-работорговцам пробраться вдоль берега, потому что, где расположены французские, итальянские и английские колонии, туда работорговцам пробраться трудно, и они набрасывают цену на живой товар. Стоит послушать, как они убеждают покупателя, объявляя трудности подобной торговли. Мерзопакостный покупатель с вожделением смотрит на молодых девушек, глаза которых полны слез, а некоторые видимо много страдали и сопротивлялись раньше, чем окончательно отдаться в руки покупателя. Есть на вид еще дети, и сердце невольно сжимается от негодования против этого возмутительного насилия. В самой Джедде, где я живу, рабов провозят тайно, потому что европейские консулы⁴³⁷ как-то протестовали против этого, но видимо протесты их чисто случайные: преследуя свои цели, консулы не хотят решительно воспрепятствовать позорному торгу, чтобы тем самым не нарушить своих отношений с местными властями.

Но рабство – прибавляет корреспондент-очевидец, еще долго будет принадлежностью черной расы, потому что, как это было в день Малого Байрама⁴³⁸ в Джедде, негры, подобно другим дикарям, устроили процессию по городу, с воем и визгом. Чему они радовались, трудно сказать, но тяжело было видеть людей в положении настоящих скотов, да еще в почитаемом мусульманском месте. «Это одна из печальных страниц нашей истории. Есть все-таки надежда, что просвещенные оттоманы прекратят торговлю людьми и постараются очистить святое место от паразитов. Ведь, теперь не старые времена, и достаточно одного приказа из Константинополя, и вся эта гнущь исчезнет»⁴³⁹.

Будет ли так, как говорит прогрессивный мусульманский корреспондент из Джедды, и когда уничтожится рабство в мусульманских странах, – об этом трудно предсказывать в настоящее время, несмотря на то, что в Турции объявлено конституционное правление. Во-первых: институт рабства, очевидно, соответствует природе Аравии и арабов и потому существовал там всегда и не был отменен Мохаммедом⁴⁴⁰. Во-

вторых: сами арабы, очевидно, не переросли в 20 столетии тех социальных рамок, в каких застал их основатель ислама. Наконец, в-третьих: турецкое управление в Аравии всегда было неудовлетворительно; таким же неудовлетворительным признается и современный административный турецкий режим в Аравии, несмотря на обновленную форму правления в Турции.

Причину этого нужно видеть в характере управления Аравией. Собственно, Хиджазский вилайет управляется великим шарифом Мекки, под непосредственным контролем турецкого паши (генерал-губернатора) и совета шейхов мюшейхет) города Медины. Шариф Мекки, по происхождению своему –потомок Мохаммеда и является высшим охранителем св. мест Хиджаза и потому пользуется особым почетом и влиянием: он выше и важнее константинопольского шейху-ль-ислама и не подчиняется турецкому генерал-губернатору, назначаемому Высокой Портой.

Но при всей независимости и неограниченности своей духовной власти, шариф Мекки все-таки получает свою инвестицию от турецкого султана, а иногда должен ответствовать и перед народом. Корреспондент парижского мусульманского журнала⁴⁴¹ рассказывает, что не особенно давно великий шариф Саид-паша, соблазненный золотом, или желанием показать себя просвещенным, разрешил двум европейским ориенталистам посмотреть Мекку и, главным образом, священную для мусульман Каабу и за такую неслыханную дерзость погиб среди бела дня под кинжалом фанатика, уложившего шарифа в летней его резиденции – гор. Таифе, находящемся недалеко от Мекки, в горах.

Определенного жалования шариф не получает, но зарабатывает, по словам арабов, больше самого султана. – Такое положение шарифа и выгоды, соединенные с этим положением, вызывает зависть у его соперника по власти –геджазского валия (турецкого генерал-губернатора): соревнующиеся власти находятся почти в ежедневном столкновении, что продолжается издавна, со времен турецкого султана Селима, подчинившего Аравию Турции. Известный путешественник по Аравии 19 в. Бертон так описывал положение меккского шарифа: «Шариф, притязующий, подобно папе, на высшую светскую и духовную власть, пытается повелевать всеми властями... Паша, т. е. валий, стоит во главе турецкой, теперь правящей партии, а шариф заботится об арабах и бедуинах. Оба начальника пререкаются друг с другом по всякому поводу и ведут нескончаемые и ярые споры.

За время Гамидова режима шарифом Мекки состоял чрезвычайно

способный и чрезвычайно беззастенчивый в средствах эль-Рафик. Тогда взяточничество царило в Стамбуле, и шариф умел покупать и подкупать наиболее влиятельных из приближенных Абдул-Гамида. Его влияние господствовало, и он пользовался такой властью в стране, что генерал-губернатор и все военные и гражданские должностные лица должны были склоняться перед его волей. Он был бесспорным владыкой Геджаса. Но для того, чтобы закрыть глаза Порты всем в Константинополе, надо много денег. К паломникам относились совершенно бесчеловечно. Деньги вымогались у них всячески. Они должны были платить погонщикам и собственникам верблюдов непомерные суммы на покрытие тяжелых налогов, установленных для последних шарифом. Проводники по святым местам обирали паломников до последней копейки. Бедуины также участвовали в грабеже.

«Таково было положение дел, когда в Турции была провозглашена конституция. Турецкие чиновники в Мекке и повсюду в Геджасе почувствовали прилив смелости и, во имя «единения и прогресса», попытались оказать давление на шарифа и бедуинов. Шариф Али отказался подчиниться людям, на которых смотрел, как на выскочек, и которые не имели ничего общего с комитетом единения и прогресса. Тщетно попытавшись сопротивляться им, он ушел в отставку и направился в Константинополь для оправдания своей деятельности. В настоящее время он живет в довольстве и богатстве в Каире. Теперешний шариф Гуссейн – человек другого характера. Истый араб из арабов и притом насквозь турецкий дипломат, он жил при Абдул-Гамиде в Константинополе, находясь в ежедневном соприкосновении с наиболее влиятельными сановниками Илдыза. По словам каирского корреспондента, он производит впечатление искреннего арабского патриота, действительно озабоченного благосостоянием своей страны⁴⁴².

При этом необходимо иметь в виду, что во внутренней жизни арабов до 1910 года не замечалось каких-либо политических движений, кроме появления так называемых «махдиев», под фегулой которых организовывались восстания во внутренней Аравии. Кочевые арабы, с голода и по привычке, нападали на паломников, грабили их, а нередко и убивали и притом чаще – нападения направлялись на караваны бедных паломников. По словам корреспондента парижского журнала «Moussoulmanine», сотни случаев можно привести, как погибали целые караваны по пути в Мекку или Медину, подвергшись нападению кочевых арабских племен. Администрация ничего не могла сделать при старом режиме, а теперь и говорить нечего. Дикие кочевники, опасаясь, что новый

строй допустит в их святые места неверных, стараются убийствами и грабежами запугать даже своих единоверцев. Решительно пока с ними ничего сделать нельзя. Единственный исход – заранее сговорится и уплатить выкуп⁴⁴³.

Начиная с 1910 года, и среди кочевых арабов пробудилось национальное сознание: на базарах, в кофейнях и других местах народных сборищ, – по словам цитированного выше г. Холмского, обсуждался вопрос о халифате в том смысле, что турецкий султан не является настоящим халифом и т. д. Совершенное в 1910 году египетским хедивом паломничество в Мекку поддержало эти толки в арабской народной массе, после чего многие стали указывать на хедива, как на будущего султана-халифа. Возмущение еменских арабов и прокламации еще более поддержали народную молву. В Емене восстание продолжалось целый год; восстанием воспользовался ковейтский шейх, задумавший прямо отложиться от турецкого подданства, а его примеру последовал эмир Надждский и несколько других арабских вождей. Турецкое правительство было очень обеспокоено волнениями, происходившими в Аравии и 1 февраля, в особом совещании министерств морского и внутренних дел, новому коменданту Емена Мехмед-Али-Паше было поручено покончить с арабским мятежом путем энергичных мер. – Под влиянием народно-арабского движения, в Хеджазе, Емене и частью в Сирии распространялись резкие воззвания, изданные от имени «высшего арабского национального комитета». В этих прокламациях турки называются варварами, пришедшими из центральной Азии и вместе с тем указывается, что арабы в прежние времена были завоевателями и правителями, а теперь находятся в подчинении у турок и угнетаются ими. Воззвание приглашает всех арабов присоединиться к лиге «Арабская Родина» и проводить ее политическую программу. Она заключает в себе следующие пункты: отделение от Турции с целью образования особой арабской империи в пределах от долины Тигра и Евфрата до Суецкого перешейка и от Средиземного до Оманского морей. Вновь образованная империя будет представлять конституционный, прогрессивно-либеральный султанат, с арабом во главе; гиджаский вилайет и город Медина явятся независимым халифатом, местопребыванием всемирного халифа ислама. В дальнейшем программа обещает сохранение автономии Ливана, равно всех прав и привилегий христиан в Палестине, амнистию за все преступления и т. д. Воззвание этой лиги производит среди арабских племен, правда – полудиких, но умных по природе, гордых и свободолюбивых, к тому же презирающих и ненавидящих турок, – весьма

сильное впечатление.

«Говорить о партиях и политических течениях среди племен Геджаса не приходится. Все эти многочисленные племена, нередко враждующие между собой, еще слишком дики для сознательной политической жизни; их можно поднять против турок или во имя религиозного фанатизма, или возбудив их национальное самолюбие. Среди же арабской интеллигенции и буржуазии можно подметить в этом отношении два течения: более крайнее и умеренное. Первые настаивают на отделении Аравии от Турции и готовы для этого признать владычество всякой другой державы, если Египет, освободившийся от английской оккупации, не станет во главе панарабского движения; умеренные же довольствуются требованием для Геджаса реформ и полуавтономии.

Г. Холмский отказывается предсказать, в какой форме выльется в Геджасе националистическое арабское движение. Это трудно потому, что сейчас оно только в зародыше, но так как на Востоке события развиваются со страшной быстротой, то очень может быть, что мы будем вскоре свидетелями падения турецкого владычества в Аравии. Энергичная, хотя и разрозненная и непланомерная работа, которая идет сейчас в Сирии, Мессопотамии и Емене, служит вещим признаком. В частности, по отношению к Геджасу, автор говорит, что оборот могущих там разыграться событий весьма зависит от образа действий шарифа Мекки – хранителя Каабы и высшего представителя ислама. Влияние его на все арабские племена всегда было очень большое. Теперешний шариф Гуссейн-паша ставленник младотурок, как говорят, умный и ловкий человек. Сумев внушить молодому турецкому правительству доверие к своей личности, он сумел сохранить и доверие арабов. В народе считают его националистом, который может стать во главе движения; покамест же он ничем не проявляет своих истинных чувств и весьма ловко лавирует между Сцилой и Харибдой турецкими властями и пробуждающимся самосознанием арабского народа⁴⁴⁴.

Заканчивая свою книгу, автор возвращается к ее заглавию: «Аравия – колыбель ислама» и считает своим патриотическим долгом обратить внимание соотечественников на важное значение, какое имеет ислам для России, насчитывающей в своих пределах до 20 миллионов исповедников этой религии. На происходившем 13–26 июня настоящего года в Казани миссионерском съезде, в котором принимали участие представители более 20-ти внутренних губерний империи с инородческим населением тюркофинского племени, был с разных сторон рассмотрен вопрос об опасности, грозящей русской православной церкви и неразрывно соединенному с ней

русскому государству со стороны ислама. Ссылаясь в этом случае на факты, приведенные в докладах разных членов съезда⁴⁴⁵, автор заканчивает ссылкой на заметку уже цитированного в настоящей книге прогрессивного русско-мусульманского, издаваемого в Париже журнала «Мусульманин». Заметка эта напечатана в № 14 названного журнала и имеет заглавие: «Роль ислама среди народов». В ней автор-мусульманин приводит главные мысли проф. университета в Льеже, востоковеда Брикте, о современном значении и влиянии мусульманской религии. По его словам, ислам и в настоящее время распространялся с не меньшей силой, чем в первые века своего существования на земле. «Правда – читаем в «Мусульманине» – ислам исчез в Испании и Сицилии, по-видимому, падает в других европейских странах, но неизменно преуспевает на своей родине, в гигантской Азии, пробуждения которой в Европе многие ждут с опасением; ежегодно, без всякого шума, ислам приобретает там тысячи сторонников, восторженных до фанатизма; в Китае он насчитывает 20 миллионов верных и угрожает заменить собой буддизм; чрезвычайно быстро он преобразует положение вещей на Зондских островах. В самой Индии, покоренной великой христианской нацией, ислам распространяется в ущерб буддизму с изумительным успехом; число его приверженцев, согласно официальным отчетам, за 30 лет возросло с 20 до 60 миллионов. Все это ясно указывает, что распространение ислама продолжается и после периода завоеваний, не нуждаясь, как это неоднократно утверждалось, в поддержке ятагана. Но успехи ислама в Азии – ничто, по сравнению с его торжеством на огромном африканском материке. Африка – избранная арена мусульманской пропаганды.

«Следовательно, изучение верований и культа шестой части обитателей земного шара, замечает Брикте, представляется делом весьма интересным, и многие посвятили ему свое внимание; необходимо выяснить явные и скрытые недостатки и преимущества мусульманского миропонимания, столь часто оказывавшегося поперек пути европейской цивилизации, с которым в будущем придется иметь дело. Наиболее важный в практическом отношении и наиболее связанный с текущей жизнью вопрос, по мнению Брикте, – вопрос о причинах наблюдаемого среди мусульман застоя. Чем объясняется этот застой: внешними причинами, или гибельными принципами учения арабского пророка? Полезно выяснить: обречены ли народы, восприявшие ислам, на вечную дремоту, или же они могут до некоторой степени приноровиться к требованиям современной жизни?

«Отрицание свободы воли, фатализм, отчасти объясняет такое

влияние ислама. Вера в судьбу – предназначение, распространенная и среди голландских и швейцарских кальвинистов и пресвитериан Шотландии, правда, не мешает им быть наиболее деятельными народами мира; но умственные качества азиатов не таковы. Люди Востока обладают неведомой в наших странах силой характера и с чудовищной логикой доводят свои принципы до последних практических выводов. Магометане полны религиозного самоотречения по отношению к воле Бога, к тому «исламу», которому религия Магомета обязана своим названием. Несомненно, что фаталистический дух, которым столь поразительно проникнут мусульманский мир, сильно содействовал подавлению в мусульманах энергии. Следует заметить, что азиаты, даже не мусульмане, весьма склонны, по природе, к фатализму. Причины этого весьма сложны: влияние климата, деспотизма, неуверенности в завтрашнем дне и т. д.

«Тщетно думать об обращении мусульман в христианство. Это – несомненный факт. Все усилия миссионеров, как католических, так и протестантских, не привели ни к чему. Их роль в мусульманских странах ограничена тем, чтобы являть пример христианских добродетелей, милосердия к слабым и низшим. На обращениях, выполненных в России 16 века посредством меча и принуждения⁴⁴⁶, говорит Брикте, не стоит останавливаться. Эти приемы, не согласные с духом христианства, дали больше мучеников, чем обращенных.

«Как объяснить невозможность обращения магометан в христианство? Имеется несколько причин этого. Прежде всего, как не раз утверждалось, – большая простота мусульманского учения, идеал, ограниченный практической нравственностью, считающийся с нашими страстями и не требующий больших усилий и какого-либо отречения. К этой первой причине можно добавить религиозные предписания, регулирующие жизнь мусульманина. Для него порвать с верой значит в тоже время порвать со всеми своими привычками, перевернуть всю свою жизнь. Для мусульманина столь же трудно одобрить религию Христа, как для христианина – стать израелитом: отступления бывают редки.

Объяснив, таким образом, упорство мусульман в своей вере, Брикте замечает, что идеалы народов различаются, как и идеалы отдельных лиц. Один лелеет величественные мечты, стремится к богатству, славе, власти и почестям и толкает к этому своих ближних; другой довольствуется малым, презирает богатство, мирскую суету и живет себе спокойно и тихо. Кто прав из них? Возможно, что счастье во взаимной привязанности и умеренности желаний: тогда мусульманскому миру нельзя сильно жаловаться.

Главный рычаг нашей цивилизации профессор-востоковед видит в недовольстве, создающем новые потребности и новые источники прогресса; мусульманин же не требует многого и легко удовлетворяется.

Мы со своей стороны прибавляем к этому, что главная беда христианских стран заключается в неудержимо распространяющемся по всему цивилизованному миру «безверии», так что М. Гюйо издал большую книгу⁴⁴⁷, в которой спокойно трактует этот жестокий вопрос, забывая, что с падением и исчезновением религии среди христианских народов прекратится и христианская культура на земле, возникшая и развивавшаяся на христианской почве, потому что одна философская мысль не может доставить полного удовлетворения народной душе, как это уже доказано историей исчезнувших цивилизаций и в частности римской. Ясно, что на смену современной европейской культуре может явиться другая, может быть сродная христианской, по закону эволюции, но не христианская. А потому от христианского общества и в частности от русского зависит продолжение и прогресс в России христианской образованности и христианской жизни, в последние годы сильно поколебленных в своих основах и все более отклоняющихся в сторону язычества⁴⁴⁸. Ислам в этом отношении имеет то преимущество, что, оставаясь религией, он может служить крепким цементом для семейной и общественной жизни своих последователей и может уживаться с просвещением. Доказательством этого служит националистическое движение, недавно начавшееся и неудержимо развивающееся по всему миру в среде прогрессивной партии образованных мусульман. Можно поэтому серьезно опасаться, что ислам не только восторжествует среди тюркских и финских инородцев России, но и будет служить соблазном для некоторых русских людей, не твердых в своих религиозных взглядах и национальных чувствах. Случаи такого шатания русских умов уже наблюдались в России и притом не только среди рабочего люда⁴⁴⁹, но и в кругах с достаточным обеспечением. Особенно бросается в глаза увлечение исламом со стороны образованных женщин Западной Европы⁴⁵⁰ и России. Вот наиболее характерный случай в этом роде. Баронесса фон-Розен из Ялты обратилась в редакцию Бахчисарайской газеты «Терджиман» с таким заявлением:

«Перед вами знающая некоторые языки и литературу и получившая возможное образование немецкая женщина. С давних пор я интересуюсь вопросами философии и религии; помимо того, я ознакомилась до известной степени с учением ислама и шариатом. Как следствие всего этого, я полюбила ислам. К сожалению, в исламе есть одно

обстоятельство, не осудите, которое меня приводит в недоумение. Говорят, что в тот день, когда я стану мусульманкой, я должна буду закрывать свое лицо и удалиться от света. Не знаю, быть может, это необходимо. Скажу только, что я достигла тридцати лет; за это время одна-одинешенька я посетила с открытым лицом многие страны Европы, Америки и Азии. Сама я управляла и своим именем, и долей в большой фабрике. При таких обстоятельствах, вдруг теперь закрыть свое лицо и поручить все свои дела постороннему человеку, для меня было бы весьма тяжело. Вот то обстоятельство, которое удерживает меня от перехода в ислам. Этого духовный мой мир не может принять. Как вам самим известно, если теперь я выйду замуж за мусульманина, с условием сохранения моей религии, то посещение мной по праздничным дням церкви, а равно открытая жизнь и ведение своих дел не встречает препятствий (?) со стороны ислама; но с переходом в ислам, я принуждена буду закрыть лицо, отказаться от дел и общественной жизни. Так ли это?».

«Признанная мной в душе, мусульманская религия, есть светлое, справедливое и правдивое учение. Потому я не сомневаюсь, что в ней должен быть исход для моего недоумения. Ведь, оставаясь в христианстве, я свободна, а переходя в ислам, теряю свободу и права, с чем дух мой никак не может примириться. Простите мне мои сомнения. Если есть какой-либо способ разрешить данный вопрос, то осчастливьте меня сообщением его. По принятии ислама, – намаз, хадж, закят, пост и др. религиозные требования будут исполняться мной с благоговением и любовью. И при всем том, неужели кусок кисеи, которым я должна прикрыть лицо, станет неодолимым препятствием вступлению моему в семью мусульманок? Прошу вас ответить на этот вопрос».

В своем ответе на письмо баронессы Розен, «Терджиман», находя данный вопрос вообще весьма важным и сложным, полагает, что ответ должен воспоследовать от всех мусульманских духовных ученых России, Турции, Египта, Персии⁴⁵¹.

Каков будет ответ ученых мусульман на вопрос баронессы Розен, мы не знаем, но предполагаем, что – успокоительный для эксцентричной немецко-русской дамы. Мы же можем уверить ее, что, если она выйдет замуж за мусульманина, то в церковь ей не позволят ходить; не позволят, вероятно, и еще что-нибудь... И тогда эксцентричная баронесса разочаруется в составленном ей религиозном идеале... Но таков наш очаровательный Крым, что русские барыни увлекаются им до готовности изменить вере отцов своих. Грустно и стыдно!

Примечания

¹ - В первый раз отдельные главы этой книги были напечатаны в виде журнальных статей в Казанском Академическом журнале за 1896–1848 г.г. Настоящее издание является дополненным в некоторых местах, измененным и снабженным несколькими рисунками.

² - Управляющий канцелярией Туркестанского Генерал-Губернатора.

³ - В «Живописном путешествии по Азии» (перев. Е. Корша) границы Аравии указаны так: 12° 40' и 34° 7' с. ш. и 30° 15' и 57° 30' в. д. (С.-Петербург, 1840 г. т. в., стр. 261).

⁴ - География Аравии. Перев. с французского. Православный Собеседник за 1890 год. Апрель, стран. 512–513.

⁵ - Прот. П. Солярский. Опыт библейского словаря собственных имен. С.-Петербург. 1879 г. стран. 140–145 под сл. «Аравия».

⁶ - См. например: *Notitae orbis autiqui, sive geographiae plenioris. Tomus alter, Asiam et Africam exponens. Christophorus Cellarius ex vetustis probatis que monumentis collegit...* Lipsiae, 1706. Caput 14. De Arabia, Pag. 670–708.

⁷ - Слово «Тегам» означает собственно низменное, жаркое и нездоровое место. Это выражение преимущественно прилагается к прибрежным местностям, не защищенным от солнечных лучей. Это и след. примечания заимствованы из цитированного перевода географии Абульфеды. В «Живописном путешествии по Азии» Тегам описывается страной ровной, песчаной, бесплодной и чрезвычайно жаркой, не имеющей ни одной речки, в которой сохранялась бы вода целый год. (Перев. Е. Корша С. П. Б. 1840 г. Т. 6., стр. 249).

⁸ - Слово наджд означает вообще место возвышенное и противопоставляется слову гаур или низменности. У арабских поэтов ветер Наджда противопоставляется горячему и сухому ветру песчаных пустынь, так как Наджд испещрен плодородными оазисами и покрыт по местам травой и пахучими цветками, так что Наджд может быть назван Аркадией арабов. В Наджде были известны знаменитые поэты; поэты других местностей Аравии давали некоторым отделам своих стихотворений заглавие: «Наджди́нские стихотворения». (Примеч. к франц. перев. Географии Абульфеды).

⁹ - Оман означает древнюю страну аммонитян, на восток от Мертвого моря. Абульфеда относит страну Оман к Сирии.

¹⁰ - Слово аруз употребляется о предмете, лежащем поперек. Аруз включает в себе Медину, Мокку и Емен; по другим только Мекку и Емен, и еще по другим – Мекку и Таиф с их окрестностями. По некоторым авторам, Аруз противоположен Ираку.

¹¹ - Слово бадия у арабов употребляется о всякой вещи, остающейся под открытым небом. В применении к земле, слово бадия означает почву, свободную от культуры и оседлостей. От того же корня происходит выражение «бедуин», то есть человек, живущий под открытым небом. Это же значение можно придавать слову «Сарацин», которое, вероятно, испорчено из персидского выражения «сахра-нишин», значащего: обитатель пустыни. Это слово поныне употребляется персами, как синоним слова кочевник. В первые столетия нашей эры парфянского и сасанидские цари словом «сахранишин» называли арабские племена, занимавшие берега Ефрата и Тигра и в войнах против персов и римлян не раз колебавшие победу.

¹² - Правосл. Собес. 1890 г. апрель, стр. 615–516 и 521–523.

¹³ - Гиббон менее точно считает Аравийский полуостров за обширный неправильный треугольник. См. История упадка и разрушения Римской империи, т. 5, стр. 466.

¹⁴ - Гора Сейр – по Библии.

¹⁵ - Слово «машарик» (множ. число от слов «мишрак», или «машрик») обозначает место, освещаемое восходящим солнцем. Такие места представляют из себя превосходные пастбища и поэтому в глазах кочевников имеют особую ценность. (Примеч. к франц. перев. географии Абульфеды).

¹⁶ - Абульфеда. Правосл. Собеседник. 1890, август, стр. 379–380.

¹⁷ - Земля и люди. Т. 9, стр. 698.

¹⁸ - Русский энциклопед. словарь (Спб. 1874, том 2), Аравия.

¹⁹ - Энциклопедич. словарь (Спб. 1890, том 1), Аравия.

²⁰ - Земля и люди, т. 9, стр. 693.

²¹ - С 1745 года по 1816 год ваггабиты наводили ужас на Аравию и Сирию; с 1816 г. они ограбили Кербелу, в 1802 г. овладели Меккой, в 1804 г. взяли Медину и держали в своей власти почти весь Емен и Сирию до Багдада.

²² - До этого города доходил Мухаммед со своим войском, во время похода в 630 г. против византийского императора Ираклия.

²³ - См. подробные сведения о городах Аравии в Энциклопедических

словарях Брокгауза, Крайя и Плюшара.

²⁴ - Харра на арабском языке означает каменистую почву, покрытую черными камнями, получившими черный цвет под влиянием огня.

²⁵ - Указания на эту гору см. в Коране гл. 3, ст. 117–122.

²⁶ - Правосл. Собесед. 1890 г. апрель, стр. 519.

²⁷ - У Гиббона замечено, что ветры в Аравии не только не освежают, но распространяют вредные и даже смертоносные песочные бураны; они вздымают песочные горы, которые можно сравнивать с высоко поднимающимися волнами океана; в этих песочных ветрах нередко погибали целые караваны и целые армии (?!). Т. 5, стр. 408.

²⁸ - Джиффорт Пальгрэв. Путешествие по Средней и Восточной Аравии. Перевод с английского. Спб. 1875, стр. 65.

²⁹ - Реклю. Т. 9, стр. 717–718.

³⁰ - О ветрах упоминается в Корине несколько раз. Они считаются знаменами: или предвещают радость, потому что поднимают дождевые тучи, разрешающиеся благотворным дождем; или же превращаются в желтый ураган. Самум будет составлять одно из адских мучений грешников (Коран, 52:27; 56:41).

³¹ - С. Ворисгофер. Через дебри и пустыни. Стр. 428–429.

³² - Заимст. из «Правосл. Благовестника» № 24 за 1907 г. Ст. «Аравийская пустыня и ее обитатели».

³³ - Об аравийском ладане писал еще Плиний в своей Hist. Natur. 12:42, а Мильтон в четвертой песне своей поэмы упоминает «о приятных благоуханиях Сабеи, доносимых восточным ветром с берегов аравийских». См. Потерянный Рай. перев. Писарева, стр. 115 (Москва 1871).

³⁴ - Э. Реклю. Человек и земля. Том второй, стр. 118–120. (С.-Петербург, 1900).

³⁵ - Правит. Вестн. 1894 г.

³⁶ - О некоторых из этих пород растительного царства упоминается по несколько раз в Коране. См. приложение к переводу Корана Г. Саблукова, вып. 1-й стр. 69–70.

³⁷ - Родиной кофе считают Абиссинию, откуда в 15 столетии кофейное дерево было пересажено в Аравию и Константинополь, а в 17 веке по Европе. Город Мокка находится в Емене, на берегу Красного моря, в 74 км. к С. от Бабельмандебского пролива. Первоначально кофе продавалось по 300 фр. за килогр. (Энциклоп. словарь Брокгауз и Ефрон, под сл. Кофе и Мокка).

³⁸ - В Коране между прочим упоминаются кони быстробегущие с пыханием и выбивающие искры, пускающиеся в набег с раннего утра, поднимающие пыль и врываются в середину толпы (гл. 100, ст. 1–5). Достоин замечания то, что Мухаммед клялся такими конями, то есть что он придавал им большое значение в глазах арабов.

³⁹ - Реклю, т. 9, Аравия, стр. 737.

⁴⁰ - По свидетельству Винера, лошади еще не были известны арабам во время Моисея; во времена Страбона лошади были там редки; Аммиан первый упоминает о конных арабах (Вейс, 1, 125).

⁴¹ - А. Брэм. Жизнь животных. Изд. Товар. «Обществ. Польза» С.-Петербург 1900 г. Том первый, стр. 634–539.

⁴² - Кн. Псалмов, 71 ст. 15.

⁴³ - Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Соч. Фл. Ленормана. Русский перевод. Киев, 1878. Том второй, выпуск первый. Арабы. Стран. 30.

⁴⁴ - Села – еврейское название города древней Идумеи; по-гречески этот город назывался Петра, а по-арабски Хиджр. Находится в Каменистой Аравии недалеко от Еланитского залива Мертвого моря. См. «Библейский словарь» прот. П. Солярского. Т. 3, стр. 206–207, под сл. «Петра» и Коран, гл. 15, ст. 80.

⁴⁵ - 3 Царств, гл. 10; Иезек. 27:21–24.

⁴⁶ - Фр. Ленорман. Т. 1, вып. 3. Финикияне. Стран. 496 и 524–525.

⁴⁷ - См. соч. А. Светлакова «История Иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана» (Казань, 1875 г.).

⁴⁸ - Собрать все исторические сведения, касающиеся древней Аравии, очень затруднительно, особенно в Ташкенте, по неимению под руками необходимых пособий и источников.

⁴⁹ - Священная летопись первых времен мира и человека. Г. Властова. Спб. 1875. Стр. 289. Ср. «Опыт библ. Словаря» протоиер. П. Солярского (Спб. 1879) под слов. «Аравия».

⁵⁰ - Рождение Измаила относится к 1906 г. до Р. Хр.

⁵¹ - Рождение Моисея относится к 1691 г. до Р. Хр.

⁵² - Саба – особое царство на юге Аравии с гор. Магребом (греч. Мариаба). Позднее здесь водворились химьяриты. Очевидно, царица Савская слышала о славе еврейского царя Соломона от лиц, участвовавших в караванной торговле, путь которой пролегал вблизи владений Соломона. Несомненно, что часть драгоценных товаров продавалась в Иерусалиме.

Факт посещения Соломона царицей Савской известен и в Коране (гл. 27, ст. 23–45), куда он занесен на основании не одних только еврейских, но и арабских преданий.

⁵³ - 3 Цар., 10:1–10. Ср. Кор., гл. 27, ст. 23–15.

⁵⁴ - Это было около 1017 года до Р. Хр., так как к этому времени относится основание храма Соломонова.

⁵⁵ - Раема лежала в Юго-восточной Аравии, близ Персид. зал., в теперешней области Оман.

⁵⁶ - Иосифа Флавия Древности иудеские. С латинского на русский язык переложены придвор. свящ. Мих. Самуиловым. Часть 2. Сиб. 1781 г. Стран. 340–341 и 357–359.

⁵⁷ - Там же, стр. 404–405.

⁵⁸ - Это был царь Набатеев. См. ниже, гл. 3.

⁵⁹ - А. Лопухин. Руководство к Библейской истории Нового Завета. Спб. 1889 г. стр. 444.

⁶⁰ - См. Правит. Вестник. 1900 г. № 101. Царствование его началось в 1730 г. до Р. Хр. и ознаменовалось славными походами и мудрым тридцатилетним управлением. Этот государь, даровал счастье и благоденствие своему народу. Он был одним из знаменитейших фараонов 18 династии. Тутмес III прославился также своими походами в Сирию, Эфиопию и Месопотамию и заслужил от своего народа прозвище «благодетеля мира». Особенно он обессмертил себя сооружением «Зала предков», в память своих предместников. Этот величественный памятник древнеегипетского зодчества был воздвигнут 3630 лет тому назад; над постройкой его работали тысячи людей в продолжение многих лет. После изгнания из Египта пастушеских царей «гиксов», Тутмес III был первым фараоном, проникшим в Азию во главе египетских войск.

⁶¹ - Этот фараон царствовал до Моисея, жизнь которого протекала от 1691 до 1570 г. до Р. Хр.

⁶² - По новейшим изысканиям Рамзес II царствовал в Египте около 1348–1281 гг. до Р. Хр. См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1896 г. март Ст. «Палестина в 15 веке до нашей эры при свете новейших открытий». Стр. 57.

⁶³ - Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Киев, 1876 г. Выпуск первый. Египтяне.

⁶⁴ - Таким образом, посольства арабских цариц к иностранным царям были в обычае.

⁶⁵ - В Истории ислама А. Мюллера (Спб. 1895) читаем, что этот же самый Исамара, сабеец, встречается в надписях южно-арабских, где он называется Иасамаром, князем Сабы. Из этого, по словам А. Мюллера, можно заключить, что царство сабеев процветало в 8 веке до Р. Хр., как об этом свидетельствует Библия (т. 1, стр. 25).

⁶⁶ - См. историю Ассирии, стр. 377.

⁶⁷ - Пр. Исаия выступил на пророческое служение за 759 л. до Р. Хр. и продолжал свое служение более 60 лет. См. Библ. Словарь прот. Солярского. Т. 2. стр. 97.

⁶⁸ - По приведенным названиям трудно догадаться, о каких городах здесь говорится.

⁶⁹ - Позднее Эдесса.

⁷⁰ - Фр. Ленорман. Арабы. Т. 2, вып. 1, стр. 77–83.

⁷¹ - По Шлоссеру, Навуходоносор объявил себя независимым правителем около 600 г. до Р. Хр., а по Ван-Ден-Бергу с 604 г. по 561 г. до Р. Хр.

⁷² - Кн. прор. Иеремии, гл. 49, ст. 28–32.

⁷³ - Фр. Ленорман. Т. 2, вып. 1, стр. 83–86.

⁷⁴ - Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф. Мищенко. Т. 1. Москва. 1885 г. Книга 2: 8, 11, 12, 15, 10 и 18 (стр. 116–122).

⁷⁵ - При этом Геродот передает рассказ о том, что в Аравии есть большая река Корис, вливающаяся в так называемое Еритрейское (Красное) море. Как рассказывают, арабский царь велел сшить из сырых бычьих и других кож водопровод, доходивший от реки до пустыни, и провел из реки через него воду в пустыню, где велел выкопать обширные вместилища, которые принимали в себя и сохраняли эту воду. От реки до пустыни было двенадцать дней пути. Воду царь будто бы провел тремя водопроводами в три пункта. (Кн. 3, 8 и 9, стр. 214–215). Рассказ этот мало вероятен и во всяком случае преувеличен.

⁷⁶ - Он задумывал было сделать Аравию своей резиденцией, по возвращении из индийского похода, как говорится у Страбона. Очевидно, имелась в виду Счастливая Аравия.

⁷⁷ - География Страбона. Русский перевод Ф. Мищенко. Кн. 16, гл. 1:11 и гл. 4:27. Стран. 757–758 и 802.

⁷⁸ - В 25 году до Рожд. Хр.

⁷⁹ - Главный город у набатеев был Петра, на севере Аравии,

называвшейся «Петрейской». (т. е. Каменистой). Развалины этого города еще в долине Муса, в двух днях пути к С. В. от Акабы и от Мертвого моря.

⁸⁰ - В Емене, гор. Наджран.

⁸¹ - Магреб. См. ниже.

⁸² - Елизвой царь Абиссинии.

⁸³ - Наджран, упомян. выше.

⁸⁴ - Страбон, кн. 16, глава 4:23–24; стр. 797–799.

⁸⁵ - История ислама с основания до новейших времен. Перевод с немецкого, под редакцией Н. А. Медникова. Спб. 1895 г. Т. 1, стр. 27.

⁸⁶ - По Страбону – Хармофа, Кн. 16, гл. 4:18. Русский перевод. стран. 794.

⁸⁷ - В городе Наджране христианство утвердилось при импер. Констанции (361 г.).

⁸⁸ - В толковании на Коран (Рухуль-баян) сказано, что собственное имя его было Юсуф, а Зу-Навас – прозвище, данное ему за длинные волосы. По другим источникам, он был выходцем из Медины и воспитан евреями.

⁸⁹ - Нужно подразумевать Иустина II, царств. в 565–578 гг. по Р. Хр.

⁹⁰ - В конце 5 в. по Р. Хр.

⁹¹ - Около 521 г. по Р. Хр.

⁹² - Эти подробности повторяются и в толковании на Коран (Рухуль-баян), но вместо Арефы в этом толковании назван Абдулла бин-Тамар, человек благочестивый и последователь Христианской веры; Арьят же представляется начальником войска абиссинского царя; Абраха был в войске Арьята.

⁹³ - Царств. с 487 по 537 г. по Р. Хр.

⁹⁴ - Так называется у византийских писателей Аль-Мунзир, правитель Гиры, на севере Аравии.

⁹⁵ - Очевидно, искаженное Зафар.

⁹⁶ - По другим известиям, Зу-Навас, последний туземный царь в Южной Аравии, был казнен Елезвоем. Более подробные сведения о Зу-Навасе можно читать в соч. А. Светлакова «История иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана», стр. 50, 60.

⁹⁷ - Книга житий святых. Москва, 1855. Месяц октомврий, 24 день «Страдание св. мученика Арефы и иже с ним».

⁹⁸ - По догадкам ученых, войско Абраха погибло от оспы. См. примеч.

на гл. 105 корана в переводе Сейля и в соч. М. Миропиева «Религиозное и политическое значение Хаджа (Казань, 1877) стр. 37 и след. В толковании на Коран, известном под именем «Рухуль-баян» говорится, что поражение Абрахи произошло в половине Мухаррама, т. е. в половине первого месяца года рождения Мухаммеда, а рождение Мухаммеда последовало в месяце Рабигуль-авваль, т. е. через 55 дней после поражения Абрахи. «Год слона» считается 53 годом до гиджры, т. е. годом рождения Мухаммеда. – Имя Абрахи с абиссинского языка толкуется в «Рухуль-баян», как имеющий белое лицо, но ему усвоено прозвище (лякаб) «отрубленный нос» (ашрам).

⁹⁹ - Житие его см. в Четьи-Минеях под 19 декабря.

¹⁰⁰ - Несторианство, гностицизм, докетизм. В 626 году Мухаммед заключил с еменскими христианами договор, о котором упоминается в Коране (гл. 5, стр. 17); но после они принимали участие в восстании, возбужденном Мусайламой, на что могут служить намеком слова Корана (гл. 44, стр. 36). Христиане гор. Наджрана были в стороне от этого движения; они подчинялись несторианскому католику Селевкии и у них в 630 году упоминается епископ Арефа, а в 637 году, при халифе Омаре, был правитель Саид, с именем которого прекращаются сведения о христианах в Южной Аравии.

¹⁰¹ - История ислама. Том 1. стр. 30–31.

¹⁰² - См. ст. Игумена Арсения «Судьбы христианства в Южной Аравии от времен апостольских до утверждения в ней магометанства» (Православн. Обзорение 1808 г. Том 25. стр. 308).

¹⁰³ - Хи́ра находилась под 32° с. ш. на северо-восточной границе Аравии, недалеко от местоположения позднейшей Куфы. См. К. V. Spruner. Hand-Atlas zur Geschichte Asiens etc. Gotta 1885. Само название Хиры на ассирийском языке означало «военный лагерь», как замечает А Мюллер.

¹⁰⁴ - А. Мюллер. История ислама. Т. 1, ст. 17–23.

¹⁰⁵ - Самуил жил в северо-западной Аравии, близ Теймы, в местечке Аблак.

¹⁰⁶ - Так называется победа Харитса над Муизиром III, князем Хиры, в 554 г. Халима, дочь Харитса, была красавица и, по приказанию отца, намастила своими руками головы воинов отца (чтобы разжечь их воинственный пыл» любимыми у арабов духами – халук, причем один из воинов поцеловал ее в лоб и получил от красавицы пощечину. Но отец, в виду предстоящей битвы, посоветовал дочери не обращать внимания на это оскорбление дерзкого араба (История ислама А. Миллера).

- ¹⁰⁷ - А. Миллер. История ислама, т. 1, стр. 17.
- ¹⁰⁸ - Это тот самый поэт-герой, который оставил свои кольчуги еврею Самуилу на сохранение, когда сам отправился в Константинополь.
- ¹⁰⁹ - Энциклопедический Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Спб. 1862 г. т. 4, стр. 169.
- ¹¹⁰ - Amrillkais der Dichter unb Konig. Sein Leben dargestellt in seinen Liedern. Ause Arabischeu ubertragen von Friedrich Ruckert Stuttgart und Tubingen, 1843.
- ¹¹¹ - Человек и земля. История человечества во времени и в пространстве. С.-Петербург. Том 1, стр. 182–186 и 197–199.
- ¹¹² - Курганча в Туркестанском крае.
- ¹¹³ - Т. е. Каабу.
- ¹¹⁴ - Коран, гл. 2, ст. 119–123.
- ¹¹⁵ - См. Geschichte der Stadt Mekka und ihres Tempels, von utb-ed-Din Muhammed Ben Ahmed el-Nahrawali. Herausgegeben von Ferdinand Wustenfeld. Leipzig, 1855. (Арабский текст и немецкий перевод).
- ¹¹⁶ - Косай, Абд-Манаф, Хатим, Абдул-Мутталиб, Абдалла и Мухаммад.
- ¹¹⁷ - См. у А. Р. Cossin de Perseval'я в его «Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'Islamisme» tom. 1, p. 74 et 179. Поэтому-то город Мекка (Макораба) и не упоминается у Страбона; Диодор Сицилийский Βιβλιοθηκη ιστοικη, lib. 2, cap. 49 et cet. lib. 3, cap. 42) также не называет Мекку, что подтверждает Коссен-де Персеваля.
- ¹¹⁸ - История ислама. Том 1, стр. 32–34. В приведенном отрывке сделаны исправления русского перевода, вследствие крайней его шероховатости. Авт.
- ¹¹⁹ - См. соч. М. Миропиева. Религиозное и политическое значение Хаджа. Казань, 1877. Стр. 12 и сл.
- ¹²⁰ - Около 8 верст каждый.
- ¹²¹ - Под этим словом нужно разуместь четырехугольные пространства, обнесенные стенами, внутри которых размещались домашние постройки. В Туркестане такие загорюди называются «курганчами». Автор.
- ¹²² - См. Geschichte der Stadt Medina Im Auszuge aus dem Arabischen bes Samhudi von Ferdinand Wustenfeld. Gottingen, 1860, Ss. 12. 25 et cet. На рус. яз. см. сочин. свящ. Анд. Светлакова; «История иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана». Казань, 1875. стр. 17–32.
- ¹²³ - Руководство к др. истории Востока, т. 2, вып. 1, стр. 6.

¹²⁴ - Иоктаниты – потомки Иоктана, сына Евера. Яраб, сын Иоктана (Кахтана), был первым царем Емена и говорил по-арабски, а брат его Джорхам (был первым царем Хиджаза. Двенадцатым царем Хиджаза был Мизаз (или Мазаз), сын Амра. Дочь Мазаза была выдана за Авраамова сына Измаила. Этот брак установил кровную связь измаилитов с иоктанидами. См. у Пококка, стр. 79–80.

¹²⁵ - Коран, гл. 25, ст. 40; гл. 50 ст. 13 и др.

¹²⁶ - География, кн. 16.

¹²⁷ - Коран, гл. 7, ст. 63–70; гл. 11, ст. 52–63; гл. 26, ст. 123–139 и др.

¹²⁸ - По Библии у Сима были сыновья: Елам, Ассур, Арфаксад, Луд, Арам. У Арама был сын Уц. О сыновьях Уца в кн. Бытия, не упоминается. См. Быт. 10:22–29.

¹²⁹ - Коран, гл. 46, ст. 20. Выражение Ахкаф есть множественное число от хикф, песок. Путешествовавший по южной Аравии Вреде рассказывает, что пустыня «Аль-ахкаф» не имеет ни одного деревца, ни одной былинки; с высоты плато (около 300 метров), господствующего над песчаным пространством, видишь только волну за волной на необъятном море песков; нигде не заметно ни малейшего следа растительности; ни одна птица не летает над безмолвной, безжизненной равниной. В этом океане дюн местами открываются страшные бездны, называемые «Бахруль-Сафи», т. е. Море-Сафи, по имени царя, который будто бы был поглощен здесь песками со всем своим воинством. Бедуины говорят, что на дне этих пропастей находятся несметные сокровища, но что они, бедуины, не только не пытаются овладеть сокровищами, но даже избегают этих песчаных топей, легко узнаваемых по ослепительной белизне песков, которые составляют резкий контраст с желтоватым песком окружающих дюн. По рассказам бедуинов, извилистая цепь пропастей продолжается на протяжении восьми дней ходьбы по окраинам пустыни (Реклю. Земля и Люди. Т. 9, стр. 715–716).

¹³⁰ - На юго-западном берегу Аравии.

¹³¹ - В жарких странах это обычное явление. В Туркестанском крае и в настоящее время еще сохранились остатки огромных земляных насыпей, на которых были устроены жилища их владельцев. Исследование этих насыпей составляет предмет занятий Туркестанского кружка любителей археологии.

¹³² - Коран, гл. 89, ст. 6, 7; гл. 41, ст. 14.

¹³³ - У Байзави, – Гуд считается сыном Шалиха, сына Арфахшада,

сына Симова.

¹³⁴ - Коран, гл. 20, ст. 124–139.

¹³⁵ - Т. е. Бог.

¹³⁶ - Коран, гл. 7, ст. 63–70.

¹³⁷ - Около 18 века.

¹³⁸ - Тсямуд у г. Саблукова передано через «Ф»: Фемуд, Фемудяне.

¹³⁹ - По Библии у Арама, сына Симова, были сыновья: Уц, Хул, Гефер и Маш (Быт. 10:23).

¹⁴⁰ - См. Толкование на Коран Казы Байзави гл. 15, ст. 80.

¹⁴¹ - Быт. 10:25 и 11:16.

¹⁴² - Коран, гл. 26, ст. 142–156.

¹⁴³ - В гл. 7-й Корана, ст. 71–77, говорится вообще о верблюде, который служил знаменем Божиим для Тсямудян и которого они не должны были касаться; но Тсямудяне подрезали поджилки верблюду и похвалялись: «выполний теперь твои угрозы, если ты посланник Божий!».

¹⁴⁴ - В гл. 7, ст. 76 говорится только о землетрясении, а в гл. 41, ст. 16 упоминается буря.

¹⁴⁵ - См. Быт. 14.

¹⁴⁶ - Быт. 36:8,20–21.

¹⁴⁷ - Коран, гл. 40, ст. 25.

¹⁴⁸ - По Библии, Нимрод был сын Хуша, сына Хамова. Царство его было в Сеннааре с городом Вавилоном. См. Быт. 10:8–10.

¹⁴⁹ - В Сеннааре, владении Нимрода, земляная смола (нефть) служила жителям вместо извести. Быт. 11:3.

¹⁵⁰ - См. об этой птице в моем издании «Сарты», вып. второй, или по второму изданию «Сказки сартов» приложение.

¹⁵¹ - Многие подробности в приведенном толковании опущены мной.

¹⁵² - Ф. Ленорман. Руков. к др. ист. востока. Т. 2, вып 1, стр. 16.

¹⁵³ - Кн. Судей, гл. 6–8. В атласе Шпрунера гор. Мадiana показан под 32° с. ш.

¹⁵⁴ - Коран, гл. 7, ст. 83 и след. гл. 9, ст. 71; гл. 11, ст. 85; гл. 22, ст. 43; гл. 28, ст. 21–29; гл. 29, ст. 35.

¹⁵⁵ - Коран, гл. 20, ст. 42; гл. 28, ст. 21–29; ср. Исход, 2:15–25; 3:1.

¹⁵⁶ - По Библии, Мадиян был сын Авраама от Хеттуры. Быт. 25:1–2.

¹⁵⁷ - В главе 7, ст. 83–91 этот рассказ передается в такой форме: «Народ мой! Поклоняйтесь Богу: кроме Его, у вас нет другого Бога; от

Господа вашего пришло к вам ясное указание: соблюдайте верность в мере и весе; не вредите людям убавлением принадлежащего им; не распространяйте расстройств по земле после того, как она приведена в благоустройство. Это послужит к вашему благу, если вы будете верующими. Не делайте засад нигде при дорогах, устрашая и удаляя от пути Бога верующих в Него, и дерзко усиливаясь искривить его. Вспомните, что вы были не многочисленны и Он вас размножил; также посмотрите, каков был конец распространителей нечестия. Если часть из вас уверовала в то, с чем я послан, и часть не уверовала, то терпеливо ждите времени, когда Бог рассудит нас: Он наилучший из судей. Старейшины, считавшиеся великими в народе своем, сказали: или мы выгоним из нашего города тебя, Шуаиб, и верующих с тобой, или возвратись к нашему вероучению. Он сказал: уже ли и тогда, как мы имеем к нему отвращение? Мы будем думать ложно о Боге, если возвратимся к вашему вероучению после того, как Бог избавил нас от него. Тогда только мы можем возвратиться к нему, когда захочет того Бог, Господь наш. Господь наш обнимает все своим знанием: на Бога уповаем. Господи наш! Разреши наш спор с народом нашим, указав истину: Ты наилучший разрешитель. Старейшины неверных в народе его сказали: если последуете Шуаибу вы наверно, погибнете! Тогда землетрясение поразило их, и на утро они в своих жилищах лежали поверженными ниц лицом. Считавшие Шуаиба лжецом, как-будто бы не обитали там; считавшие Шуаиба лжецом погибли. А он отошел от них, сказав: народ мой! Я передал вам то, с чем послал меня Господь мой; я был для вас советником. Как жалок народ неверный!».

¹⁵⁸ - Коран, гл. 20, ст. 176.

¹⁵⁹ - Коран, гл. 26, ст. 177–189.

¹⁶⁰ - См. Арабы едят саранчу, которую поджаривают в котле.

¹⁶¹ - Коран, гл. 44, ст. 36; гл. 50, ст. 12–13.

¹⁶² - У Пококка он считается 32-м царем Еменским. Он именно подразумевается и в Коране (Specimen, pag. 61).

¹⁶³ - См. Быт. 10:22,24. У Ленормана, напротив, говорится, что племя Тасм и Джадис были потомками Гефера, сына Арама, сына Имова. По его словам, племя Тасм жило на северо-востоке Наджда (Джофский округ), где жило до 3 в. по Р. Хр., а племя Джадис, упоминаемое Птоломеем (Иодизиты) жило в Ямаме (Руков. к др. ист. Востока, т. 2, вып. 1, стр. 12).

¹⁶⁴ - Specimen historiae arabum, p. 38. Ср. Caussin de Perseval, t. 1, p. 28–30.

¹⁶⁵ - У Страбона (кн. 16, гл. 4, 18) упоминаются Мараниты, частью земледельцы, частью кочевники. Их коварным образом истребило во время пятилетнего празднества соседнее племя Гарандаи. Может быть, в предании о племенах Тасм и Джадис слышится отголосок предания, записанного Страбоном. Авт.

¹⁶⁶ - Исаии, 60:7; 1Мак. 5:25; 9:35.

¹⁶⁷ - Древности, кн. 1, гл. 12.

¹⁶⁸ - Как и айканцы. См. выше стр. 90.

¹⁶⁹ - В этих скалах древние обитатели высекали лабиринты и храмы, как показано у Реклю (Человек и Земля, том первый, стр. 172).

¹⁷⁰ - В то время гор. Петра был роскошной столицей, полной блеска и величия, с замечательными лабиринтами, украшенными статуями и надписями, а в настоящее время это колоссальное кладбище.

¹⁷¹ - География, книга 16, гл. 4.

¹⁷² - История избиения отцов Синая и Раифы, гл. 4. (см. Правосл. Обзор. 1870 г. Второе полугодие, стр. 48, ст. Арх. Арсения «Христианство в Северной Аравии»).

¹⁷³ - Ст. «о Набатеях и их монетах» в Записках Императ. русск. Археол. Общества, т. 2, выпуск второй. Спб., 1886 г., стр. 49–59.

¹⁷⁴ - 2 Маккав. 5:8.

¹⁷⁵ - Древн. иуд., кн. 13, гл. 4:8.

¹⁷⁶ - Древн. иуд., кн. 13, гл. 13:5.

¹⁷⁷ - Древн. иуд., кн. 1, гл. 4:4.

¹⁷⁸ - Древн. иуд., кн. 13, гл. 14:2,3.

¹⁷⁹ - Древн. иуд., кн. 13, гл. 13:3; гл. 15:2; гл. 16:2; кн. 14, гл. 1:4; гл. 2:1,3; гл. 5:1; гл. 6:4; гл. 7:3; гл. 8:1; Ср. О войне иуд., кн. 1, гл. 4:7.

¹⁸⁰ - Древн. иуд., кн. 14, гл. 13:1,6; кн. 15, гл. 6:2,3.

¹⁸¹ - О войне иуд., кн. 1, гл. 13:8; гл. 14:1,2; гл. 15:1; гл. 18:4; гл. 19; гл. 23:3.

¹⁸² - Этот Силлей, упоминаемый у Страбона под именем Силлая, сопровождал Элию Галлу в его походе в Аравию и был причиной неуспешности этого похода. См. выше гл. 2.

¹⁸³ - См. выше гл. 2.

¹⁸⁴ - Др. иуд., кн. 16, гл. 7:6; гл. 9:1,4; гл. 10:8,9; кн. 17, гл. 3:2; гл. 10:9; кн. 18, гл. 6; О войне иуд., кн. 1, гл. 24:6; кн. 2, гл. 5:1.

¹⁸⁵ - 2 Коринф. 11:32.

¹⁸⁶ - Флавий, Древн. иуд., кн. 20, гл. 4:1.

¹⁸⁷ - Под 20° с. ш., южнее Макорабы (Шпрунер).

¹⁸⁸ - Под 15° с. ш., почти на одной широте с гор. Сабой. При этом городе была известная плотина, дававшая населению воду во время засухи и обеспечивая урожаи. Плотина эта была разрушена напором горных потоков (Сайль-арам) во втором или третьем столетии по Р. Хр., после чего владения Химьяритов постепенно пустели, так как жители переселились в северную Аравию. Дата Реклю относительно этого события (1750 г. до Р. Хр.) явно несообразна.

¹⁸⁹ - У Шпрунера показан гор. Тафар.

¹⁹⁰ - Под 260 с. ш., в 200 стадиях от Персидского залива.

¹⁹¹ - Айла, Эла на север. берегу Эланитского залива, позд. Акаба.

¹⁹² - Иначе: Сабей, Савеи. У них был город Саба. По Реклю, сабеяне поклонялись небесным светилам и особенно планетам, которым приписывалось чрезвычайное влияние на судьбы людей и царств. Такой культ небесных светил имел особенно много шансов развиваться именно в горах Емена, с их чистым безоблачным небосклоном, усеянным яркими звездами и распростертом в виде шатра над безграничной поверхностью океана и песков пустыни. [Человек и Земля, том 2, стр. 122].

¹⁹³ - География, кн. 16, гл. 4. В п. 25 той же главы, Страбон, очевидно, следуя Геродоту (кн. 3), передает мало вероятные рассказы о нравах жителей Счастливой Аравии, вроде того, что братья имели одну жену и что у них допускалось будто бы сношение с матерями, причем прелюбодеи (из другого рода) наказывались смертью. Очень вероятно, что такие рассказы выдумывались с целью напугать предприимчивых путешественников в интересах охранить богатства страны, как предполагает Реклю.

¹⁹⁴ - География, кн. 16, гл. 3, п. 3.

¹⁹⁵ - Эл. Реклю, Человек и Земля. Т. 2, стр. 116.

¹⁹⁶ - Измаил родился за 1726? лет до Р. Хр.

¹⁹⁷ - Кн. Бытия, 21:14–21.

¹⁹⁸ - В подлиннике сцена эта неприлична, а потому неудобна для передачи в русском переводе.

¹⁹⁹ - См. Критический разбор мухаммеданского ученого о пророках (Казань, 1874 г, стр. 181–134. Миссионер. противомусульм. сборник, вып. 4.

²⁰⁰ - Арабские историки полагают, что египетские фараоны времен

Авраама и даже Моисея происходили из рода Амаликов, но с этим предположением едва ли можно согласиться. По Библии, Амалик был сын Элифаза, сына Исавова, от Фамны, наложницы Элифаза (Быт. гл. 36:12 и 15–16).

²⁰¹ - По Библии, Иоктан был сын Евера, правнука Симова (Быт. 10:22 и 25).

²⁰² - Так говорится у Пококка Spec. hist. arab. p. 46, который, согласно с Библией, считает у Измаила 12 сынов, но имена их не сходятся с рассказом кн. Бытия (25:13–15). Модад (см. выше) был 12-м царем Хиджаза из потомков Джорхама, сына Кахтана.

²⁰³ - См. Первоначально богооткровенная истина единства Божия в древней домухаммеданской религии аравитян. Соч. Е. Н. Воронца. Казань 1873 г. стр. 20–24.

²⁰⁴ - История ислама. Том 1, стр. 35–37.

²⁰⁵ - Главным городом у Катабанов была Тамма. См. у Страбона, кн. 16. гл. 4, 2.

²⁰⁶ - Внешний быт народов с древнейших до наших времен. История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира. Т. 1, ч. 1. стр. 122–123. Москва, 1873 г.

²⁰⁷ - См. «Мохаммед и происхождение исламизма» (Европ. писатели-мыслители. III. Ренан. Изд. В. Чуйко. СПб. 1882).

²⁰⁸ - Судя по образцу, приложенному к соч. Э. Реклю «Человек и Земля» [т. 2, стр. 123], их можно приравнять к грубым письменам, встречающимся у сибирских инородцев и к так называемым «тамгам» наших киргиз и башкир. [См. Проток. Туркест. Кружка любителей археологии, год третий и Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 13].

²⁰⁹ - Машанов, Очерк арабов в эпоху Мухаммеда, как введение к изучению ислама. Часть первая. Казань, 1885 года, стр. 606 Ср. ст. М. Миропиева о политическом и государственном значении хаджа (Казань, 1877).

²¹⁰ - См. Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammad. Bd. 2, p. 342; цитированное сочинение г. Машанова, стр. 567, 569.

²¹¹ - Ярмарка в Оказе начиналась с первого числа месяца Зуль-Кагда и продолжалась до двадцатого числа, а по другому свидетельству – до 15 числа того же месяца. Из Оказа арабы переходили на другую ярмарку, в местечко Наджна, где оставались до конца месяца. Отсюда арабы

переходили в третье место и там оставались до восьмого числа месяца Зуль-Хиджа.

²¹² - Арабский текст семи муаллака или поэм, принадлежавших поэтам: Амрулькайсу, Тарафе, Зогайру, Лебиду, Антаре, Амру и Харису был издан А. Болдыревым в Москве в 1822 году; в том же году был издан латинский и французский перевод. Перевод на русский яз. муаллаки Амрулькайса был издан проф. Лазаревского Института Г. А. Муркосом (Москва, 1882 г.).

²¹³ - Жил за 590 лет до Р. Хр.

²¹⁴ - Во время хаджа корейшиты приготавливали особый напиток (изюмный квас), которым угощали богомольцев.

²¹⁵ - Например: Моисей, Исаак, Ибн-Ямин и мн. др.

²¹⁶ - Напр. Арта (дерево, растущее в песках), Усайд (львенок), Усама (лев), Укяйма (холмик), Умайя (рабыня), Уяс (отчаяние), Барик (молниеносный), Башир (благовестник), Джаррах (хирург) и под. Хабиб – любимец, Хабши – похожий на Абиссинца, Хубаб – змея.

²¹⁷ - У современных киргиз до сих пор в обычае давать своим детям имена по случайному признаку, например: «собачья нога» и т. под. См. собственные имена арабов в араб. словарях.

²¹⁸ - Коран, гл. 46, ст. 1.

²¹⁹ - Коран, гл. 43, ст. 16; гл. 16 ст. 60–91; гл. 8, ст. 8–9.

²²⁰ - Кн. Быт. 17:10–14. Измаил сын Авраама, был обрезан в 13-летнем возрасте (ст. 25). Ср. кн. Левит, 12:3.

²²¹ - В Ташкенте богатые люди расходуют при этом тысячи р. Автору известен случай, как один почтенный туземец откладывал много лет совершение обрезания над своими сыновьями.

²²² - Росок, Specimen historiae arabum, p. 309.

²²³ - Кн. Левит, гл. 15.

²²⁴ - Коран, гл. 5, ст. 9; гл. 4, ст. 40.

²²⁵ - Миссионерский противомусульманский сборник вып. 10.

²²⁶ - Желаящим можно рекомендовать известное руководство по мусульманскому законоведению «Хидая» том 1, в рус. переводе, изд. Н. И. Гродековым.

²²⁷ - Машанова, «Очерк религиозного быта Аравии», стр. 729–756.

²²⁸ - Внешний быт народов с древнейших до наших времен Германа Вейса. Т. 1, ч. 1. Русский перев. с немецкого В. Чаева. Москва, 1873 г., стр.

111–127.

²²⁹ - Страбон, География, кн. 16. гл. 3, Русск. перев. стр. 782.

²³⁰ - *Lausonia incrimis*, красный цветок, распространенный и среди современного оседлого населения русского Туркестана.

²³¹ - У пророка Иеремии говорится, что арабы остригали волосы на висках (кн. прор. Иеремии, гл. 9, ст. 25; гл. 49, ст. 32); следовательно, обычай брить волосы на голове – позднейший обычай.

²³² - В кн. Песнь песней читаем сравнение: «черна я, но красива, как шатры Кидарские» (1:4).

²³³ - Относительно формы лепешек и способа их приготовления у современных нам среднеазиатских мусульман замечается большое сходство с древними арабами, от которых к нашим сартам перешло и само название печи – таннур. Печь эта представляет собой широкий глиняный горшок, имеющий в диаметре основания около аршина и отверстия сбоку и наверху. Такой сосуд ставится на кирпичном фундаменте широким своим основанием. Во время топки пламя и дым выходят в верхнее отверстие. Когда стенки этой печи накалятся, топка прекращается, – и тотчас пекарь (нанвай) берет приготовленную сырую лепешку (нан) и ловко прилепляет ее ко внутренней стенке горшечной печи, где лепешка скоро пропекается и отнимается от стенки. На место испеченной лепешки прилепляется другая и т. д. Если лечь велика, то пекарь прилепляет к ее стенкам две или более лепешек в один раз. – Лепешки готовятся из пшеничной, кукурузной или ячменной муки и имеют большие и малые размеры; самый обыкновенный размер лепешки – четверть аршина ширины при толщине в $\frac{1}{4}$ вершка; большие лепешки имеют $\frac{3}{4}$ арш., а самые маленькие – $2\frac{1}{2}$ вершка.

²³⁴ - Кн. пророка Иеремии, гл. 19, ст. 31.

²³⁵ - Пр. Иеремиа также упоминает, что арабы живут разрозненно (49:31).

²³⁶ - Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества. М. Каррьера, т. 3. Рус. перев. Москва, 1874, стр. 112.

²³⁷ - Земля и люди. Всеобщая география. Рус. перев. т. 9, стр. 713 (Спб. 1887 г.).

²³⁸ - Земля и ее народы. Том 4 (Спб. 1879) стр. 95.

²³⁹ - Ирвинг и Казембек (Рус. Сл. 1860).

²⁴⁰ - 1 февраля 1910 г. 2500 всадников-бедуинов напали в Сомали на племя Митжердинс, разрушили город, убили много людей и отняли 1 400

верблюдов.

²⁴¹ - По свидетельству Геродота, древние арабы вступали иногда в союзы с соседними народами и участвовали в их войнах, так напр. в войнах Ксеркса (кн. 7, 69).

²⁴² - По свидетельству Бурхгардта, арабы покрывают своих коней попоной из алеппского картона, чем предохраняют их не только от солнечного зноя, но и от поражения.

²⁴³ - Он происходит из племени Абс и был сыном Шаддада, современника Абдаллы, отца Мухаммедова; умер до появления ислама. Рожденный от черной невольницы Себиби, Антара в малолетстве был преследуем законной женой своего отца, но в юношеском возрасте за храбрость в стычке с врагами получил от отца свободу и затем прославился своими рыцарскими подвигами. Отличаясь храбростью, он не был безумно отважен, не бросался в неравный бой, не тратил сил напрасно, а с расчетливым мужеством отражал врага: сначала он напал на менее опасного противника, чтобы заставить трепетать и храбрейших неприятелей. Огромный поэтический талант доставил ему, «сыну невольницы» высокую честь быть в числе семи славнейших поэтов, произведения которых были вывешены в Каабе. В своей поэме он воспевает любовь к Абле, своей возлюбленной, которая, будучи близкой его родственницей, отдала поэту свою руку за его рыцарскую храбрость и геройские подвиги в битвах родного племени. В своих рыцарских подвигах он мог соперничать с знаменитым Амруль-Кайсом и кончил жизнь в преклонной старости от раны стрелой. Впоследствии его героическая личность послужила неизвестному автору сюжетом для романа «Сират Антарат альбаттал» т. е. приключения бойца Антары. В романе Антара является рыцарем-певцом, защитником и поклонником женщины, и мстителем за кровь родных. (См. Энциклопед. словарь, составл. русскими учеными и литераторами. С.-Петербург, 1862. Том 4, стр. 510–511. Энциклопед. Словарь, издан. под ред. пр. И. Е. Андреевского. Т. 1. С.-Петербург, 1890 г. стр. 827).

²⁴⁴ - В настоящее время многие даже бедные бедуины имеют ружье и запас пуль. Хаджии рассказывают, что все одеяние бедуина не превышает по стоимости пяти рублей, а ружье и до 50 зарядов в патронташе стоит не менее 50 рублей.

²⁴⁵ - Быт. 21:20. По словам Геродота, арабы носили на правом плече длинные луки (кн. 7:69).

²⁴⁶ - М. Каррьер. Т 3, стр. 113,

- ²⁴⁷ - Сенковский, Поэзия пустыни, стр. 183–185.
- ²⁴⁸ - Мориц Каррьер, Т. 3, стр. 112.
- ²⁴⁹ - Ср. Коран, гл. 21, ст. 48; гл. 36, ст. 54.
- ²⁵⁰ - Мориц Каррьер.
- ²⁵¹ - Мориц Каррьер, Том 3, стр. 115.
- ²⁵² - См. Правит. Вест. 1897 г. №№ 18 и 19 и соответст. №№ С.-Петербургских Ведомостей.
- ²⁵³ - В описании путешествия по Востоку и Святой Земле Великого Князя Николая Николаевича в 1872 г. рассказывается, что бедуины во время междоусобиц или воинственных игр, садят в украшенную шелковыми материями и богатыми чепраками и укрепленную на горбах верблюда лодку самую красивую девушку, около которой и происходит самая ожесточенная драка, возбуждаемая воинственными криками девушки. Кто овладеет верблюдом и лодкой, тот считается победителем, и все племя его становится участником победы. (См. Рус. Вестн. 1876 г. № 8, стр. 716).
- ²⁵⁴ - Ср. «Быт патриархального еврейского народа». Свящ. П. Сысуева (Правосл. Собесед. 1900 г. Апрель) и Э. Реклю «Человек и Земля» том 2, стр. 111.
- ²⁵⁵ - Такую характеристику мы имеем в ст. проф. Д. Хр. Хвольсона: «Характеристика симитических народов», напечат. в Русском Вестнике 1872 г. кн. 2, стр. 421–475.
- ²⁵⁶ - Известная статья его «Поэзия пустыни» в полном собрании сочинений. изд. в 1859 г. Том 7.
- ²⁵⁷ - История упадка и разрушения Римской империи, т. 5, стр. 480, 487.
- ²⁵⁸ - Сборник таких стихотворений известен под именем «Хамаса», собран Абу-Хаммамом и переведен на немецкий язык Фр. Рюккертом (изд. в Штуттгарте в 1846 г. в 2-х частях).
- ²⁵⁹ - «Поэзия пустыни». Ст. проф. Сеньковского, стр. 186–189).
- ²⁶⁰ - Гиббон, том 5, стр. 486.
- ²⁶¹ - Sprenger, Das Zehen et cet. В. III Die Frauen des Propheten. Мисс. Противомусульм. Сборник. вып. 10. Приложение первое, стр. 26–27.
- ²⁶² - О страстности арабов лучше всего можно судить по рассказу о племени Озра, о котором говорили, что Озриты умирают, когда любят... В Моалаке Имруль-Кайса рассказывается довольно цинично о его любовных похождениях с девицами, замужними и даже беременными

женщинами арабками.

²⁶³ - Коран, гл. 57, ст. 27.

²⁶⁴ - Коран, гл. 2, ст. 183. Ср. ст. 223, той же главы.

²⁶⁵ - Неудивительно, что римский историк и писатель второй половины 4 и начала 5 века по Р. Хр. Аммиан Марцелин заметил о страстности арабов: *incredibile est. quo ardore apud eos in venerem uterque solvitur sexus* (Regum gestarum liber 14, cap. 4:4).

²⁶⁶ - Фр. Гельвальд. Естественная история племен и народов. Том второй, стр. 457–459. (С.-Петербург, 1885).

²⁶⁷ - Особенно по сравнению с отношениями туземцев Туркестанского края к русским чиновникам. И в этом случае последние года оказали дурное влияние на туземцев: некоторые из них, продолжая быть почтительными к представителям мусульманской религии и науки, к русским относятся пренебрежительно и даже отплевываются при встречах с нами. К сожалению, это – несомненный факт...

²⁶⁸ - Кн. Левит, 24:19–21; кн. Числ. 35:16,33; Второзакония, 19:4–13.

²⁶⁹ - Коран, гл. 2, ст. 173.

²⁷⁰ - Коран, гл. 42, ст. 37–39.

²⁷¹ - Коран, гл. 2, ст. 175.

²⁷² - Коран, гл. 17, ст. 35.

²⁷³ - Мориц Каррьер. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества. Том третий. Москва, 1874 г. стр. 116–117.

²⁷⁴ - Описание их заимствуется из истории ислама А. Мюллера.

²⁷⁵ - Имя его вошло потом в поговорку: позднейшие арабы говорили о гордецах: «он превосходит гордостью даже Кулейба».

²⁷⁶ - Число 40 на востоке считается почетным. Это число встречается и в сказках среднеазиатских сартов.

²⁷⁷ - А. Мюллер. История ислама. Том 1-й, стр. 1–7.

²⁷⁸ - См. Коран, гл. 9, ст. 5, 36 и 37.

²⁷⁹ - История ислама, том 1, стр. 8.

²⁸⁰ - Muhemmedanische Studien von Ignaz Goldziher. Halle, Erster Theil.

²⁸¹ - Сын Малека-бен-Аттаба, происходил из племени Таглиб, жил в конце пятого и начале шестого века по Р. Хр. и достиг 150-летнего возраста. Кроме своего поэтического дарования, проявившегося в составлении моаллакаты, похвальных од, сатир и любовных песен, он славился также своей храбростью. Храбрость его вошла у древних арабов в

пословицу: когда хотели превознести храбреца, то говорили: «он храбрый Амру-бен-Кольсума». Биография его переведена и издана в 1829 г. Козегартеном.

²⁸² - Отрывок из его сатиры приведен в предыдущей главе.

²⁸³ - Ст. Сенковского: «Поэзия пустыни». См. Правосл. Благовест. 1901 г. № 8, ст. Арабы Аравии из The Missionery Review.

²⁸⁴ - Православ. Благовестник 1907 года, № 24, стр. 396–371.

²⁸⁵ - Коран, гл. 22, ст. 16–17; ср. гл. 2, ст. 59 и гл. 5, ст. 78.

²⁸⁶ - См. соч. Е. Н. Воронуа «Первоначально-богооткровенная истина единства Божия в древней до-мухаммеданской религии» (Казань, 1874).

²⁸⁷ - Первые цифры означают главы, а цифры после двоеточия – стихи Корана.

²⁸⁸ - Машанов. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда, как введение к изучению ислама. (Казань 1885 г. стр. 525).

²⁸⁹ - По Леббоку, это – признак варварства. См. «Начало цивилизации и первобытное состояние человека» (изд. второе).

²⁹⁰ - Коран, 23:84–85; 37:51 и др. См. в указателе к переводу Корана г. Саблукова, стр. 18–19.

²⁹¹ - Коран, 44:7. Не заключается ли в этих словах Корана намек или отголосок пророчества Иезекииля изложенное в гл. 37 его книги?

²⁹² - Машанов, стр. 546. Реклю «Человек и Земля», т. 2, стр. 94–95.

²⁹³ - Коран, 85:1; 91:1–5; 81:15–16; 83:1; 84:16.

²⁹⁴ - Машанов, стр. 197.

²⁹⁵ - Коран, 50:38; 17:80; 52:48.

²⁹⁶ - «Не поклоняйтесь ни солнцу, ни луне, но поклоняйтесь Богу, который сотворил их» (Коран, 51, 37, 27, 24).

²⁹⁷ - Гл. 6, ст. 74–79. На эти стихи обратил внимание Кремер. Ср. Второзак. 4:19.

²⁹⁸ - И до сих пор еще в городах по нижнему течению Тигра и Ефрата обитает племя Сабеев или Назореев, которые составляли во времена ислама многочисленную звездопоклонническую секту, и которые впоследствии заимствовали у христиан и евреев некоторые, религиозные и нравственные понятия. См. Прав. Благовестник 1896 г. № 24, кн. 2-я, ст. «Звездопоклонники в Месопотамии», стр. 364–368.

²⁹⁹ - Утратив древнее предание о едином истинном Боге, арабы, как и другие языческие народы, не могли оставаться без религии и для

удовлетворения естественного религиозного чувства должны были найти себе бога и нашли его в светилах небесных. И это не единственный пример в истории языческих народов.

³⁰⁰ - Рососк. р. 5.

³⁰¹ - См. соч. Машанова, стр. 275–284 и след.

³⁰² - Необходимо, однако отметить очень любопытный в этом отношении факт: до 80-х годов я не видел в городах Туркестана изображения луны на мечетях сартов; под влиянием татар начинает появляться этот древний языческий знак и на некоторых мечетях сартов.

³⁰³ - Таковы: Фульс и Саад.

³⁰⁴ - См. соч. Машанова, стр. 313–347. Ср. Ленорман, том 2, Арабы. О поклонении Солнцу и Луне см. в сочинениях Дж. Леббока «Начало цивилизации и первобытное состояние человека» и Эд. Тэйлора «Первобытная культура».

³⁰⁵ - См. Нов. Время от 26 марта 1906 г. № 10,767. Письма к близким. О красоте.

³⁰⁶ - Заимств. из той же газеты.

³⁰⁷ - Ренан. «Мухаммед и происхождение исламизма» в соч. «Etudes d'histoire religieuse».

³⁰⁸ - Гл. 7, ст. 157; гл. 62, ст. 2 и др.

³⁰⁹ - См. в указателе Г. Саблукова под сл. «Гений».

³¹⁰ - См. ст. Дж. Леббока, стр. 237 и след.

³¹¹ - Коран, 34:43; 3:19; 62:2.

³¹² - Современные Мухаммеду арабы называются в Коране «невеждам» в отношении боговедения.

³¹³ - В Коране Мекка называется «матерью городов» см. гл. 6, ст. 92; гл. 42, ст. 5. Нужно сравн. Киев и объяснить с религ. точки.

³¹⁴ - В Коране (гл. 22, ст. 25) говорится, что Бог воздвиг ее равно для всех людей – оседлых и кочевых.

³¹⁵ - Коран, 2:118–122.

³¹⁶ - Такой способ богопочитания соответствуют первобытному состоянию арабов. См. Леббока.

³¹⁷ - К этому идолу приносили новорожденного Мухаммеда как бы в знак посвящения.

³¹⁸ - У прор. Иеремии (2:10–11) упоминаются «сыны Кидара», поклоняющиеся богам своим.

³¹⁹ - Не нужно ли видеть здесь сходство с Юпитером.

³²⁰ - См. у Машанова, стр. 441–450.

³²¹ - Коран, гл. 53, ст. 19–21. «Размышляли ли вы об Аль-Лате, Аль-Уззе и о Манате? Ужели у вас дети мужского пола, а у Него дети женского пола?».

³²² - Коран, гл. 71, ст. 22–23: Народ Ноя удерживался в своем заблуждении и говорил себе: «Не оставляйте богов ваших, не оставляйте ни Вадда, ни Сувага, ни Ягуса, ни Ягука, ни Насра.

³²³ - Гор. Тайиф, лежащий по Абульфедде под $67\frac{1}{2}^{\circ}$ д. и $20^{\circ} 2'$ ш., один из немногих городов средней Аравии. Он расположен на возвышенности Гоздан, в 15 милях на западе от Мекки. Арабское предание рассказывает, что во время всемирного потопа, бывшего во времена пророка Ноя, часть суши была отмыта от плодородной Сирии и долго носилась по волнам потопа, пока наконец не остановилась в теперешнем месте. В подтверждение этого арабы указывают на этимологию слова «Тайифа», происходящего от гл. «таф», от которого произошло и название потопа – туфан. Как расположенный на возвышенности, город Тайиф имеет горный климат; на склонах занимаемой им возвышенности замерзает иногда вода. При обилии воды (объясняемом арабами преданием о происхождении этой местности во время потопа) и хорошем горном воздухе, Тайиф славился своими виноградниками и садами, в которых в изобилии росли: персики, сливы, гранаты, фиги, пальмы. – Сушеный виноград составлял главное довольство жителей, принадлежавших к колену Бяну Тсакиф большого племени Хавазин. Славился этот город и своими пашнями, на которых хорошо разводились также дыни. Изобилие фруктов служило предметом торговли его жителей с жителями Мекки; это же обстоятельство, конечно, было причиной и того, что Тайиф с давних пор был одной из удобных остановок торговых караванов на пути из Йемена в Сирию. Мирные отношения жителей этого города с жителями Мекки, поддерживаемые торговлей, способствовали установлению родственных связей между ними при помощи браков. Богатые жители Мекки имели в тенистых прохладных садах Тайифа загородные жилища, в которых и проводили знойное время года. Хотя жители Тайифа были закоренелыми идолопоклонниками (они поклонялись женскому идолу Аль-Лате, которую считали одной из дочерей Аллаха. (Коран, гл. 53, ст. 19–20); но Мухаммеду пришлось спастись в этом соседнем с Меккой городе. По смерти дяди своего Абу-Талиба, он, преследуемый Абу-Сафьяном и Абу-Джахлем, искал убежища в 619 г. в Тайифе. Жители этого

города сначала из любопытства слушали его проповедь, а затем не только стали оскорблять его насмешками, но и бросали в него камни, и Мухаммеду пришлось бежать из города, причем толпа преследовала его и его верного раба Зяйда, пока оба они, покрытые кровавыми ранами и измученные, прибыли в долину Нахла, где Мухаммед имел видение джиннов, описанное в 72-й гл. Корана. Тайиф был защищен крепостью, которую потом Мухаммеду пришлось брать при помощи таранов и осадных башен... В 70-х г.г. 19-го столетия сюда был сослан Мидхад-Паша и другие заговорщики против турецкого султана Абдул-Азиза.

³²⁴ - См. у Машанова, стр. 397–407.

³²⁵ - Там же стр. 397–413. То и другое объяснение имеет ответ в коренном значении глагола, который в 4-ой форме означает испускать детородное семя, а в 1-ой форме предопределять.

³²⁶ - Коран, гл. 53, ст. 19–20. К этим стихам были прибавлены слова в пользу почитания названных божеств, но потом уничтожены.

³²⁷ - См. об обрядах хаджа в соч. Мирошева «Религиозное и политическое значение хаджа» и пр. (Казань, 1877), стр. 185–187; ср. рассказ современного паломника Ишаева «Мекка, свящ. город мусульман» (Ташкент), стр. 18–19.

³²⁸ - См. Рухуль-баян, Толков. на гл. 6, ст. 138. Вместо Абдуллы были принесены в жертву 100 верблюдов.

³²⁹ - В соч. Машанова, стр. 450 и след. упоминаются идолы: Авал, Агул, Азар, Асхам, Вагим, Баджа, Баджар, Джалсад, Джибт, Джигар, Джобгат, Джурайш, Джалсад, Думья, Дзарих, Дзульхальяса, Дарибан, Дайзан и др. Ср. «Ислам» Казембека в Русском Слове, 1861 г. Август.

³³⁰ - Гримме не соглашается признавать под именем Уадда бога любви, а под именем Накры божество ненависти или войны.

³³¹ - См. в Коране многочисленные места по указателю Г. Саблукова под сл. Бог.

³³² - Изложенные сведения о религиозных верованиях южных арабов заимствованы из литограф. перевода соч. Гримме «Mohammed» (Мюнхен, 1904), составляющего приложение к лекциям проф. Лазаревского института А. Е. Крымского по Корану, читанным в 1905 году. (Москва, 1905).

³³³ - Так до сих пор сибирские идолопоклонники поступают со своими идолами: когда желания их исполняются, они мажут маслом или салом лицо идола, а когда не исполняются, тогда они наказывают его

плетью и т. д.

³³⁴ - Имя идола Саад на арабском языке означает счастье.

³³⁵ - Соч. Машанова, стр. 330.

³³⁶ - Рососк. р. 105.

³³⁷ - См. у Е. Н. Воронца: «Первоначально-богооткровенная истина единства Божия в древней до-мухаммеданской религии аравитян» стр. 110. Факт этот приводится многими европейскими ориенталистами.

³³⁸ - Рососк. р. 106.

³³⁹ - Ибн-Хишам, см. соч. Машанова, стр. 251–252.

³⁴⁰ - Подобные этим примеры в изобилии приведены в цитир. соч. Леббока, стр. 227 и след.

³⁴¹ - См. Толкование Корана «Рухуль-баян».

³⁴² - Гуль, Ифрит, Залянбур, Дельхин, Кутраб, Сафиф и др. Об Ифрите рассказано в Коране, что он служил Соломону и вызвался доставить ему престол Савской царицы, прежде чем Соломон встанет с места (гл. 27, ст. 39).

³⁴³ - Коран, гл. 44, ст. 13; гл. 68, ст. 51.

³⁴⁴ - Коран, гл. 7, ст. 183; гл. 52, ст. 29; гл. 68, ст. 2.

³⁴⁵ - Указатель под сл. Гадание.

³⁴⁶ - См. Histoire des langues semitiques. Ср. ст. проф. Хвольсона «Характеристика семитических народов», а также Мор. Карьера, Шпренгера, Кремера и др.

³⁴⁷ - Этой мыслью увлекался и харьковский проф. Петров в своих «Очерках по всеобщей истории» (Магомет).

³⁴⁸ - Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества. Т. 1. Москва, 1870. Стр. 199 и след.

³⁴⁹ - Очерк истории арабской литературы. Арабский язык и до-мусульманская литература арабов (Всеобщая история литературы: составленная под редакцией В. Ф. Корша. Выпуск 13. Спб. 1882 г. стр. 270).

³⁵⁰ - См. Коран, гл. 14, ст. 4; гл. 16, ст. 105; гл. 26, ст. 192; гл. 46, ст. 11.

³⁵¹ - Ренан. О происхождении языка. Перевод с французского А. Н. Чудинова. Воронеж, 1866 г. стр. 96. См. также в Энциклопед. Словаре Брокгауза и Ефрона (том 1) под сл. «Арабский язык и арабская литература».

³⁵² - См. Энциклопедический словарь, составленный русскими учены-

ми и литераторами. Том 5. С.-Петербург, 1862 г. стр. 217 и след.
Цитированное сочинение Ренана «О происхождении языка» и М. Мюллера «Лекции о науке и языке».

³⁵³ - Четырехбуквенные глагольные корни так малочисленны в арабском языке, что общего правила не нарушают.

³⁵⁴ - Гласный звук а, соответственно характеру соединенной с ним согласной, смягчается при произношении в я.

³⁵⁵ - Замечательно также свойство арабских согласных звуков давать новые образования путем простого перемещения этих согласных, например: ба-ка-ра значит был поутру, кя-ба-ра – был гордым, ра-кя-ба – ехал верхом, ба-ра-ка – стал на колени (о верблюде), ра-ка-ба – волновался от горя, ра-ба-ка – связывал. Но не все корневые формы допускают перестановки. См. отдел о глаголе в арабских грамматиках.

³⁵⁶ - В арабском языке, кроме множественного числа, есть особая форма для двойственного числа и две родовых формы – мужская и женская.

³⁵⁷ - В арабском языке считают 6000 корней.

³⁵⁸ - См. у Ренана, стр. 69–70.

³⁵⁹ - Подобно этому, глагол шараба означает пил, без обозначения времени, а глагол сахаба значит пил по утру, глагол каля пил в полдень, глагол габака пил вечером. И производным от этих глаголов имена означают питье утром, в полдень и вечером (Холмогоров).

³⁶⁰ - См. соч. Г. Саблукова стр. 227, 228. Некоторые глаголы означают состояния только известных животных, например: только о верблюде говорится барака, когда он ложится, подгибая колена, чтобы принять на себя вьюк; о льве говорят рибадза, когда он лег в пещере; о птице говорят, джасама, когда она садится (Холмогоров).

³⁶¹ - См. у того же автора на стр. 228.

³⁶² - См. соч. Г. Саблукова «Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения». Казань, 1884 г. стр. 227–229.

³⁶³ - Circuitus или comprehensio – по терминологии Цицерона.

³⁶⁴ - Ренан. «О происхождении языка». Воронеж, 1860 г., стр. 98–99.

³⁶⁵ - Г. Саблуков. «Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения». Казань, 1884 г. стр. 253–254.

³⁶⁶ - Моаллака Йыру-ль-Кайса. Перев. с араб. яз. Г. Муркоса (Москва, 1882 г.). С примечаниями переводчика.

³⁶⁷ - Абу-Мухаммед Касым Басри (настоящее имя поэта) родился в

446 г. гиджры (=1054 г. по Р. Хр.) в Басре (Басора) и умер в том же городе в 515 г. (т. е. в 1121 г. по Р. Хр.).

³⁶⁸ - Фантастические, рассказы поэта Харири известны у арабов под общим именем «Бесед» (Макамат).

³⁶⁹ - Это – намек на обычай древних арабов отрезать вору руку, обычай, узаконенный потом в Коране (гл. 5, ст. 42).

³⁷⁰ - Г. Саблуков. «Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения». Казань, 1884 г. стр. 277–280.

³⁷¹ - Так, наприм.: глагол «знал» имеет в Коране пять выражений; так же и глагол «делал»; слово «год» передается тремя словами и т. д. См. у Г. Саблукова, стр. 230–231.

³⁷² - Русский читатель перевода Корана должен, однако иметь в виду, что перечисленные особенности языка Корана часто незаметны в переводе не только вследствие несоответствия переводного (русского) языка подлинному (арабскому) языку, но и потому, что поэтические места Корана затеваются речами прозаического тона, а еще более потому, что в современном тексте Корана речи разного времени и различного содержания соединены вместе нередко без всякого соответствия в содержании. Такая нелепая система в расположении отдельных отрывков Корана и разнообразие его содержания производят на европейского читателя этой восточной книги крайне утомительное впечатление, как заявляют об этом даже знатоки подлинного Корана: Шпренгер и др. Неориенталист Карлейль высказался в таких выражениях о Коране: «Никогда мне не приходилось читать такой утомительной книги. Скучная, беспорядочная путаница, непереваренная, необработанная; бесконечные повторения, нескончаемые длинноты, запутанности; совсем непереваренные, крайне необработанные вещи; невыносимая бестолковщина, одним словом! Одно только побуждение долга может заставить европейца читать эту книгу. Мы читаем ее с таким же чувством, как перебираем в государственном архиве массу всякого неудобочитаемого хлама, в надежде найти какие-нибудь данные, проливающие свет на замечательного человека. Правда, нам приходится считаться с особенным неудобством: арабы находят в нем больше порядка, чем мы. Последователи Магомета получили не цельное произведение, а отдельные отрывки, как они были записаны при первом своем появлении» (Герои и героическое в истории. Перев. с английского В. И. Яковенко Спб. 1894 г. стр. 90–91).

³⁷³ - Ср. выше отзыв Карлейля.

³⁷⁴ - Арабы воображают, говорит Ренан, что у одного их языка есть грамматика и что все другие языки – только грубые наречия.

³⁷⁵ - Выражение «аят», означающее стихи Корана, значит буквально знамение, чудо.

³⁷⁶ - См. Мухаммед и происхождение исламизма в пер. Чуйко, стр. 84, 85.

³⁷⁷ - Мусульманская секта Моздарийцев отвергала такой взгляд. См. у Саблукова стр. 283.

³⁷⁸ - Idhhar-ul-haqq ou Manifestation de la verite d'el-hage Rahmatullah Efendi de Delhi... Traduit de l'arabe par un jeune Tunisien. Revu et corrige sur le texte et augmente d'une Preface, d'Appendice et de quelques Notes par P. V. Carletti... Paris. Tom. 1 et 2. См. Правосл. Собеседник 1894 г. январь, стр. 69, 98.

³⁷⁹ - Рекомендуем обратить внимание на еженедельники, издаваемые на русском языке в Париже под именем «Мусульманин» и в Константинополе под именем «Стамбульские известия».

³⁸⁰ - «Человек и Земля». Том шестой, стр. 410 (С.-Петербург, 1909).

³⁸¹ - Bibliotheka Historika, lib. 3.

³⁸² - Очевидно, до нас не дошли действительные побуждения первых строителей Каабы. Не было ли в древности у Хиджазских арабов какого-нибудь фетиша, в форме равностороннего камня, который потом был воспроизведен в виде кубообразной постройки.

³⁸³ - Все это оч. напоминает местоположение Иерусалима с горой Мориа.

³⁸⁴ - По объяснению некоторых, это – древняя моавитская страна, в окрестностях Мертвого моря.

³⁸⁵ - В Коране (гл. 5, ст. 4 и 92) гадание по стрелам было запрещено. Выше было указано на случай с Имру-ль-Кайсом, который в досаде на идола, бросил ему стрелу в лицо. (См. о культе Хобала у Абуль-Феды и Пококка, а также у Рено, Деверже и Персеваля).

³⁸⁶ - До Мухаммеда для покрова Каабы были две кясы – летняя и зимняя.

³⁸⁷ - Слово «Корайш» по более авторитетному объяснению Ибн-Хишама, означает «купца, торговца», но не – насмешливое прозвище. Последнее не соответствовало бы возвышению племени, между тем как торговля могла способствовать возвышению его, особенно среди бедуинов.

³⁸⁸ - Всякую невыгодную сделку арабы стали называть «продажей

Абу-Губшана»; о людях глупых говорили: «Он глупее Абу-Губшана»; о потерпевших большие убытки говорили: «Он потерпел более убытка и сожаление его о потерянном было более, чем у Абу-Губшана».

³⁸⁹ - Братья по отцу, представители племени Одар и Корайшиты.

³⁹⁰ - За это Косай получил прозвище «Собирателя» (Аль-Моджаммиг), напоминающее прозвище древнерусских князей – собирателей русской земли.

³⁹¹ - Можно предположить, что Косай хотел придать Каабе одинаковую длину, и ширину, чтобы она представляла правильную геометрическую фигуру. В тоже время он значительно увеличил ее высоту, чтобы сделать более заметным все здание, находившееся во впадине Меккской долины и уже окруженное постройками арабов.

³⁹² - Отец Мохаммеда. Это жертвоприношение было выкупом за Абдаллаха, которого Абдул-Муталлиб должен был принести в жертву в благодарность Богу за дарование ему сыновей.

³⁹³ - В вып. 2-м Миссионер. Сборника изложено описание этого храма, на стр. 234.

³⁹⁴ - См. «Религиозное и политическое значение хаджа» соч. М. Миропиева, напечат. в Миссионерском противомусул. сборнике, вып. 15, Казань, 1877.

³⁹⁵ - Интересующимся этим вопросом рекомендуем обратить внимание на §§ 8–13 курса истории религий, сост. проф. богословия при Казанском Университете, прот. А. В. Смирновым (Казань, 1908).

³⁹⁶ - Коран, 2 гл., 185 ст. См. примеч. к этому стиху Казимирского, а также в переводе Колмакова 103 примеч. на 2 гл. Корана.

³⁹⁷ - Росок, 303. Розен, «Древняя арабская поэзия и ее критика» Спб. 1872 г. стр. 45.

³⁹⁸ - Мухаррам, Раджаб, Джуль-Каада и Джуль-Хиджа. Название «Раджаб» выражает идею страха и уважения. Этот месяц назначался преимущественно для поста, покаяния и умры т. е. для посещения св. мест.

³⁹⁹ - Три солнечных года дают 1095 дней, 17 часов, 28 минут и 15 секунд; три арабские года, из которых два в 12 месяцев и один в 13; дают только 1092 дня, 15 часов и 8 минут. Получается разность – 3 дня, 2 часа, 20 минут и 15 секунд.

⁴⁰⁰ - См. цитиров. соч. М. Миропиева.

⁴⁰¹ - Die Anfänge des katholischen Christentums und des Islams. (Nordlinhen; 1884, 5:82–83).

- ⁴⁰² - Коран, гл. 2, ст. 73; гл. 3, ст. 72; гл. 5, ст. 18.
- ⁴⁰³ - Архим. Арсений в Правосл. Обозрении 1870 г. июль – сентябрь, стр. 51.
- ⁴⁰⁴ - См. в Миссионер. противомусульм. Сборнике вып. 7, 8 и 21.
- ⁴⁰⁵ - Acta sanctorum, 31 Ianuarie. Евсевий, История церкви.
- ⁴⁰⁶ - Таковы: Гераза, Есевон, Эн, Неел, Заравена, Неаполь, Герра Неви, Медава, Евтимия, Константианиана, Дионисиада, Максимианополь Адран, Ареополь, Айла, Елуза, Зоар и др. (Стр. 55–56 у Арх. Арсения).
- ⁴⁰⁷ - Сочин. Н. Разумова. Миссионерск. противомусул. Сборник вып. 11, стр. 20 (Казань, 1876).
- ⁴⁰⁸ - Не напоминает ли это название о смутном намеке, занесенном в Коран (гл. 38, ст. 12; гл. 50, ст. 13) о жителях Айка?
- ⁴⁰⁹ - Сел. Айла упоминается у Страбона под именем Белой деревни (см. выше). Очевидно, она занимала важный пункт на древнем караванном пути, а в христианскую эпоху сделалась центральным местом для окрестных новообращенных арабов и на Халкидонском соборе (451 г.) была переименована в архиепископию.
- ⁴¹⁰ - Так можно утверждать, что митрополиты Петры Аравийской «носили только титул митрополитов» и позднешему митрополиту Мелетию, сконч. в 1867 году, пришлось потрудиться о своих арабских пасомых, о которых его предшественники мало заботились. (См. Странник, Январь 1869 года).
- ⁴¹¹ - Так был приговорен в жертву Утренней Звезде сын преподобного Нила Синайского Феодул в 411 году по Р. Хр.
- ⁴¹² - В ст. Архим. Арсения, стр. 67 (Правосл. Обзор. 1870 г. Второе полугодие).
- ⁴¹³ - Второе путешествие в Синайский монастырь (См. ст. Архим. Арсения).
- ⁴¹⁴ - У папы Геласия (Opera Gelasii Migne) упоминается Ипполит, Митрополит Аравийский. См. Творения св. Ипполита, еп. Римского в рус. пер. Выпуск 1. (Казань, 1898 г., стр. 12–13).
- ⁴¹⁵ - Сын Константина Великого, ум. 3 ноября 391 г. по Р. Хр.
- ⁴¹⁶ - У Петра Дамиани упоминается еп. Адена Ипполит, обративший в христианство 3000 сарацин. (См. Творения св. Ипполита, еп. Римского в рус. пер. Вып. 1. (Казань, 1898 г., стр. 12–13).
- ⁴¹⁷ - См. Житие св. Симеона под 1 сентября. Вероятно, это известно надо принимать с большим ограничением, относившимся к отдельным

личностям, а не ко всей массе христиан-химьяритов.

⁴¹⁸ - Из Персии в Емен проникли несториане и яковиты.

⁴¹⁹ - Характеристика его представлена выше.

⁴²⁰ - Полнее имя его – Абу-Мухаммед Абдул-Малик Ибн-Айюб, арабский ученый из Басры. Он обработал жизнеописание Мухаммеда, составленное Ибн-Исхаком (ум. в 768 г.) изд. Вюстенфельдом в 1858–1860 гг. (Перев. на нем. яз. Вейлем в 1864 году). – Ибн Хишам умер в 833 г. в Каире.

⁴²¹ - О Зяйде рассказывают, что он не ел околевших животных, крови и мяса жертвенных животных... Все это было запрещено правилами апостольского собора, бывшего в Иерусалиме (Деян. 15:20).

⁴²² - См. в соч. М. А. Машанова (стр. 543–544) стихи арабского поэта Тарафы, удостоенные всеобщей народной похвалы.

⁴²³ - См. Коран, гл. 2, ст. 129; гл. 3, от. 60; гл. 4, ст. 124 и друг.

⁴²⁴ - Коран, гл. 7, ст. 156; гл. 46, ст. 9; гл. 6.

⁴²⁵ - Там же, гл. 2, ст. 123 и др.

⁴²⁶ - См. у В. Снегирева в соч. «Учение о Лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства». (Казань, 1870).

⁴²⁷ - См. Критический разбор мухаммеданского учения о пророках (Казань, 1874) в Миссионер. Сборнике, вып. 4.

⁴²⁸ - См. об этом Миссионер. противомусульм. Сборник, вып. 7 и 21.

⁴²⁹ - Христианская Сирия и Синайский полуостров не входят в границы Аравии.

⁴³⁰ - Ср. брошюру «Миссионерский Съезд в Казани 13–26 июня 1910 года» и «Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам», – доклад на этом съезде проф. М. Машанова (Казань, 1910).

⁴³¹ - Ст. «С паломниками в Мекку» 5 (Нов. Время от 8 апреля 1910 года № 12, 236).

⁴³² - См. Нов. Время от 8 апреля 1910 за № 12236.

⁴³³ - Разумеется – турецкое. Авт.

⁴³⁴ - В турецкой лире считается 100 шастров. Поэтому, на наши деньги цена негров колеблется от 25 до 50 руб. Авт.

⁴³⁵ - То есть до 500 руб. Авт.

⁴³⁶ - Замечательно, что прогрессивный мусульманин возмущается работорговлей только потому, что в продажу поступают мусульмане...

Значит, мусульманский прогресс только для мусульман, хотя в Коране и шариате рабство разрешается, а в христианстве отменено. Авт.

⁴³⁷ - Зная восточные нравы, трудно возлагать на европейских консулов такую щекотливую задачу. Авт.

⁴³⁸ - Разумеется праздник, наступающий после посещения Арафата.

⁴³⁹ - Изд. в Париже татарский журнал «Мусульманин» от 30 января (12 февраля) 1910 года № 1. ст. «С берегов священного Геджаса» (стр. 96–97).

⁴⁴⁰ - См. Коран и Шариат.

⁴⁴¹ - «Мусульманин» № 13 от 10/23 июля 1910 года. Ст. «С берегов св. Геджаса».

⁴⁴² - Россия от 14 февраля 1910 года № 1299.

⁴⁴³ - № 13 от 10/23 июня 1910 г. Ст. «С берегов свящ. Геджаса».

⁴⁴⁴ - Нов. Вр. от 9 апреля 1910 года № 12240.

⁴⁴⁵ - См. доклад еп. Алексея (доктора богословия) о современ. движении в исламе; доклад проф. Натанова о современ. состоянии татар-мухаммеддан о их отношении к другим инородцам; два доклада автора настоящей книги о колебаниях русского духовного и гражданского начальства во взглядах на миссионерское дело и на мусульманские школы и др.

⁴⁴⁶ - Мы не можем согласиться с таким мнением иностранного профессора, никогда в России не бывавшего и с церковной историей России незнакомого. С уверенностью можно сказать, что столь односторонний взгляд подсказан французскому ученому прогрессивными татарами, проживающими во Франции. Авт.

⁴⁴⁷ - М. Гюйо. Безверие будущего. Социологическое исследование. С биографической заметкой о Гюйо Ал. Фулье и с предисловием проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Перев. с франц. под редакцией Я. Л. Сакера. (С.-Петербург, 1908. 1–507).

⁴⁴⁸ - См. ст. А. Лукинского в газ. «Россия» (от 1 авг. 1910 г. № 1442) под заглавием «Христианство без Христа».

⁴⁴⁹ - Таких примеров в Туркестанском крае было несколько. Последний случай насильственной выдачи за мусульманина русской девушки ее собственным отцом за 500 р. калыма описан в № 180 Туркест. Курьера от 12 авг. 1910 года. Несколько в другом роде случай описан в № 183 той же газеты от 15 авг. 1910 г.

⁴⁵⁰ - Такие случаи известны среди образованных женщин Германии,

Франции, Англии, Америки и Австралии как об этом заявлено в газ. «Каспий» со слов немецкого журнала (№ 47; «Uber Land und Meer». См. нашу ст. «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае» (Сборн. имени К. П. фон Кауфмана. Москва. 1910).⁴⁵¹ - (Турк. Кур. 1910 г. № 167 от 27 июля).

Содержание

Исламоведение. 1. Аравия, колыбель ислама	1
Николай Петрович Остроумов	
Географическое описание Аравии	4
Исторические сведения о древней Аравии	27
Древние обитатели Аравии	56
Домашний и общественный быт древних арабов	78
Характер и нравы древних арабов	101
Религиозные верования древних арабов	125
Арабский язык – язык Корана	146
Кааба и обряды хаджа у древних арабов	160
Арабы и христианство	172
Современное положение Аравии и взгляд на будущую судьбу ислама	185
Примечания	198